Переводы святых отцов
по структуре

Славянского Добротолюбия
(на русском языке)

ТОМ 3

ОГЛАВЛЕНІЄ

ТОМ 3

1. Краткое сведение о преподобном отце нашем Исаии…..... 5
2. Авва Исаия отшельник. О хранении ума - 27 глав……. 6
3. О преподобном Петре Дамаскине……. 12
4. Петра Дамаскина книга первая…….. 14
5. Петра Дамаскина книга вторая…….. 116

Краткое сведение о преподобном отце нашем Исаии [1]

Преподобный отец наш Исаия Отшельник жил во второй половине четвертого столетия от Рождества Христова (ум. около 370), современником же был авве Макарию Великому. День и ночь поучаясь в Божественных Писаниях и, обильные черпая струи духовной мудрости из спасительных сих источников, он соделался творцом многих прекраснейших словес, которые обнимают разные душеспасительные предметы и составляют целую книгу. От этих словес он отделил 27 глав для тех, кто желает блюсти свой ум. И кратко изъяснил, как нужно отражать прилоги помыслов и иметь незазорную совесть, и в спокойствии всяком разумно сохранять трехчастие души.

[1] Переведено по славянскому Добротолюбию.

Аввва Исаия отшельник. О хранении ума - 27 глав [2]

Уму по естеству свойствен гнев на страсти. Без гнева и чистоты не бывает в человеке, - если то есть не будет он гневаться на все, всеваемое в него врагом. Хотящий придти в этот естественный уму гнев отсекает все свои хотения, пока не поставит себя в состояние, характеризуемое умом (умное, духовное состояние, в котором душа и тело подчинены во всем духу).

2. Если, противостоя врагу, увидишь, что полчище его, ослабев, обращается в бегство от тебя, да не обрадуется тем сердце твое; потому что эти враги устроили для тебя злохитрый ков позади себя. И там-то они готовят тебе брань злейшую первой. Выступая против тебя, они оставили за городом в засаде значительную часть полчища своего, приказав им не двигаться. И вот, когда ты воспротивился им и выступил против них, они побежали от лица твоего, будто бессильные; но если сердце твое вознесется тем, что ты прогнал их, и ты таким образом оставишь город, тогда поднимутся и те, кои остались позади в засаде, остановятся и эти бегущие впереди тебя, – и охватят бедную душу со всех сторон, так что ей не останется уже никакого убежища. Город есть молитва; противостояние врагам есть противоречие помыслам во Христе Иисусе, а выступление против них есть гнев.

3. Станем же, возлюбленные, в страхе Божием, храня и соблюдая практику добродетелей; не давая претыкания совести нашей, но внимая себе в страхе Божием, пока и она освободит себя вместе с нами, так чтобы между нами и ею было единение, и она сделалась наконец нашею блюстительницею, показывая нам все, в чем может преткнуться. Но если

---

[2] Поучения Аввы Исаии отшельника в переводе Святителя Феофана Затворника.

мы не станем слушаться ее, то она отступит от нас и оставит нас. Тогда впадем в руки врагов наших, которые уже не выпустят нас из них, как научил нас Владыка наш, говоря: *буди увещаваяся с соперником твоим скоро, дондеже еси на пути с ним,* и проч. (Мф. 5, 25). Говорят, что соперник этот есть совесть, потому что она противится человеку, хотящему творить волю плоти своей. Если он не послушает ее, она предает его врагам его.

4. Когда Бог увидит, что ум покорился Ему всею силою и не ожидает помощи ниоткуда, как только от Него Единого, тогда укрепляет его, говоря: *Не бойся, яко избавихтя, и прозвахтя именем Моим: Мой еси ты. И аще проходиши сквозе воду, с тобою есмь, и реки не покрыют тебе: и аще сквозь огнь пройдеши, не сожжешися, и пламень не опалит тебе. Яко Аз Господь Бог твой, Святый Израилев, спасаяй тя* (Ис. 43, 1–3).

5. Когда ум услышит такое воодушевление, тогда смело обращается к врагам и говорит: кто хочет бороться со мною? Пусть станет против меня! И кто хочет судиться со мною? Да приближится ко мне! Се Господь помощник мой, кто озлобит меня? Се все вы обветшаете, как одежда от моли.

6. Если сердце твое, вполне возненавидев грех, напрягается побеждать его, и отстранившись от всего, что рождает грех, положило пред очами твоими муку (вечную), то ведай, что Помощник твой сопребывает с тобою, – и ты ни в чем не оскорбляя Его, но плача пред лицом Его, говори, внимая сердцу своему: Милость Твоя, Господи, да избавит меня; сам же я не силен избежать из рук вражеских без Твоей помощи! И Он сохранит тебя от всякого зла.

7. Монах должен затворить все двери души своей, т. е. чувство, чтоб не пасть чрез них. Когда, таким образом, ум увидит, что ничто не вторгается, чтоб овладеть им, то готовится к бессмертию, собирая все чувства свои воедино и делая их единым телом.

(Мысль: ум, не развлекаемый внешним чрез чувства, сосредоточивается в себя и преселяется в оный век. Мысль и Василия Великого).

8. Когда ум станет свободен от всякой надежды на что бы то ни было видимое мирское, то это есть признак, что грех умер в тебе.

9. Когда ум станет свободен от страстей, тогда средостение, которое было между им и Богом, падает.

10. Когда ум освободится от всех врагов своих и возсубботствует, тогда он есть в ином веке, новом, новое созерцая и нетленное. *Идеже убо труп, тамо соберутся орли* (Мф. 24, 28).

11. Притаиваются иногда на время демоны с коварством, не даст ли свободы человек сердцу своему, подумав, что почил уже (от брани). (Если случится точно так), внезапно наскакивают они на бедную душу и схватывают ее, как малую птичку. И если они окажутся сильнее ее и

преодолеют ее, то без милости смиряют ее (унижают) всяким грехом, злее прежних, прощение которых она вымолила было. Будем же непрестанно стоять в страхе Божием и строго блюсти сердце, неопустительно совершая делания свои (подвижническую практику), и храня добродетели (умно-сердечный строй), кои полагают препону злобе врагов.

12. Учитель наш Иисус Христос, зная крайнюю немилостивость врагов наших и жалея род человеческий, заповедал, как строго должно держать сердце, говоря: будьте готовы на всякий час, ибо не знаете, в какой час тать придет, чтоб когда придет, не застал он вас спящими (Мф. 24, 43 и т. д.). И еще: *внемлите себе, да не когда отягчают сердца ваша объядением и пиянством и печальми житейскими, и найдет на вы внезапу день той* (Лк. 21, 34). Стой же над сердцем твоим, внимая чувствам. И если память Божия соединится с тобою, то легко будешь схватывать врагов, подкрадающихся украсть ее. Ибо строго смотрящий за помыслами тотчас узнает тех, которые хотят войти, чтоб осквернить его. Они смущают ум, чтоб он развлекся и стал бездействен (отстал от своего делания). Но знающие лукавстве их хранят себя невозмутимыми, моляся Господу.

13. Если не возненавидит человек все, что деется в мире сем, то не может служить и поклоняться Богу, как должно. Ибо служение Богу что есть, если не то, чтоб ничего не иметь в уме чуждого, когда он молится; ни сласти (чувственной), когда благословляет Бога, ни гнева, – когда поет Ему, ни ненависти, когда величает Его, ни злого рвения и зависти, когда приседит Ему и памятует о Нем. Ибо все это мрачное есть стена, окружающая бедную душу; и она, имея это в себе, не может чисто служить Богу. Ибо оно удерживает ее в воздухе и не допускает ей сретить Бога (предстать Ему умно), в тайне благословить Его и помолиться Ему в сладости сердца, да просветится от Него. Ум всегда омрачается и не может преуспевать в жизни по Богу того ради, что не печется отсекать все сие разумно.

14. Когда ум ревнует избавить чувства душевные от плотских пожеланий и провести их (перевезть как на лодке) в бесстрастие, и самую душу отделить от плотских пожеланий, тогда, если бесстыдные страсти устремятся на душу, чтоб овладеть чувствами ее и увлечь их в грех, и ум начнет втайне непрестанно возопиять к Богу, то Бог, видя это, пошлет помощь Свою и прогонит их в одно мгновение.

15. Умоляю тебя, пока ты в теле, не послабляй сердцу своему. Ибо как земледелец не может положиться ни на какой хлеб, восходящий на поле его; ибо не знает, что будет из него, прежде чем уберет его в житницы свои: так человек не может послабить сердцу своему, пока есть дыхание в ноздрях его (Иов. 27, 3). Не знает он, какая страсть сретит его до последнего издыхания; потому не должен послаблять сердцу, пока

имеет дыхание. Но надлежит ему всегда вопиять к Богу о Его помощи и милости.

16. Не обретающий помощи во время брани не может верить и миру.

17. Когда кто отделится от шуей стороны, тогда верно познает и все согрешения, которые соделал пред Богом: ибо обычно он не видит грехов своих, если не отдалится от них отдалением горьким (т. е. с сокрушением и болью сердца). Достигшие в эту меру плачут, умножают молитвы, стыдом покрываются пред Богом, поминая о своем непотребном содружестве со страстьми. Будем же подвизаться, братие, по силам нашим; и Бог посодействует нам по множеству милости Своей. Если не сохранили мы сердца нашего, как отцы наши, употребим труд сохранить по крайней мере тела наши безгрешными, как требует того Бог. И веруем, что во время глада, постигшего нас, сотворит Он и с нами милость, как со святыми Своими.

18. Предавший сердце свое тому, чтоб искать Бога в благочестии истинно, не может тотчас возыметь мысль, что благоугоден Богу труд его. Ибо пока обличает его совесть в чем-либо противоестественном, дотоле чужд он свободы. Ибо когда есть обличающий, есть и осуждающий; а где есть осуждение, там нет свободы. Итак, когда молясь увидишь, что совершенно ничто не обличает тебя во зле, тогда можно сказать, что ты свободен и вошел в святой покой Его по благоволению Его. Когда увидишь, что добрый плод укрепился и не подавляется более плевелами вражиими; что ратники, полагавшиеся на свое вселукавство, хоть не сами по себе, отступили, чтоб не вести более брани с чувствами твоими; что – облак осенил над скиниею твоею, и солнце не жжет уже тебя во дни, ни луна нощию; что в тебе все уже готово для скинии, чтоб поставить ее и хранить по воле Бога, то знай, что ты одержал победу силою Божиею. Тогда наконец и Сам Он осенит над скиниею, ибо она Его. Пока же есть брань, человек находится в страхе и трепете, победит ли ныне, или побежден будет, и завтра побежден ли будет, или победит. Подвиг тяготит сердце; бесстрастие же свободно от брани: ибо получило уже должное и перестало пещись о трех, бывших в разъединении, частях человека, потому что они достигли взаимного умиротворения в Боге. Эти три части суть: душа, тело и дух. Когда они станут едино действием Св. Духа, то уже не могут разлучиться. Не думай, что ты умер греху, пока насилуем бываешь от врагов, во время ли то бдения, или во время сна. Ибо пока бедный человек еще течет на поприще, до тех пор не имеет дерзновения.

19. Если ум воодушевится и решится с готовностию последовать любви, погашающей страсти телесные, и силою ее не станет попускать ничему неестественному (страстям, греху) овладевать сердцем, то он,

противостоя таким образом тому, что неестественно, достигает наконец того, что совсем отревает его от того, что естественно.

20. Каждодневно испытывай себя, брат, и усматривая в сердце своем, пред лицом Бога, что в нем есть страстного, отревай то от сердца своего, чтоб страшное решение (участи твоей) не постигло тебя (прежде чем очистишься).

21. Внимай сердцу своему, брат, и бодренно наблюдай за врагами своими: ибо они коварны в злобе своей. Убедись сердечно в той истине, что нельзя делать доброе человеку творящему (любящему) злое. Потому Спаситель научает нас бодрствовать, говоря, – что *узкая врата и прискорбен путь, вводящий в живот, и мало их есть, иже обретают его* (Мф. 7, 14).

22. Внимай себе, чтоб что-нибудь погибельное не отдалило тебя от любви Божией; удерживай сердце твое и не унывай, говоря: где мне сохранить его, человеку грешнику? Ибо когда оставит человек грехи свои и обратится к Богу, тогда покаяние его возрождает его и делает его всего новым.

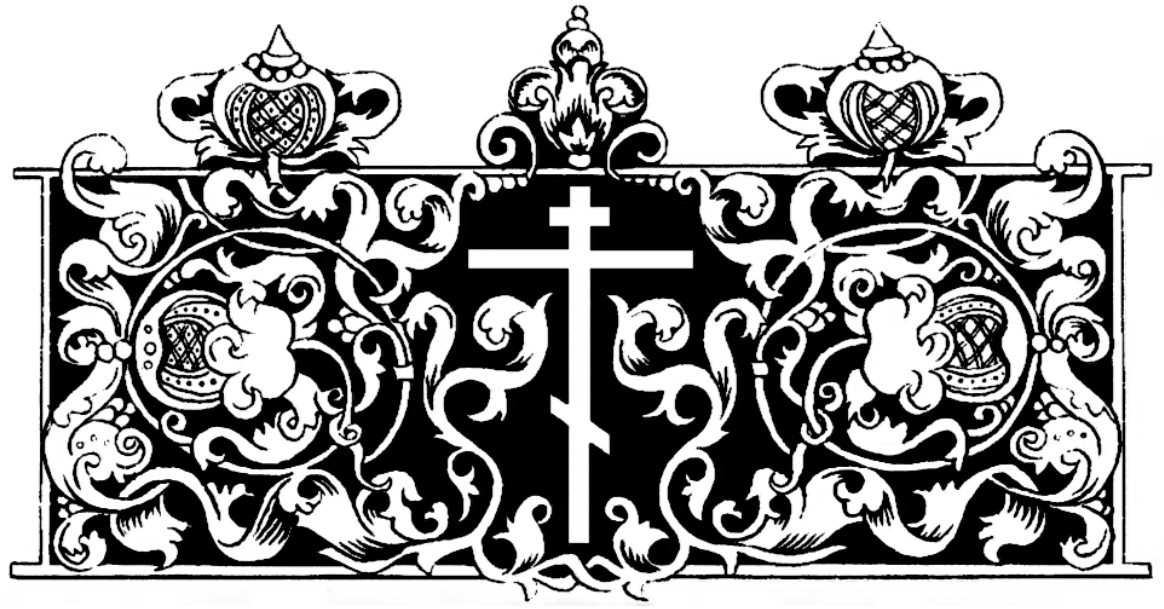
23. Божественное Писание, ветхое и новое, повсюду говорит о хранении сердца. Инок должен разуметь цель Писания, кому оно что говорит и для чего. Должно ему также постоянно держать труд подвижничества и, внимая прилогам противоборца, – подобно искусному кормчему, уметь переходить мысленные волны, управляясь благодатию; чтоб таким образом не совращаясь с пути, но себе единому внимая, в безмолвии беседовать с Богом нерассеянным помыслом и непытливым умом.

24. Время требует от нас молитвы, как кормчего ветры, треволнения и бури воздушные. Мы способны принимать прилоги помыслов и добрых и худых. Владыкою страстей именуется и есть благочестивый и боголюбивый помысл. Нам безмолвникам должно внимательно и трезвенно различать и распределять добродетели и пороки, – какую добродетель держать в присутствии братии и отцов, и какую исполнять, когда бываем наедине, – и какая добродетель первая, какая вторая и третья; также, – какая страсть есть душевная, и какая телесная, и какая добродетель душевная, и какая телесная, еще – из-за какой добродетели гордость поражает ум; из-за какой тщеславие приражается, из-за какой подходит гнев, из-за какой чревоугодие нападает. Ибо мы должны *низлагать помышления, и всякое возношение, взимающееся на разум Божий* (2 Кор. 10, 5).

25. Первая добродетель есть беспопечительность, т. е. умертвие от всякого человека и всех дел; от ней потом рождается желательное стремление к Богу, а это рождает естественно гнев, который восстает против всего, всеваемого врагом. Тогда находит себе обитель в человеке страх Божий; действием же страха раскрывается потом любовь.

26. Надобно во время молитвы прилог помысла отвращать от сердца благочестивым противоречием, чтоб не оказаться нам – устами Богу молящимися, а в сердце помышляющими неуместное. Не принимает Бог от безмолвника молитвы, расхищаемой помыслами и небрежной. И Писание всюду заповедует хранить душевные чувства. Если воля инока покорится Закону Божию, и ум начнет по сему закону управлять подчиненных своих, – разумею, все чувства душевные, особенно же гнев и похоть; ибо они суть подчиненные ума: тогда добродетель нами совершена и правда исполнена; пожелание устремлено к Богу и воле Его, а гнев против диавола и греха. Что же еще потребуется? – Тайное поучение.

27. Если срамота всеяна будет в сердце твое, когда сидишь в келлии своей, смотри, противостань злу, чтоб иначе оно не овладело тобою: потщись помянуть Бога, – что Он внимает тебе, и что пред Ним открыто все, о чем помышляет сердце твое. Скажи душе твоей: если ты боишься подобных тебе грешников, чтоб они не видали грехов твоих, не тем ли паче должен ты бояться Бога, Который всему внемлет? От этого увещания откроется в душе страх Божий, и если ты пребудешь с ним, то будешь неподвижен в страсти (не увлекут тебя страсти), как написано: *надеющиися на Господа, яко гора Сион: не подвижится во век живый во Иерусалиме* (Пс. 124, 1). И во всяком деле, которое делаешь, содержи в уме, что Бог видит всякий помысл твой, и никогда не согрешишь. Ему слава вовеки. Аминь.

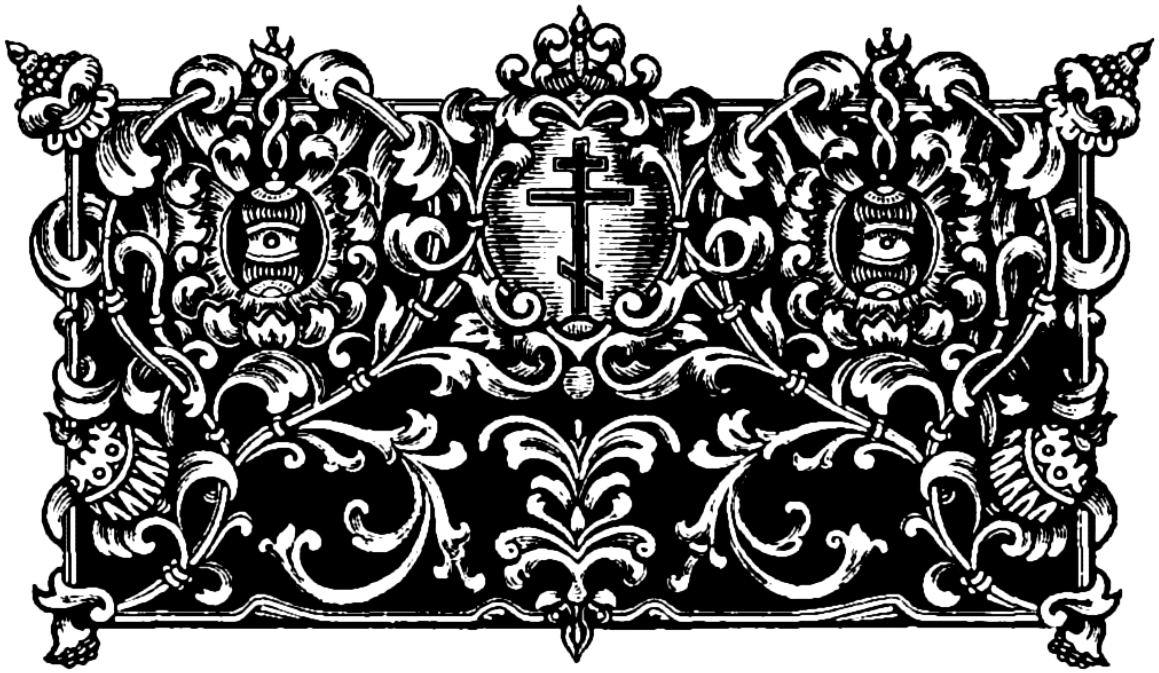
О преподобном Петре Дамаскине [3]

Преподобный отец наш Петр, бывший епископом Дамаска, жил в царствование Константина Копронима в 775 году. Проходя сначала уединенную и отшельническую жизнь, он был так нестяжателен, что не имел даже и книги, собственно ему принадлежавшей, как сам он о себе свидетельствует. Но, получая от других книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета, великих учителей Церкви и вообще всяких других подвижных и богоносных отцов, был так трудолюбив, что, *поучаясь в законе Господни день и нощь* и напоеваемый отсюда животочными струями, оказался поистине, согласно слову Псалмопевца, древом высоким и небесным, насажденным при самых *исходищах* Духа (Ср.: Пс 1, 2–3). Однако то однажды, в свое время, дает плод свой, а это — не так, но во всякое время непрестанно, пребывая неоскудевающим и всегда цветущим, произращает духовные плоды, прекрасные для зрения, сладкие для вкуса, благовонные для обоняния, питающие всякое чувство души и тела проистекающими из них бессмертными и благовонными сладостями. Многие и великие плоды принес он в жизни своими подвижническими трудами, но еще б*о* льшие и величайшие при смерти получением венца мученического. (За обличение злославной ереси манихеев и арабов Валид, сын аравийского начальника Исима, урезал ему язык и отправил его в заточение в счастливую Аравию, где святой Петр, чисто говоря и священнодействуя, скончался.) Еще гораздо большие и по превосходству величайшие плоды приносит он нам по смерти, оставив, как отеческое и неотъемлемое наследство, сию поистине превосходную и преисполненную добра книгу, тщательно и с неизъяснимою благодатию им трудолюбиво сочиненную, — общее и душеспасительное восхваление всех доброде-

[3] Перевод жития из славянского Добротолюбия.

телей, сокровищницу в*е* дений, собрание духовных дарований, высоту Божественных блаженств, жертвенник телесных деяний, тончайший разбор страстей, рог изобилия подвижнической жизни, вместилище Божественного познания и премудрости и, чтобы сказать вкратце: краткое изложение священного трезвения. Зная это сродство ее с предлежащею книгою («Добротолюбием»), много содействующее исполнению принятого нами намерения, мы сочли за нужное соединить и ее (книгу святого Петра) с прочими, как справедливо скажет кто-либо: круг с кругом, добротолюбие с добротолюбием, великое с большим, сокращенное с пространнейшим. Невозможным показалось нам разделять такую, как мы сказали, цепь духовных плодов, — собрание Божественного лика священных подвижников (и самая эта книга обличила бы нас в неведении добра, не терпя своего отделения от знающих и любящих ее отцов, чего да не будет), дабы нам с этой стороны не уменьшить купли, по необходимости требующей и сего прибавления, а вместе с тем и не лишить братий наших великой пользы, ибо всегда умножение доброго производит по обычаю и большее благодеяние.

Если же кто желает получить два крыла духовного голубя, которых Давид искал, но не нашел, тот пусть трудолюбиво прочитывает эту книгу. Чудесно найдет он в ней одно крыло деяний, все посеребренное, и другое ведений, все златовидное; возвышаясь, с помощию обоих, от всего земного, возлетит он к небесной высоте и, как добрая голубица, поселившись в горних местах, упокоится в небесном блаженстве.

Книга первая [4]

Начало с Богом содержания книги преподобного и богоносного отца нашего священномученика Петра Дамаскина

Многих и великих даров сподобившись от Бога, по благодати, и не сделав ничего доброго, я, бедный, убоялся, чтобы по лености и праздности не пришли для меня в забвение такие дары и столькие благодеяния Божии и мои прегрешения, и не оказался я неблагоразумным и неблагодарным к Благодетелю. Потому и написал это напоминание [5] в обличение бедной души моей, и поместил в нем по именам все те творения, жизнеописания и слова святых отцов, которые я прочитал, с тем чтобы это служило мне хотя отчасти воспоминанием их слов. Сам я не имел и не приобрел для себя ни одной книги, но получал их от христолюбивых людей, так же, как и все нужное для тела, ради любви Божией. Прочитывая книги те со всевозможным вниманием, я возвращал их владельцам. Это были книги Ветхого и Нового (Заветов). Ветхого: Псалтирь, четыре книги Царств, шесть книг Премудрости, Пророчества, Паралипоменон; Деяния апостолов, Святые Евангелия [6]; и толкования всего исчисленного. Отеческие и учительные книги все — великих отцов, как то: Дионисия, Афанасия, Василия,

---

4 Обе книги Петра Дамаскина публикуются по киевскому изданию 1905 года.

5 Τήν υπόμνησιν.

6 В слав. Добротолюбии: Исход, четыре книги Царств, Паралипоменон, Псалтирь, Пророчества, Святые Евангелия, Деяния апостолов.

Богослова, Златоуста, Григория Нисского, Антония, Арсения, Макария, Нила, Ефрема, Исаака, Марка, Дамаскина, Лествичника, Максима, Дорофея, Филимона и всех святых жизнеописания и слова. И удостоился я, недостойный, перечитать все эти книги [7] с полною свободою и со вниманием, ища начала спасения и погибели человека, и — всякое ли начинание или занятие спасает человека или нет? И что есть искомое всеми? И как в древности и в новейшее время люди угождали Богу: в богатстве и в бедности, живя посреди многих грешников и в пустыне; в супружестве и в девстве; и просто: как во всяком месте и начинании находим мы жизнь и смерть, спасение и погибель. И не только (вообще), но и у нас — монахов, находим различные устроения: повиновение отцу телом и душою, безмолвие, очищающее душу; духовный совет, вместо повиновения, игуменство и архиерейство; и между всеми находим спасающихся и погибающих. И не этому только я удивлялся, но и тому, что древний ангел, бывший на небе, невещественный по природе, премудрый и добродетельный, вдруг сделался диаволом, тьмою и неразумием, началом и концом всякой злобы и лукавства. Потом и Адам — в такой чести и наслаждении благами живший с Богом, украшенный премудростию и добродетелию, в раю, один с Евою, внезапно был изгнан, подвергся страстям и смерти, и работал с трудом и отягощением, в поте и с большою скорбию. И от него происшедшие Каин и Авель, два только брата на всей земле; как одного из них победили зависть и коварство и произвели убийство, проклятие и трясение. Потом происшедших от них поглотил потоп за множество согрешений; но Бог, по человеколюбию Своему, спас бывших в ковчеге, из которых один только Ханаан, сын согрешившего Хама, был проклят. Праведный Ной, чтобы не превратить благословения Божия, проклял сына вместо отца. После них удивлялся я бывшим при столпотворении, содомлянам, израильтянам, Соломону, ниневитянам, Гиезии, Иуде и всем бывшим в добре и уклонившимся в злое. И как всеблагий и милосердый Бог, будучи благ, попустил быть в мире многим и многоразличным скорбям и искушениям? И некоторых из них Он желает попустительно, как-то: трудов покаяния, говорю, жажды, алчбы, плача, лишения себя нужных вещей, воздержания от сладостного, удручения тела подвигами, бдения, трудов болезней, многих и горьких слез, стенаний; страха: смерти, испытания, словоистязания, обитания с демонами во аде, страшного дня судного, стыда пред всею тварию, трепета, горького обличения дел, слов и помышлений, угроз и гнева, многоразличных и вечных мук: бесполезного рыдания, непрестанных слез, неосвещаемой тьмы, страха, страдания, отпадения (блаженства), печали, стеснения и мучения души в нынешнем веке и в будущем; вместе с бедствиями мира сего: кораблекрушениями, многораз-

---

[7] Μετά πάσης δείας.

личными болезнями, ударами молний и грома, градом, землетрясениями, голодом, наводнениями, несвоевременными смертями и, кратко сказать, всеми бедствиями, невольно, вследствие попущения Божия, с нами случающимися. Другого же не хочет Бог, но мы и демоны, как то: войн, страданий, многоразличных грехов, (имена которых будут показаны в продолжении этого слова) — от неразумия до отчаяния и совершенной погибели, — нападения демонов, браней, мучительства страстей, оставлений, мятежей, перемене жизни, гнева, клевет и всяких оскорблений, которые мы сами себе и друг другу наносим произвольно, вопреки воле Божией. И опять, как среди стольких зол многие спаслись, и ничто не могло им воспрепятствовать, а другие погибли, вопреки воле Божией. С трудом постигая все это и многое большее из Божественного Писания, я сокрушался душою, *яко вода излиях*ся (Пс. 21, 15), и многократно приходил в недоумение, хотя и далеко не чувствовал, как бы должно было чувствовать того, что говорю.

Если же бы почувствовал, то не мог бы остаться в этой жизни, полной зла и преслушания Бога, от которого (преслушания) произошло все ужасное и в настоящем и в будущем. Однако получив от благодати (Божией) желание изысканий, нашел я такие рассуждения святых отцов: начало всякого блага есть естественное в*е* дение, получаемое человеком от Бога, или из Писаний чрез человека, или чрез ангела-хранителя, получаемого при Божественном крещении для охранения души каждого верного и называемого совестию [8], и для напоминания Божественных Христовых заповедей, которыми сохраняется крещенному, если захочет исполнять их, благодать Святого Духа. После же ведения — произволение человека. Оно есть начало спасения, то есть чтобы человек оставил свои хотения и разумения и исполнял Божии хотения и разумения. И если он успеет это сделать, то не найдется во всей твари вещь, или дело, или место, которое бы могло воспрепятствовать ему сделаться таким, каким угодно было Богу вначале, то есть по образу и по подобию Его, — и положением быть, как Богу, по благодати: бесстрастным, праведным, благим и премудрым и в богатстве и в бедности, и в девстве и супружестве, и в начальствовании и на свободе, и в подчинении и в рабстве, и просто: во всякое время, на всяком месте, при всяком деле. Потому и прежде закона, и в законе, и в благодати много находится праведников, что они предпочли познание Божие и Божию волю своим разумениям и хотениям; и опять многих в то же время, при тех же начинаниях, находим погибшими, потому что они свои хотения и разумения предпочли Божиим. И это так (несомненно).

Но места и занятия различны. Потому каждый должен приобрести рассуждение, или даруемое от Бога чрез смиренномудрие, или чрез во-

---

[8] Преп. Иоанн Синайский. Лествица. Слово 26, § 248. СТСЛ, 1898. С. 215

прошение имеющих дарование рассуждения. Ибо совершаемое нами без рассуждения не есть добро, хотя мы по неведению и почитаем его за добро. Чрез рассуждение же человек познает свою силу и предприятие, к которому он хочет приступить, и таким образом начинает делом благоугождать Богу. Но во всем, как сказано, должно ему отречься от своих хотений, чтобы постигнуть Божие намерение, то есть какие делания угодно Богу, чтобы мы проходили; если же не так, то не может он спастись никоим образом. Ибо после преступления Адамова мы все возрастаем страстными и от навыка в страстях не желаем благого с радостию, не возделываем познания Божия и не делаем этого с любовию, как бесстрастные, но более любим страсти и лукавые дела, а благого вовсе не желаем, разве только по нужде, из страха мучений, — и то только твердо верующие и охотно принимающие слово Господне, остальные же и так хотят. Но вменяя ни во что и скорби настоящей жизни и будущие мучения, от всей души раболепствуют страстям, а некоторые, не чувствуя горечи страстей, по нужде и нехотя, проходят труды добродетелей. Достойное ненависти, по безумию нашему, сделалось для нас вожделенным. Как больным нужны бывают резания и прижигания для возвращения здоровья, которое они потеряли, так и нам нужны искушения, и труды покаяния, и страх смерти и мучений, чтобы возвратить первозданное здоровье души и отвергнуть недуг, который произвело в нас безумие наше. И вообще, что дает нам Врач душ наших — произвольный или невольный труд, то должны мы принимать с радостию и быть благодарными Его человеколюбию. Благодетельствуя нам, Он умножил скорби: произвольные чрез покаяние, и невольные чрез искушения и наказания, чтобы желающие произвольно потерпеть избавлялись от болезни и будущих, а может быть, и настоящих мучений; неразумные же, хотя по страху мучений и многоразличных искушений, исцелялись благодатию Врача. Итак, любящие болезнь и закосневающие в ней по справедливости бывают сами себе виновны вечного мучения: уподобившись демонам, они праведно будут с ними терпеть и вечные мучения, уготованные (им, демонам); потому что сами пожелали быть с ними и сделались неблагодарными своему Благодетелю. Не все мы одинаково принимаем благодеяния, но некоторые принимают огнь Господень, то есть слово Его, и сами бывают, чрез делание, как воск, мягки сердцем; а некоторые по лености бывают, как земля, — тверды и окаменелы. И когда мы не принимаем (благодеяний), одинаково никого из нас не принуждает Господь; но как солнце испускает лучи и освещает весь мир, и желающий видеть его видим бывает и им, а не желающий видеть его не бывает им к тому принуждаем, и никто не оказывается виновным в лишении света, кроме самого не пожелавшего им воспользоваться, ибо Бог создал солнце и глаз, а человек имеет власть. Так и здесь Бог просвещает всех познанием, как лучами, а после знания даровал и веру, как глаз; произво-

ляющий чрез веру получает истинное познание, делами сохраняет памятование, и Бог дарует ему большее усердие, знание и силу. Из естественного познания рождается усердие в произволяющем иметь оное, от усердия же — сила делать (доброе), и деланием сохраняется памятование; от памятования бывает большее делание, и ради сего даруется большее знание, а от этого знания, называемого мудростию, рождается воздержание страстей и терпение скорбей; от них происходят труды о Боге и познание даров Божиих и своих согрешений, от которых — благоразумие, чрез него — страх Божий, от страха Божия — хранение заповедей, то есть плач, кротость, смиренномудрие, от которых рождается рассуждение (рассудительность), а от рассуждения прозрение, то есть (дарование) предвидеть будущие согрешения и отсекать их прежде времени вследствие опытности и воспоминания, ради чистоты ума, о прежде сделанном, в настоящее время совершаемом и бывающем по забвению. От сих (добродетелей) — надежда, от нее — беспристрастие и совершенная любовь. Такой (человек) ничего уже тогда не желает, кроме воли Божией, но и самую временную жизнь эту оставляет с радостию, ради любви к Богу и ближнему, премудростию, и вселением Святого Духа, и сыноположением, для того, чтобы быть распятым, погребенным, и воскреснуть, и вознестись духовно со Христом подражанием Ему, то есть пребыванию Его в мире. И просто: делается сыном Божиим по благодати и получает залог тамошнего блаженства, как говорит Богослов в слове о восьми помыслах: делается бесстрастен, праведен, благ и премудр, имея Бога в себе, как сказал Сам Христос, чрез соблюдение Его святых заповедей (Ин. 14, 21), в порядке, начиная с первой — и прочих, о которых скажу после этого, как должно совершаться исполнение заповедей. Но так как мы сказали о ведении [9] добродетелей, то скажем и о страстях.

Ведение озаряет нас, как солнце, и безумный самовольно закрывает глаза, то есть произволением, неверием и леностию, и тотчас предает ведение забвению, чрез праздность, рождающуюся от нерадения. Ибо от неразумения происходит нерадение [10], от нерадения — праздность, от праздности — забвение, а от забвения — самолюбие, то есть любление своих хотений и своих разумений, называемое сластолюбием и славолюбием; от них сребролюбие — корень всех зол, ибо от него происходит попечение о житейском, от которого — совершенное неведение даров Божиих и своих согрешений, а отсюда водворение других страстей, то есть восьми главных: чревоугодия, говорю, от которого — блуд, чрез них — сребролюбие, а от него гнев, когда кто не достигает желаемого,

---

9 Γνώσεος.

10 Ραθυμία, в слав. «уныние».

то есть своей воли. От этого печаль, чрез которую уныние; потом тщеславие, от которого гордость; и от этих восьми — всякое зло, страсть и грех, чрез которые приходит (человек) в отчаяние, и совершенную погибель, и отпадение от Бога и делается подобным демонам, как было сказано.

Среди этих двух путей стоит человек, то есть праведности и греха, и на какой хочет — вступает и идет по нему. Стезя же, которою он пошел, и ведущие его по ней — или ангелы и люди о Боге, или демоны и злые люди — доводят его до самого конца пути того и против желания. Добрые — к Богу и в Царство Небесное, а грешные — к диаволу и в вечное мучение. Но никто не причиною погибели, как только своя воля; спасения же — Бог, даровавший не только бытие, но и благое бытие, ведение и силу, чего не может иметь человек без благодати Божией. Но и диавол ничего не может произвести для нашей погибели: ни произволения противного, ни изнеможения, ни неведения непроизвольного, ни отнюдь чего-либо иного к принуждению человека, а влагает только напоминание зла. Итак, делающий доброе должен приносить благодарение Богу, даровавшему нам все вместе с бытием; избирающий же и делающий противное пусть обвиняет только себя самого, ибо никто насильно не может его принудить. Бог создал его самовластным, чтобы удостоить его похвал, видя, как он добровольно предпочитает благое, а не по принуждению природы, подобно бессловесным и бездушным, держится добра; но как прилично разумному (существу), каким Бог удостоил его быть. Мы же произвольно и по собственной мысли предпочитаем и делаем зло, научившись сему от изобретателя зла. И не принуждает нас всеблагий Бог, чтобы мы, принуждаемые и ослушиваясь, не подпали большему осуждению, но не отнимает и самовластия нашего, которое по благости даровал нам. Итак, желающий делать доброе пусть просит Бога молитвою, и тотчас дастся ему ведение и сила, чтобы видна была благодать, праведно ниспосланная Богом. Ибо, хотя бы и без молитвы даровал Он, как и по молитве; но как не заслуживает похвалы тот, кто получает воздух для жизни, хотя и знает, что без него не может жить (и потому не благодарит Бога), тогда как он должен много благодарить Сотворившего его и Даровавшего дыхание и здоровье для принятия воздуха и жизни. Так и мы должны много благодарить Бога, что Он и молитву, и ведение, и силу, и добродетели, и нас самих, и все касающееся до нас сотворил по благодати. И не только это, но и не перестает всячески пещись победить злое в нас и врагов наших — демонов. Потому что диавол, чрез неразумие и гордость лишившись ведения, дарованного Богом, по нужде сделался несмысленным и сам собою не может знать, что должно делать, но смотрит, что делает Бог для спасения нашего, и из этого научается и ухитряется делать подобное к погибели нашей. Он ненавидит Бога, не в состоянии будучи ничего сделать против Него, воюет против нас, соз-

данных по образу Его, думая этим мстить Богу, и находит нас послушными воле своей, как говорит Златоуст. Видя, что Бог сотворил Еву на помощь Адаму, диавол сделал ее содействующею в преступлении и преслушании. Бог дал заповедь, чтобы Адам, исполняя ее, сохранил памятование о стольких дарованиях и был признателен к Благодетелю; диавол же сделал заповедь эту причиною преслушания и смерти, и вместо пророков (возбуждал) лжепророков, вместо апостолов — лжеапостолов, вместо закона — беззаконие, вместо добродетелей — зло, вместо заповедей — преступления, вместо всякой праведности — всякий грех и вместо правильных догматов — гнусные ереси. И опять, видя, что Христос по крайней благости Своей снисходит к святым мученикам и преподобным отцам, являясь им или Сам, или чрез ангелов, или иным неизъяснимым образом (домостроительства), как Он сказал (См.: Ин. 14, 21), начал и диавол представлять некоторым многие обольщения в погибель. Потому и написали рассудительные отцы, что ничего такого не должно принимать: ни каких-либо изображений, ни света, ни огня, ни иного какого-либо обольщения. Ибо диавол ухищряется хотя этим обольстить нас в сновидениях или чувственно. И если мы и это принимаем [11], то заставляет ум от самомнения и крайнего неразумия мечтательно представлять себе некоторые образы или виды, дабы он подумал, что это явление Бога или ангелов. Многократно показывает и демонов в сновидениях и чувственно, как бы побеждаемых, и просто всякую козни устраивает к нашей погибели в покоряющихся ему. Когда же диавол, сделав это, не достигает того, чего надеялся, ибо святые отцы говорят, что во время молитвы ум должен быть безвидным, невообразительным, необразовидным и никак ничего не приемлющим: ни света, ни огня, ни другого чего-либо; но должно заключать мысль в одних только произносимых словах. Ибо молящийся только устами воздуху молится, а не Богу: Бог обращает внимание на ум, а не на слова, как люди. *Духом*, — говорит Христос, — *и истиною* Богу *достоит кланятися* (Ср.: Ин. 4, 24). И (апостол): *хощу пять словес рещи умом, нежели тмы языком* (Ср.: 1 Кор. 14, 19). Тогда диавол, недоумевая о всем этом, влагает в нас помысл отчаяния (говоря), что иные те были времена и иные люди, в которых Бог явил чудеса ради веры, а теперь не то время и нет надобности делать их. Вот мы все христиане и удостоились крещения, а *иже веру имет и крестится*, — говорит Священное Писание, — *спасен будет* (Мк. 16, 16). Итак, чего еще нужно? Если же мы послушаемся этого и останемся так, то лишимся всего, нося только имя христианина, не разумея, что уверовавший и крестившийся должен соблюдать все заповеди Христовы; и когда все исполнит, говорит: я раб непотребный (См.: Лк. 17, 10). Как Господь сказал апостолам: *Учаще их блюсти вся, елика*

[11] В слав. «аще же ниже сие приемлем».

заповедах вам (Мф. 28, 20). Всякий при крещении отрекается, говоря: отрицаюся сатаны и всех дел его; сочетаваюся Христу и всем заповедям Его. Где же будет наше отречение, если мы не оставим всякой страсти и всякого греха, которого хочет диавол? Но скорее возненавидим это от всей души и возлюбим Христа соблюдением заповедей Его. Как же сохраним заповеди Его, если не отвергнемся всякого хотения своего и всякого разумения? Разумений же и хотений тех, которые противны заповедям Божиим. Ибо часто случается, что иные или от природы [12], или от навыка любят доброе в некоторых вещах, а злое ненавидят. Есть и хорошие разумения, имеющие свидетельство от Святого Писания, но и они требуют еще рассуждения опытных. Без рассуждения и то, что мы почитаем хорошим, не есть добро или потому, что оно не своевременно или не нужно, то есть не соответственно, или потому, что мы неправильно [13] понимаем сказанное. И не только Святое Писание, но и какой-либо случившийся вопрос, если не внимательны оба: вопрошающий и вопрошаемый, далеко отходит от смысла сказанного и наносит неизбежный вред. Ибо и я много раз терпел это, спрашивая других и спрашиваемый другими. Когда же я понимал сказанное как должно, то после познав это, удивлялся, как при похожих между собою словах мысли далеко отстоят одна от другой. Так и во всем прочем мы имеем нужду в рассуждении — как надобно поступать, чтобы исполнить волю Божию. Ибо Бог знает вполне нашу природу как Творец всего, и устроил, и узаконил для нас полезное и не чуждое природе нашей, а свойственное ей, кроме того, что для достижения совершенства (заповедует) желающим добровольно возвыситься к Нему, превышеестественно, то есть: девство, нестяжание и смиренномудрие (но не благоразумие [14], ибо благоразумие естественно, смиренномудрие же вышеестественно). Смиренномудрый совершает всякую добродетель и, ничем не будучи должен, считает себя должником и низшим всех. Благоразумный же, будучи должен, признает долг. Как и подающий милостыню подает ее из того, что он имеет, и не есть превыше естества, как нестяжательный. Также и вступивший в супружество — не то, что девственник, ибо это дарование превыше естества. Итак, один если оставит свои пожелания и исполняет волю Божию, спасется, а другой получит от Бога венец терпения и славу, ибо он не только оставил воспрещенное законом, но вместе с тем победил свою природу с помощию Божией, (став) превыше природы, возлюбил Бога от всей души и по силе своей подражал Его бесстрастию.

---

12 Κράσις — склад, характер; темперамент.

13 Αγνώστως.

14 Ευγνωμοσύνη — сознательность, рассудительность.

Но так как мы не разумеем не только нас самих и ради нас совершающегося, но и цели этого, и искомого всеми (нами), потому и Божественное Писание и слова древних святых мужей, пророков, говорю, и праведных, и новых святых отцов кажутся нам несогласными (между собою); и ныне желающие спастись не согласны друг с другом, чего быть не может.

Вот из малых слов и из естества вещей мы видим, что всякому человеку, если он захочет спастись, ничто не может воспрепятствовать: ни время, ни место, ни начинание. Только чтобы он поступал, как дело требует, как должно, с рассуждением, направляя всякую мысль к намерению Божию. Ибо не то, собственно, нужно, что делается, а для чего делается. Мы невольно не согрешаем, если не согласимся прежде произвольно с помыслом и не впадем в пленение; тогда (помысл) этот плененного им невольно и против воли его приводит к падению. Подобно сему и согрешения, случающиеся по неведению, происходят от тех, которые мы совершаем в ведении (в сознании). Если кто не упьется вином или похотью, не теряет сознания. Но от пьянства ум начинает помрачаться, от этого грешит, а от греха умирает. Итак, не неведомо (бессознательно) пришла смерть, но пьянство, совершенное в ведении, навело смерть неведомую. И много подобного найдет всякий, особенно в отношении мыслей, что от произвольных мы впадаем в невольные и от ведомого в неведомое. Но потому что первое кажется нам легким и сладким, мы приходим и во второе невольно и неведомо для нас. Если бы мы сначала пожелали сохранить заповеди и оставаться такими, какими соделались чрез крещение, то не впали бы в это зло и не нуждались бы в трудах и в скорбях покаяния. Однако и опять, если желаем, вторичная благодать Божия, то есть покаяние, может возвести нас к первой доброте. Если же и о покаянии не стараемся, то по необходимости, подобно нераскаянным демонам, пойдем с ними в вечную муку, более по своей воле, нежели невольно. Не на гнев создал нас Бог, но для (получения) спасения, чтобы мы, насладившись Его благами, были благодарны и благомыслящи в отношении к Благодетелю. Но нерадение наше о познании даров Его привело нас в леность, а леность предала забвению, от которого воцарилось в нас неразумие.

Когда же мы пожелаем положить начало обращению нашему туда, откуда мы ниспали, то нужно нам много труда, потому что мы не желаем оставить наших хотений и думаем, что с волею Божией можем совместить и нашу, но это невозможно. Сам Господь сказал: *Не да творю волю Мою, но волю пославшаго Мя Отца* (Ин. 6, 38), хотя и едина есть воля Отца и Сына и Духа как Единого нераздельного Естества; но это сказано ради нас и относительно воли плоти (человеческой). Ибо, если плоть не будет умерщвлена и человек не будет весь водим Духом Божиим, то не может он исполнять воли Божией без понуждения себя. Когда

же воцарится в нас благодать Духа, тогда уже не будем иметь своей воли, но все, что ни бывает с нами, есть воля Божия. Тогда мир имеем, и сынами Божиими назовутся таковые, ибо они любят волю Отца, как и Сын Божий и Бог. Но этого невозможно никому достигнуть без соблюдения заповедей, которыми всякие наслаждения [15], то есть пожелания свои, отсекает (подвизающийся) и всякие огорчения [16], от сего происходящие, терпит. От безумия рождаются наслаждения и огорчения, как прежде сказано, и от них — всякое зло, ибо безумный бывает самолюбив, и не может быть братолюбив, ни боголюбив, и не имеет ни воздержания от наслаждений, то есть угодных ему хотений, ни терпения огорчений. Но иногда, по исполнении своей воли, умножаются в нем наслаждение и надменность; иногда же, не достигнув исполнения своей воли и терзаемый скорбию о сем, приходит он в малодушие и душевное удавление — залог [17] геенны. От ведения же, то есть мудрости, происходит воздержание и терпение. Ибо мудрый удерживает свою волю и терпит происходящее от сего огорчение, но, почитая себя недостойным наслаждений, бывает благоразумен и благодарен Благодетелю, боясь, чтобы ради многих благ, которые даровал ему Бог в нынешнем веке, не лишиться в будущем. Итак, он трудится в воздержании и в других добродетелях, считая себя должником во всем. И ничего, даже и малого, не находит, что мог бы воздать своему Благодетелю, но и самые добродетели почитает большим долгом, ибо получает, а не отдает. Самое то, что он удостоился приносить благодарение Богу, и Бог принимает его благодарение, почитает он большим долгом, и всегда благодарит, делая всякое добро, и всегда смиренномудрствуя, считает себя большим должником и ниже всех. Радуясь о Боге, Который ему благодетельствует, и веселясь, с трепетом восходит к Божественной, неотпадающей любви — смиренномудрием. Принимает скорбное, как достойный того, и считает себя заслужившим б*о* льших (скорбей), нежели те, которые с ним случаются, и радуется, что удостоился немного поскорбеть в нынешнем веке, в облегчение многих мучений, которые приготовил себе в будущем; познает в этом немощь свою и не возносится; но от того, что удостоился это знать и, по благодати Божией, потерпеть, приходит в любовь к Богу. Смиренномудрие есть порождение ведения [18], а ведение есть порождение искушений. Познавшему себя дается ведение всего [19]. И повинующийся

---

15 Ἡδονή, в слав. «сласть».

16 Οδυνή, в слав. «болезнь».

17 Αρραβών — задаток; обручение. В слав. «предначинание».

18 Τής γνώσεως.

19 Τῶν πάντων.

Богу покоряет себе всякое мудрование плоти; а после сего повинуется ему все, когда смирение воцарится в членах его. Познавший себя, как говорят святые Василий и Григорий, находится посреди величия и смирения; как имеющий разумную душу и смертное, земное тело, он никогда не возносится и не отчаивается; но, стыдясь разумности души, отвращается от всего постыдного и, познавая немощь свою, удаляется от всякого возношения. Познавший немощь свою из многих искушений и телесных и душевных страстей познает бесконечное могущество Бога, как Он избавляет смиренных, вопиющих к Нему притрудною молитвою от сердца. И таковому молитва бывает уже сладостна. Видя, что без Бога ничего не может сделать, и страшась падения, он подвизается быть неотступно при Боге; удивляется же, помышляя, как Бог его избавил от стольких искушений и страстей, и благодарит Могущего избавить его, а с благодарением получает смирение и любовь и отнюдь никого не смеет судить, зная, что как Бог помог ему, так может и всем помочь, когда восхощет, как говорит святой Максим. Может быть, иной и успевает бороться со многими страстями и побеждает их, а себя считает немощным. (И думает, что) Бог вскоре помог ему для того, чтобы не погибла душа его совершенно. И познавая иное большее, и рассуждая о своей немощи, пребывает без падений. Но невозможно кому-либо достигнуть этого, если не перенесет он многих искушений, душевных и телесных. И силою Божиею укрепляемый в терпении, научается он опыту. Таковой вовсе не дерзает исполнять свою волю или составлять свое разумение, без вопрошения опытных. Ибо какая в этом надобность тому, кто не желает сделать или помыслить что-либо иначе, как только для жизни телесной или для спасения душевного? Если же кто не знает, какое желание или какое разумение должно оставить, то да испытывает всякое дело и всякое разумение удалением и воздержанием от него, и что приносит беспокойство, и при исполнении своем наслаждение, а при возбранении огорчение, то худо. И его надобно презреть, прежде нежели оно в нас замедлит, ибо иначе придется потрудиться, чтобы победить его, когда уже почувствуется от него вред. Это говорю о всяком деле и о всяком разумении, без которых мы можем быть живы телом и благоугодить Богу. Ибо привычка, закосневая в нас, получает силу природы; а если не даем ей свободы, то ослабевает и мало-помалу истребляется. И хорошую привычку и худую питает время, как дрова питают огонь. Потому нам и должно всею силою поучаться в добром и делать доброе, чтобы получить в нем навык; и тогда само собою, по привычке, без труда будем делать представившееся добро, как и отцы чрез малое победили великое. Ибо не желающий иметь необходимого для тела, но отвергающий это для того, чтобы идти тесным и прискорбным путем, — когда предастся любостяжанию? Впрочем, не то только, чтобы иметь многое — есть любостяжание, но и иметь что-либо по пристрастию, или без нужды, или

сверх потребности. Многие из древних святых, хотя имели много богатства, как Авраам, Иов, Давид и многие другие, но не было в них пристрастия; они имели вещи, как Божии, и чрез них оказались наиболее угодившими Богу. Господь же пресовершенный и единая Самопремудрость и корень сего пристрастия отсек. Ибо последующим Ему подражанием высочайшей добродетели не только не повелел иметь денег и имений, но и души своей, то есть воли и разумения. Зная это, отцы убегали мира, как препятствующего совершенству, — и не только мира, но и хотений своих, ибо никто из отцов не исполнял никогда своей воли. Но некоторые из них пребывали в повиновении телесном, имея вместо Христа отца духовного для всякого разумения. Некоторые в пустыне и совершенном удалении от людей Самого Бога имели учителем, за Которого, по произволению, желали потерпеть и смерть. Некоторые же держались царского пути, то есть пребывания в безмолвии с одним или двумя, имели друг друга благими советниками, для благоугождения Богу. Некоторые же после повиновения, повелением отца будучи поставлены начальствовать над другими братиями, жили как бы в повиновении, сохраняя предания тех же отцов, и всякое начинание (прохождение подвига) было хорошо. А теперь, так как мы, и в повиновении находящиеся и начальствующие, не желаем оставить своих хотений, потому никто и не приходит в преуспеяние. Однако осталось и есть еще удаление от людей и от дел житейских, для того, чтобы идти царским путем и, пребывая в безмолвии, с одним или с двумя, и поучаться заповедям Христовым и всякому Святому Писанию день и ночь, чтобы хотя (таким образом) человек, обличаемый совестию и Святым Писанием, чрез внимательное чтение и молитву, мог достигнуть первой заповеди, то есть страха Божия, происходящего от веры и поучения в Божественных Писаниях. А чрез сие пришел в плач, чрез который и в остальные заповеди, названные апостолом: веру, надежду и любовь. Ибо верующий Господу боится мучения, а боящийся мучения соблюдает заповеди; соблюдающий заповеди терпит скорби, а терпящий скорби приобретает надежду на Бога; надежда эта удаляет ум от всякого пристрастия, а удалившийся от него приобретет любовь к Богу. Если кто-либо захочет делать это, тот спасется, где бы то ни было. Безмолвие же, как начало очищения души, без труда укрепляет произволящего ко всем заповедям. Беги, сказано было одному отцу, молчи и безмолвствуй, ибо это корни безгрешия. И еще: бегай людей, и спасешься [20]; потому что беседы не дозволяют уму ни своих согрешений видеть, ни коварств демонов, чтобы человек мог сохранить себя самого, — ниже благодеяний Божиих и действий Его промысла, чтобы чрез это приобрел он познание Бога и смирение.

---

20 См.: Достопамятные сказания о подвижничестве святых и блаженых отцов. Об авве Арсении, 1, 2. СПб., 1855. С. 15.

Итак, желающий идти ко Христу кратким путем, то есть бесстрастием и ведением, и с радостию достигнуть совершенства, должен идти не иначе, то есть не уклоняясь на правую или левую сторону, но во всем своем пребывании старательно идти царским путем, крепко удаляясь преувеличения и недостаточности (в подвигах), ибо и то, и другое возбуждает сластолюбие [21]; не помрачать ум излишеством брашен и бесед и не ослеплять его заботами; но и не возмущать мысль продолжительным постом и бдением. Но хорошо и с терпением исполняя семь видов телесного делания, пусть восходит, как по лестнице, раз навсегда соблюдая эти семь и идя к нравственному деланию, чрез которое верующему даются благодатию Божиею духовные ведения, как говорит Господь (См.: Мк. 9, 23; Ин. 1, 18; 7, 38). *Всяко Писание богодухновенно и полезно* (2 Тим. 3, 16); и ничто не может воспрепятствовать желающему спастись, и никто другой не имеет над ним власти, кроме одного сотворившего нас Бога, Который и готов на помощь и на сохранение от всякого искушения вопиющих к Нему и желающих исполнять Его святую волю. Ибо без Него никто не может делать доброго, ни зла невольно терпеть, если не попустит Бог, для наказания согрешающего и для спасения души его. Лукавые дела принадлежат нам и происходят от нашей лености и содействия демонов. Но всякое ведение, добродетель и крепость есть благодать Божия, как и все остальное. По благодати дал Он всем власть чадами Божиими быть (См.: Ин. 1, 12), чрез соблюдение Его заповедей. Заповеди эти более сохраняют нас и суть благодать Божия, ибо без благодати Его мы и их не можем соблюсти и ничего не можем воздать Ему, как только одну веру и произволение. И просто: сохраняя все правые догматы от твердой веры и слуха, должно начинать делание по порядку, как науки в училищах, и таким образом старательно на самом деле обучать себя семи прежде упомянутым деланиям, которые суть:

Необходимое и весьма полезное указание семи телесных деланий

Первое — безмолвие, то есть беспопечительный образ жизни, чуждый всякой житейской заботы, чтобы человек удалением от людей и попечений мог избегать молвы; и *яко* льва, рыкающаго и ищущаго *кого поглотити* (Ср.: 1 Пет. 5, 8) беседами и заботами житейскими. И имел одну заботу: как угодить Богу и приготовить душу не быть осужденною в час смертный; и со всяким старанием (мог) познавать, как окрадывают нас демоны и наши собственные согрешения, превышающие числом песок морской и, по тонкости своей, как пыль, многим неведомые. Так живущий, всегда плача, сетует о естестве человеческом и бывает утешаем

---

21 Ἡδονήν, в слав. «сласти».

от Бога, как благоразумный, и успокоивается, что достигнул видеть то, чего не надеялся видеть, живя некогда вне своей келлии. И познав свою немощь и силу Божию, страшится и надеется, чтобы, сделавшись дерзновенным, не пасть от неразумия; и забыв человеколюбие Божие, не прийти в отчаяние, если что-либо с ним случится.

Второе — умеренный пост, то есть раз в день есть и не насыщаться: простою пищею, одного вида, о которой не много надобно заботиться и которой не желает душа (исключая того случая, когда нет другой), чтобы победить чревоугодие, угождение гортани и вожделение, и пребывать беспопечительным [22]. Вместе с тем и не удаляться совершенно ни от чего, безрассудно отвергая то, что Бог сотворил весьма хорошим, и не есть всего невоздержно и сластолюбиво; но каждый день есть по одному разу [23], с воздержанием, и употреблять все в славу Божию, ни от чего не удаляясь, как от худого, как делают проклятые еретики.

Вино же полезно [24] в свое время: при старости, немощи и охладевшем сложении оно весьма полезно, но и тогда мало; в молодости же, природной [25] теплоте и здоровье вода лучше; но и ее — очень мало, потому что жажда лучше всех телесных деланий.

Третье — умеренное бдение, то есть половину ночи употреблять на сон и половину на псалмопение, молитву, стенания и слезы, чтобы чрез умеренный пост и бдение тело было благопокорно душе, здорово и готово на всякое благое дело, а душа приобрела мужество и просвещение, дабы видеть и делать должное.

Четвертое — псалмопение, то есть телесная молитва, исполняемая чтением псалмов и земными поклонами, чтобы утомилось тело и смирилась душа, убежали враги наши демоны и приблизились помощники наши ангелы, и да познает человек, откуда он получает помощь, чтобы, не зная этого, он не вознесся, думая, что сам совершает делания, и не был оставлен Богом, для познания своей немощи.

Пятое — духовная молитва, совершаемая умом, удаленная от всяких мыслей, при которой ум, пребывая в том, что он произносит, с неисповедимым сокрушением повергается пред Богом и того одного просит: да будет воля Божия во всех его начинаниях и разумениях, никак не принимая ни помысла, ни образа, ни вида, ни огня, ни света, ни чего-либо иного отнюдь. Но, как видимый Богом и с Ним единым беседующий, ум бывает тогда безвиден, необразовиден и невообразителен. Ибо

---

22 Ἀπερισπάστως — сосредоточенно, неразвлеченно, неослабно. В слав. «беспристрастна».

23 Ἑν εἴδος καθ'έκαστην παρ έν — одного вида ежедневно по разу.

24 «Полезно» нет в греч. тексте.

25 «Природной» нет в греч. тексте.

такова чистая молитва, приличная проходящему еще деятельную жизнь, а достигнувшему ведения предлежит иное, большее сего.

Шестое — чтение слов и жизнеописаний отцов; без всякого внимания к чуждым или каким-либо другим, особенно же еретическим, учениям, чтобы читающий мог уразуметь из Божественных Писаний и из рассуждений отцов, как побеждать страсти и приобретать добродетели, и чтобы ум его наполнился словами Духа Святого и забыл прежние неприличные слова и разумения, которые он слышал, будучи вне келлии, и чтобы чрез многое упражнение в молитве и чтении пришел в благие мысли, ибо молитве помогает чтение в безмолвии, и чтению — чистая молитва, когда кто неленостно читает или поет, хотя и не может вполне, как бы должно, познать силу произносимого, от помрачения страстьми. Но мы часто обольщаемся самомнением, особенно же те из нас, которые думают, что имеют мудрость мира сего, не зная того, что нам потребно деятельное познание, для уразумения сего, а не от одного только слышания получает пользу желающий научиться ведению Бога, ибо иное слышание и иное делание. Как от одного слуха никто не может сделаться мастером, — но чрез то, что видит и делает, и много ошибается, и бывает исправляем опытными, чрез терпение и отсечение своих хотений, после долгого времени, приходит в навык мастерства; так и духовное познание не от одного только поучения рождается, но от Бога, по благодати, даруется смиренномудрым. Если читающий Писание, быть может, думает, что знает (читаемое) хотя отчасти, — это неудивительно, особенно если он проходит деятельную жизнь, — но таковой еще не имеет ведения Божия, но слышал слова имеющих ведение, ибо многие писавшие имели ведение Божие, как пророки, но этот еще не имеет. Подобным образом и я (написал), собрав из Божественных Писаний, а не от Духа сподобившись услышать, но от слышавших от Него услышал, как некоторые слышат о городе или о человеке от знающих его.

Седьмое — вопрошение опытных о всяком слове и начинании, чтобы от неопытности и самоугодия не обманываться часто, иное, вместо должного, помышляя и делая, и не впадать в самомнение думающему, что знает, но еще не познавшему как должно, по слову апостола (См.: 1 Кор. 8, 2).

Потом, вместе с этими семью [26] телесными деланиями, должно иметь терпение во всем, случающемся с нами, что Бог попустит для научения, опыта и познания нашей немощи, и не быть дерзновенным, но и не отчаиваться, чтобы ни случилось, хорошее или худое. Всякого же сновидения, и всякого слова, и дела праздного всегда должно отвращаться. Поучаться же в имени Божием более, нежели дышать, во всякое время, на всяком месте и при всяком деле, и повергаться пред Богом от

---

26 «Семью» нет в греч. тексте.

души, отвлекая ум от всех помыслов о мире и ища только исполнения воли Божией. Тогда ум начинает видеть свои согрешения как песок морской, и это есть начало просвещения души и знак ее здоровья. И просто: душа делается сокрушенною и сердце смиренным, и считает себя поистине ниже всех и начинает познавать благодеяния Божии, особенные и общие, обретаемые в Божественных Писаниях, и собственные недостатки. Соблюдает и заповеди разумно, от первой и прочие, ибо Господь положил их как бы на лестнице, и никто не может, переступив одну, когда-либо достигнуть другой; но, как по ступеням, от первой переходит ко второй, от второй к третьей, пока не соделают они человека богом, по благодати Даровавшего их произволяющим.

О том, что желающий соблюдать заповеди должен начинать со страха Божия, чтобы не поползнуться в пропасть

Если кто желает преуспеть, то более (всего) да покажет свое старание на исполнении сих заповедей, а не на другом чем-либо; потому что (иначе) он будет низвержен, и даже более — упадет в пропасть, ибо как в семи дарах Духа кто не начинает со страха, тот никогда не достигнет других, так и в блаженствах Господних. *Начало премудрости*, — говорит Давид, — *страх Господень* (Пс. 110, 10). Другой же пророк, начав свыше, сказал о сем: *Дух премудрости и разума, Дух совета и крепости, Дух ведения и благочестия, Дух страха Божия* (Ис. 11, 2, 3). И Господь прежде начал учить о страхе, ибо говорит: *Блажени нищии духом* (Мф. 5, 3), то есть да будет каждый весь проникнут страхом Божиим, имея неисповедимое сокрушение души. Господь положил эту заповедь, как основание, зная, что без нее, если бы кто-нибудь и на небе жил, не получит пользы, имея гордость [27], чрез которую диавол, и Адам, и иные многие пали. Поэтому желающий исполнить первую заповедь, то есть страх, как сказано, должен со многим старанием внимательно размышлять о упомянутых нами прежде различных случаях в жизни, и превосходящих всякую меру неисследимых благодеяниях Божиих, и о всем, что Бог сделал и делает ради нас, чрез видимое и невидимое: заповедями и учениями, угрозами и обетованиями, сохраняя, питая нас, промышляя о нас, оживляя нас, избавляя от видимых и невидимых врагов; молитвами и ходатайством святых Своих врачуя болезни, которые наносит нам беспорядочная жизнь наша, долготерпя всегда о наших грехах, нечестиях и беззакониях и о всем, что мы сделали, и делаем, и вперед готовы сделать, от чего да избавит нас благодать Его. И сколько прогневляем Его словами, делами и помышлениями, но Он не только поддерживает нас, но еще более благодетельствует нам Сам Со-

---

27 Απόνοιαν — безумие. В слав. «гордость».

бою, чрез ангелов, Писания, праведных, пророков, апостолов, мучеников, учителей и преподобных отцов. И рассматривая иных страдания и иных подвиги, потом, удивляясь снисхождению Господа нашего Иисуса Христа, жизни Его в этом мире, пречистым страданиям Его, кресту, смерти, погребению, воскресению, вознесению, пришествию Святого Духа, неизреченным чудесам, всегда и ежедневно совершающимся: раю, венцам, усыновлению, которого Он нас удостоил (См.: Ин. 1, 12); приводя себе на мысль все, что содержится в Божественном Писании, и большее, — ужасается, размышляя о человеколюбии Божием, трепещет и удивляется долготерпению и снисхождению Его к нам и сетует о потере, которую понесло естество наше; ангеловидном, говорю, бесстрастии, о рае и о всех благах, от которых мы отпали, и о всем злом, в которое впали, о демонах, говорю, о страстях и о грехе, и сокрушается душою, размышляя, сколько зол произошло от худого нашего действия [28] и от коварства демонов.

О второй заповеди и о том, что страх рождает плач

И таким образом, дарует ему Бог блаженный *плач*, то есть вторую заповедь. *Блажени*, — говорит (Спаситель), — *плачущии* (Мф. 5, 4), то есть плачущий о себе самом и о ближнем, из любви и сострадания. И плачет (такой), как над умершим, от страшных размышлений о том, что бывает пред смертию и по смерти. Плачет со стенаниями, из глубины сердца, со многими горькими и притрудными слезами и неисповедимыми рыданиями. И не заботится ни о чести, ни о бесчестии, но и самую жизнь презирает и многократно, от болезнования сердцем и постоянных рыданий, забывает и самую пищу. И так благодать Божия и общая всех матерь дарует ему кротость и начало подражания Иисусу Христу, то есть третью заповедь, как говорит Господь: *Блажени кротцыи* (Мф. 5, 5). И делается он, как камень, утвержденный и никак непоколебимый ветром или волнами житейскими; но всегда пребывает одинаков: и в изобилии и в скудости, и в благополучии и в злополучии, и в чести и в бесчестии, и просто: во всякое время и при всяком деле, рассудительно знает, что все проходит: приятное и прискорбное, и жизнь эта есть путь к будущему веку, и что хотя мы и не желаем, но совершающееся совершится с нами, и мы напрасно смущаемся, теряем венец терпения и оказываемся противниками определения Божия. Ибо все, что делает Бог, весьма хорошо (См.: Быт. 1, 31), но мы не разумеем этого. *Наставит*, — говорит (Священное Писание), — *кроткия на суд* (Пс. 24, 9), более же на рассуждение дел. Но и во время огорчения такой нимало не смущается, но, скорее, радуется, что нашел время пользы и любомудрия.

---

28 Ἡμετέρας πονηρίας.

Приводит себе на мысль, что не без причины пришло искушение, — но или Бога, или брата своего, или иного кого-либо (прежде сам) он оскорбил, в неведении или в ведении, и нашелся повод к прощению его, чтобы хотя ради терпения получил он прощение во многом худом (им сделанном), и — что если он не простит брату своему долгов его, то и Отец Небесный не простит ему его долгов, и что нет кратчае [29] этой добродетели, то есть заповеди о прощении грехов, ибо сказано: оставите и оставится вам (Мф. 6, 15). Радуется и тому, что удостоился познать это и исполнять, из подражания Христу, соделавшись кротким, благодатию заповеди. Сетует же о брате, что ради грехов его [30] он искушается от общего врага, к уврачеванию его немощи, ибо всякое искушение как врачевство попускается Богом для излечения немоществующей души, потому что дарует прощение прежде бывших и настоящих зол и удерживает будущие. Но ни диавол, ни искушающий, ни искушаемый не заслуживают похвалы: диавол достоин ненависти как делатель зла, ибо он делает это не из попечения (о нас). Искушающий достоин помилования от искушаемого не потому, чтобы он делал это из любви, но как насилуемый и угнетаемый. Искушаемый же за свои согрешения терпит скорби, а не за другого, так что не заслуживает похвалы, ибо он не безгрешен, если же и безгрешен, что невозможно, то терпит в надежде воздаяния и по страху мучений. И эти все — таким образом; Бог же, ни в чем не имеющий нужды и всем устраивающий полезное, достоин благодарения, ибо и диавола, и худые поступки людей долготерпеливо переносит, вознаграждая за всякое благо и прежде греха и после греха кающихся. Так, достигнув рассудительности [31] во всем, сподобившийся быть хранителем третьей заповеди не бывает уже поруган (демонами) в ведении или в неведении, но, получив дарование смирения, считает себя за ничто. Кротость есть начало смирения, смирение же есть дверь бесстрастия, а чрез бесстрастие неотпадающую и совершенную любовь приобретет познавший свое естество — что он был прежде рождения и что будет по смерти. Ибо человек есть не иное что, как только малое и скороисчезающее зловоние и худший всей твари. Никакая иная тварь, ни бездушная, ни одушевленная, никогда не извращала определения Божия, но (только) — человеческое естество, много облагодетельствованное и всегда много прогневляющее Бога. И так удостоивается (подвизающийся) четвертой заповеди, то есть желания к приобретению добродетелей. *Блажени*, — говорит (Священное Писание), — *алчущии и жаждущии правды* (Мф. 5, 6). И бывает как жаждущий и алчущий всякой правды,

---

29 Συντομωτέρα — сравн. ст. от συντομος (краткий; сжатый; быстрый, стремительный). В слав. «кратшия».

30 В слав. «своих».

31 Διάκρισιν, в слав. «рассуждение».

то есть добродетели телесной и нравственной — душевной. Если кто не вкусит какой-либо вещи, то не знает, чего он лишается, говорит Великий Василий, но вкусивший сильно желает. Так и вкусивший сладости заповедей и знающий, что они скоро приводят его к подражанию Христу, сильно желает приобрести и прочие, так что ради них часто презирает и смерть. Ощутив же немного из таин Божиих, сокровенных в Божественных Писаниях, сильно жаждет познать их, и насколько получает познание, — более жаждет и разгорается, как пьющий пламень; и поелику Божественное всем непостижимо, то всегда пребывает жаждущим. Ибо что здоровье и болезнь для тела, то добродетель и порок [32] для души и познание и неведение для ума; и насколько кто-либо старается о благочестии, то есть о делании, настолько ум его просвещается в познании, и так сподобляется он милости, чрез пятую заповедь, как говорит Господь: *Блажени милостивии* (Мф. 5, 7). Милостив тот, кто милует ближнего тем, что сам получил от Бога: или деньгами, или пищею, или силою, или полезным словом, или молитвою, если имеет возможность помиловать просящего у него, считая себя самого должником, ибо он получил более того, что от него требуется. И (помышляя) что он удостоился, подобно Богу, быть названным милостивым, — и это от Христа и в нынешнем веке и в будущем, пред всею тварию, — и что чрез брата Бог у него просит и делается ему должником. Бедный может быть жив и без того, чего у него просит, но он без того, чтобы быть милостивым, по возможности, не может быть жив или спастись, ибо если не хочет умилосердиться над подобным себе по природе, то как просит Бога, чтобы Он умилосердился над ним? Размышляя о сем и многом ином удостоившийся заповедей отдает не только то, что имеет, но и душу свою за ближнего, ибо в этом и состоит совершенная милостыня, как и Христос претерпел смерть ради нас, всем показав образ и пример, чтобы и мы умирали друг за друга, и не только за друзей, но и за врагов, во время надобности [33].

Не надобно иметь вещь для того именно, чтобы оказывать милость; это, скорее, великая немощь, но и вовсе не имеющий чем оказать милость должен иметь милосердие ко всем, и тем может помочь нуждающимся, сделавшись беспристрастным к вещам житейским, а к людям имея сострадание. Но и учить не должно из тщеславия, не показав сперва (самим) делом, чтобы, врачуя души немощных, не оказаться самому еще более немощным, нежели нуждающиеся во врачевании: потому что всякое дело требует времени и рассудительности [34], чтобы не произошло что-либо безвременно или без надобности. Немощному лучше удаление от всего, и нестяжание гораздо лучше милостыни. Ради бес-

---

32 Κακία, в слав. «злоба»

33 Καιροῦ καλοῦντος, в слав. «времени требующу».

34 Διακρισεως, в слав. «рассуждения».

пристрастия (подвизающийся) удостоивается шестой заповеди, как говорит Господь: *Блажени чистии сердцем* (Мф. 5, 8), то есть всякую добродетель совершившие, при святых помышлениях, и достигшие того, чтобы видеть вещи по естеству (их); и таким образом достигает (подвизающийся) мира помыслов. *Блажени*, — говорит (Священное Писание), — *миротворцы* (Мф. 5, 9), то есть умиротворяющие душу и тело подчинением плоти духу, да не восстает плоть против духа, но благодать Святого Духа да царствует в душе и да руководит ею как хощет, даровав Божественное познание, с помощию которого таковой может переносить гонение, поношение и озлобление *правды ради,* и радоватися *яко мзда его многа на небесех* (Ср.: Мф. 5, 10, 12). Все блаженства делают богом по благодати человека, сделавшегося кротким, жаждущим всякой правды, милостивым, бесстрастным, миротворцем, терпящим всякую скорбь [35] с радостию, ради любви к Богу и ближнему.

Итак, это суть дары Божии, и мы должны много благодарить Бога за них и за предложенные нам воздаяния: Царствие Небесное в будущем и утешение здесь, полноту всякого блага и милости от Бога: явление Божие ведением таин, сокровенных в Божественных Писаниях и во всех тварях Его, и многую мзду на небесах, подражание Христу на земле и блаженство каждой заповеди, то есть высочайшее из благ, крайний предел желаний. Ибо, по слову апостола (См.: 1 Тим. 6, 14–16), Сам Бог един только блажен, живущий во свете неприступном, а мы должны соблюдать заповеди, или более быть ими соблюдены, но человеколюбивый Бог верующему Ему, согласно [36] заповеди, дарует воздаяния и здесь и там.

Когда совершается все это, происходящее от блаженного плача, ум получает облегчение от страстей, примиряясь с Богом во грехах своих горькими и многими слезами, и мысленно распинаясь со Христом нравственным деланием, то есть соблюдением заповедей, как сказано, и хранением пяти чувств, чтобы они ничего отнюдь не делали без надобности.

Удерживая неразумные стремления, ум начинает обуздывать близкие ему страсти: раздражительность, говорю, и вожделение; и иногда свирепствующую раздражительность утоляет мягкостию вожделения, иногда же суровостию раздражительности успокоивает вожделение. Пришедши в себя, ум познает свое достоинство, что он самодержец, и получает (силу) видеть вещи по естеству их. Ему открывается левый глаз, который ослепил диавол обладанием страстей, и человек сподобляется мысленно погребсти себя со Христом от вещей мира, и не бывает более окрадываем внешнею красотою, но смотрит на золото, серебро и

---

35 Ὀδύνην, в слав. «болезнь».

36 Από — посредством.

дорогие каменья и знает, что они из земли, как и прочие бездушные деревья и камни. Подобно сему смотрит и на человека, как на тление и малый прах (по смерти, в гробе), и все сладостное в жизни считает за ничто; всегда видит изменение этого, со многим советом, проистекающим из познания, и делается мертвым миру, и с радостию умерщвляется ему, и не имеет более понуждения себя, но скорее покой и беспристрастие.

И таким образом, ради чистоты души, сподобляется мысленно воскреснуть со Христом, и получает крепость бесстрастно смотреть на внешнюю красоту вещей, и прославляет ради нее Сотворившего все и, видя в чувственных тварях силу и Промысл Божий, благость и премудрость Его, по апостолу (См.: Рим. 1, 20), видя тайны, сокровенные в Божественных Писаниях, ум сподобляется вознесения со Христом ведением мысленных созданий, то есть познанием умных сил, и разумея, чрез многие слезы познания и радости, от видимого умозаключает о невидимом, от временного — о вечном. Если этот временный мир, называемый местом изгнания и осуждения преступивших заповедь Божию, так прекрасен, во сколько же раз более — вечные и непостижимые блага, которые Бог уготовал любящим Его! И если те блага непостижимы, по своему превосходству, во сколько же более — Бог, все сотворивший из ничего!

Если кто-либо освободит себя от всего и старается о телесных и душевных деланиях, которые отцы называют благочестием, не доверяет никакому сну и собственному разумению, не засвидетельствованному Писанием, и удаляется от всякой праздной беседы, чтобы совершенно не слышать и не читать чего-либо праздного, тем более о ереси, то умножатся у него слезы разума [37] и радости, так что он будет пить их, по множеству их, и придет в другую молитву, чистую, приличную умозрительному. Ибо как тогда должно было упражняться в ином чтении и в иных слезах, так и теперь (в иных). Поелику ум его достигнул духовных ведений, то он должен отныне читать все Божественное Писание, не опасаясь неудобопонятных слов Писания, как — еще деятельные и немощные — ради неведения. Ибо продолжительным пребыванием и подвигами в телесных и нравственных деланиях он распялся со Христом и погреб себя с Ним, познанием вещей по естеству и (их) изменения; воскрес со Христом, чрез бесстрастие и ведение Божественных таин, заключающихся в чувственных Его творениях, и чрез сие ведение восшел со Христом в превысшее мира, познанием мысленных и в Божественных Писаниях сокровенных таинств. От страха (приходит подвизающийся) в благочестие, от благочестия — в ведение [38], от ведения — в совет, то

---

37 Της συνέσεως.

38 Ἡ γνώσις.

есть рассудительность [39], от нее — в крепость, от крепости — в разум [40], и от разума приходит в премудрость. Чрез все упомянутые делания и ведения сподобляется человек чистой и совершенной молитвы, происходящей от мира, любви к Богу и вселения Святого Духа. И это есть сказанное: приобрети Бога в себе, и — явление и вселение Божие, как сказал Златоуст, чтобы тело и душа были, по возможности, как у Христа, безгрешны, и чтобы ум по Христе мыслил согласно благодати Духа и премудрости, что и составляет ведение Божественных и человеческих вещей.

О четырех добродетелях души

Видов премудрости четыре: мудрость, то есть знание того, что должно делать и чего не должно, и бдительность ума; целомудрие, то есть, чтобы ум был цел и мог удерживать себя вне всякого дела, слова и помышления, не угодного Богу; мужество, то есть крепость и терпение в трудах по Богу и в искушениях; правда, то есть распределение, отдающее каждой из сих (добродетелей) поровну. Эти четыре главные добродетели рождаются от трех душевных сил таким образом: от разумной части, то есть ума, — две: мудрость и правда, то есть рассудительность; от вожделевательной — целомудрие; от раздражительной — мужество. Каждая из них находится между двух страстей (сущих) вне естества. Мудрость — выше чрезмерного мудрствования [41] и ниже неразумия. Целомудрие — выше окаменения (сердца) и ниже невоздержанности. Мужество — выше дерзости и ниже боязливости. Правда — выше недостаточности и ниже излишества. И эти четыре суть образ небесного, а те восемь — земного. Все же это в точности знает Бог, как и прежде бывшее, настоящее и будущее, отчасти же (знает) и тот, кто, по благодати Божией, делом научился от Него и сподобился быть по образу и по подобию Его. Но говорящий, что знает сие как должно, от одного слуха, — обманывается, ибо ум человеческий без руководителя не может когда-либо взойти на небо, а не возшедши туда и не видев, не может сказать о чем-либо, ему неведомом. Если же он слышал что-либо из Писания, то об этом только и должен говорить с благоразумием, как о слышанном, и назвать отца этого слова, как сказал Великий Василий. Кто думает, что он имеет знание, тот пребывает худшим невежды, ибо мнение не попускает быть мнимому, говорит святой Максим. Похвально же бывает и неведение, как говорит Златоуст, если кто разумно знает — что он не знает. Есть же невежество, превосходящее всякое невежество:

---

39 Ἡ διάκρισις.

40 Ἡ σύνεσις.

41 Του ὑπερφρονειν, слич.: Рим. 12, 3.

когда кто-либо не знает и того, что он не знает. Бывает и знание лжеименное, когда кто думает, что он знает, ничего не зная, по слову апостола (См.: 1 Кор. 8, 2).

О деятельном знании

Есть истинное знание и есть совершенное неведение, лучше же всего деятельное знание. Ибо какая польза человеку, если он имеет все знание и даже получил его от Бога, по благодати, как Соломон, так что невозможно и быть когда-либо другому такому (как он), но если он пойдет в вечное мучение, если не получил от дел, твердой веры и свидетельства совести удостоверения, что он освобождается от будущего мучения, ибо не зазирает себя, что вознерадел о чем-либо из должного, по силе своей, как говорит святой Иоанн Богослов: *аще сердце наше не зазрит нам, дерзновение имамы к Богу* (1 Ин. 3, 21); впрочем, если и самая совесть, как говорит святой Нил, не обманывается, будучи унижена омрачением страстей, по слову Лествичника. Если и один худой поступок обыкновенно помрачает ум, как говорит Великий Василий, и мнение о себе ослепляет и не попускает быть мнимому, то что сказать о служащих страстям? Думают ли они, что имеют чистую совесть? Особенно, видя апостола Павла, имевшего в себе Христа словом и делом и говорившего: *ничесоже в себе свем*, то есть греховного, *но ни о сем оправдаюся* (1 Кор. 4, 4). Многие (из нас), по великой бесчувственности, думаем, что значим нечто, тогда как мы ничто. Но *егда*, — говорит апостол, — *рекут: мир… тогда внезапу нападет на них всегубительство* (1 Сол. 5, 3), ибо не имели мира, говорит Златоуст, но только говорили и думали, что имеют его, по великой бесчувственности, и как пишет святой Иаков, брат Божий, о таковых, что они *забытливы бывают* (Ср.: Иак. 1, 25) о своих согрешениях. Не зная себя, многие из гордых, говорит Лествичник, думают, что имеют бесстрастие [42]. И я, трепеща трех исполинов диавольских, о которых написал святой Марк подвижник, то есть лености [43], забвения и неведения [44], всегда ими обладаемый, боясь, чтобы не забыть мне свою меру (духовного возраста) и не уклониться с правого пути, как говорит святой Исаак, написал настоящее слово [45]. Отвергающий обличение обнаруживает страсть гордости, говорит Лествичник, а кто принимает его, тот разрешился от уз гордыни. И Соломон сказал: *Несмысленному вопросившу о мудрости, мудрость вменится*

---

42 См.: Лествица. Слово 23, § 36.

43 Ραθυμίαν, в слав. «уныния».

44 См.: Преп. Марк Подвижник. Нравственно-подвижнические слова. Слово 9. Послание к мон. Николаю. Сергиев Посад, 1911. С. 177.

45 Συλλογήν — собрание, сборник.

(Притч. 17, 28). Потому и наименования книг и святых означил я вначале, чтобы, говоря о каждом (изречении), чье оно, не продлить слова. Ибо и святые отцы слова Божественных Писаний часто приводили так, как они есть; Григорий Богослов — слова Соломона и прочие, и — как логофет Симеон Метафраст сказал о Златоусте: несправедливо оставлять его слова и говорить мои, если бы я и мог это, ибо от того же Святого Духа получили все, а некоторых (писателей) называют по имени, как бы украшаясь этим, по смирению, и предпочитая слова Писаний своим собственным, некоторых же оставляют без наименования, по множеству, чтобы не слишком продлить слово.

О том, что телесные добродетели суть орудия душевных

Но так как частое напоминание сильнее, то начну говорить еще более сказанного. Но не мое это, а Божественных Писаний и святых мужей слова и рассуждения. Дамаскин говорит, что телесные добродетели или, скорее, орудия добродетелей, нужны, когда кто-либо со смирением и духовным познанием их проходит, ибо без этого не совершаются и душевные добродетели; если же не так, но сами по себе, — то они не приносят никакой пользы, как растения без плодов. Без упражнения и отсечения хотений никто не может хорошо и твердо обучиться мастерству; потому после делания нужно нам и знание, и для всего — *упразднение* по Богу (См.: Пс. 45, 11) от всего и старание о (чтении) Божественных Писаний, без которого никто не может когда-либо приобрести добродетель. И удостоившийся совершенно и всегда *упразднятьсѧ* достигает высочайшего блага, а кто и не так, — то, по крайней мере, отчасти да не будет нерадив. Но блаженны совершенно *упраздняющиеся* или в повиновении кому-либо деятельному и разумно безмолвствующему, или в безмолвии и беспопечительности от всего, повинуясь воле Божией в точности и с советом опытных во всяком начинании (относительно) слов и помышлений: желающие более (всего) без труда достигнуть бесстрастия и духовного познания, совершенным *упразднением* от всего о Боге, как Сам Он сказал чрез пророка: У*празднитеся и разумейте, яко Аз есмь Бог* (Пс. 45, 11). Но люди житейские, живущие в мире, говорю, и тем более монахи, упразднимся хотя отчасти, как древние праведники, чтобы испытать бедную душу прежде смерти и приобрести ей исправление или смирение, а не совершенную погибель полным незнанием и в ведении и в неведении бывающими согрешениями. Ибо Давид хотя был и царь, но *на всяку нощь* орошал слезами ложе и постелю свою (См.: Пс. 6, 7) от чувства Божественного страха [46]; как говорит Иов: Ужасошася *ми власи* и прочее (Ср.: Иов. 4, 15). И мы хотя некоторую часть дня и ночи, как люди житейские, *упразднимся* и рассмотрим, что будем мы отвечать праведному Судии в страшный день суда Его? И об этом,

---

46 «Страха» нет в греч. книге.

как необходимом, по страху вечного мучения, более будем заботиться, нежели о том, как будут жить бедные и обогащаться — сребролюбивые [47]; не будем все наше старание прилагать неразумно к житейским делам, как говорит божественный Златоуст, что делать должно, но не *пещися и молвити о мнозе*, как Господь сказал Марфе (Ср.: Лк. 10, 41). Ибо житейские заботы не допускают (человека) заботиться о душе своей и познать, в каком он находится устроении, как то знает *упраздняющийся* и внимающий себе самому, по сказанному в законе: *внемли себе* и прочее (См.: Втор. 15, 9). Изречение, о котором Великий Василий написал досточудное слово, исполненное всякой премудрости.

О том, что невозможно спастись иначе, как только строгим вниманием и хранением ума

Без внимания и бдительности ума невозможно нам спастись и избавиться, как говорит Дамаскин, от диавола, *яко* льва, рыкающа и ищуща *кого поглотити* (Ср.: 1 Пет. 5, 8). Потому и Господь часто говорил ученикам Своим: *Бдите и молитеся,* яко *не весте* и прочее (Ср.: Мк. 13, 33), предвозвещая чрез них всем о памятовании смерти, чтобы мы были готовы к доброму [48] ответу, который бывает следствием дел и внимания. Демоны, как говорит святой Иларион, невещественны, бессонны и употребляют все старания, чтобы нападать на нас и погубить наши души словами, делами и помыслами; но мы не таковы, а иногда заботимся о наслаждениях и преходящей славе, иногда о житейских делах и о многом другом всегда, и никакой части времени не хотим уделить на испытание нашей жизни, чтобы ум мог чрез это прийти в навык и без *упразднения* чаще внимать себе, по слову Премудрого [49]: *посреде сетей многих ходиши* (Ср.: Сир. 9, 18). Златоуст написал о них, изъясняя с большою точностию и полнейшею премудростию, что такое эти сети. Господь же, желая отсечь всякое попечение, повелел нам презирать и самую пищу и одежду, чтобы мы имели одну только заботу — как бы спастись, подобно серне от ловца и птице от сетей, — и чтобы мы беспопечительностию достигли острозрения этого животного и высокопарения пернатых. И чудно, что Соломон сказал это, будучи царем, и отец его, так же как он, говорил и делал. И при таком внимании и многих подвигах, пребывая во всякой премудрости и добродетели, при стольких дарованиях и явлении Божием — увы! — они были побеждены грехом, так что один оплакивал вместе и прелюбодеяние и убийство (См.: 2 Цар. 11, 4, 15), а другой впал в столь ужасные дела (См.: 3 Цар. 11, 3). Не

---

47 В греч. οἱ φιλάνθρωποι — человеколюбцы, вероятно, опечатка. В слав. «сребролюбцы».

48 Δεκτήν — достойный принятия.

49 В греч. Σολομών.

преисполнено ли это трепета и ужаса, для имеющих ум, как говорят Лествичник и Филимон подвижник. Как же мы не ужасаемся и не убегаем, по немощи нашей, от житейских забот, мы — ничего не значащие, но остаемся нечувствительными, как бессловесные животные! И о, если бы я, бедный, сохранил естество свое, как бессловесные! Пес лучше меня и прочее [50].

О том, что желающие видеть самих себя, в каком они устроении нравственном, не иначе могут этого достигнуть, как удалением от своих хотений, повиновением и безмолвием, особенно же обладаемые страстями

Если мы желаем видеть самих себя, в каком мы смертоносном устроении находимся, то будем убегать от своих хотений и житейских дел и, чрез удаление от всего, пребывать, с трудом, в блаженном *упразднении* о Боге (См.: Пс. 45, 11), ища каждый своей души, поучением в Божественных Писаниях, или в совершенном повиновении души и тела, или во всеславном пребывании ангельском — безмолвии; особенно же страстные, не могущие удерживать своих пожеланий, малых и великих.

Сиди, сказано, в келлии твоей, и она всему тебя научит, и опять: безмолвие есть начало очищения души, как говорит Великий Василий, и Соломон (сказал): *попечение лукаво даде* Бог сыновом *человеческим* (Еккл. 1, 13), то есть заботы о суетном, очевидно для того, чтобы от неразумной и страстной праздности не уклонились в худшее. Избавившийся же благодатию Божиею от обеих (сих) стремнин и сподобившийся быть монахом, носящий ангеловидный иноческий образ, чтобы быть чрез то подражателем единому Богу, по возможности своей, делом и словом, как говорит Великий Дионисий, не должен ли всегда *упраздняться* и быть внимательным к уму, во всяком деле, и иметь некоторое непрестанное поучение о Боге, смотря по устроению, какого достиг, как говорят к новоначальным святые отцы: Ефрем и другие. Один должен иметь в устах псалом, другой — какой-либо стих, иные должны со вниманием произносить в уме псалмы и тропари, как не сподобившиеся еще прийти в некоторое ведение, то есть познание (духовное), чтобы никто — работает ли он, путешествует ли или ложится отдыхать — отнюдь не оставался без некоторого поучения (внутреннего); но, исполнив назначенное ему молитвенное правило, должен тотчас же заключить ум в некоторое поучение, чтобы враг, найдя его праздным, без памяти о Боге, не вложил в него своего зловредного. Это сказано ко всем вообще. Когда же кто-либо многими подвигами телесными, говорю, и душевными добродетелями, благодатию Христовою, успеет мысленно взойти в духовное, то есть мысленное делание — в плач о душе своей, то такому долж-

---

50 Вероятно, здесь приведены слова другого писателя, неоконченные, как и в других подобных местах, поставлено: «и прочее».

но мысль, приносящую приболезненные слезы, хранить как зеницу ока, пока, как говорит Лествичник [51], огонь и вода не отойдут промыслительно, то есть за возношение. Огонь есть сердечное болезнование и теплая вера, а вода — слезы. Не всем дается это, говорит Великий Афанасий, но (только) сподобившимся видеть ужасное, бывающее прежде смерти и по смерти, непрестанным памятованием о сем в безмолвии; как говорит Исаия: ухо безмолвствующего услышит дивное; и еще: *упразднитеся и разумейте* (Пс. 45, 11).

Это одно порождает в нас обычно познание Бога, как могущее наиболее помочь и очень страстным и немощным, чрез пребывание без попечений и удаление от людей и помрачающих ум бесед и забот, не только житейских, но и ничтожных, и кажущихся безгрешными; как говорит Лествичник: малый волос беспокоит глаз и проч [52]. И святой Исаак: не думай, что только имение золота или серебра есть сребролюбие, но если и к чему-либо привязан помысл. И Господь сказал: *Идеже... сокровище ваше, ту и сердце ваше будет* (Ср.: Мф. 6, 21) или в Божественных, или в земных делах и помышлениях.

Потому и прилична всем беспопечительность и то, чтобы *упразднятьсяо* Боге: житейским людям отчасти, как было сказано, чтобы они могли мало-помалу достигнуть мудрости и духовного познания, а могущим совершенно *упразднитьсяи* все попечение иметь о том, как благоугодить Богу, чтобы Бог, видя произволение их, даровал им покой чрез духовное познание и ввел их в поучение первого ведения, дабы приобрести им неизреченное сокрушение души и быть нищими духом. И так, мало-помалу, возводя их и в другие ведения, сподобил их соблюдения блаженств, пока достигнут они мира помыслов, который есть место Божие, как говорит святой Нил, взяв это слово [53] из Псалтири: *и бысть в мире место Его* (Пс. 75, 3).

О восьми мысленных ведениях

Духовных ведений, как полагаю, восемь. И семь из них — нынешнего века, а восьмое есть делание будущего века, как говорит святой Исаак. Первое есть познание [54] скорбей и искушений этой жизни, как говорит святой Дорофей, и сетование о всем, что естество человеческое потерпело чрез грех.

Второе — познание своих согрешений и благодеяний Божиих, как говорит Лествичник, святой Исаак и многие другие из отцов.

---

51 Лествица. Слово 28, § 49.

52 Лествица. Слово 27, § 51.

53 Τήν χρησιν, место из писателей, приводимое в доказательство.

54 Γνωσις.

Третье — познание ужасного, бывающего перед смертию и после смерти, как то (находим) в Божественных Писаниях.

Четвертое — уразумение [55] жизни в этом мире Господа нашего Иисуса Христа, и учеников Его, и прочих святых, мучеников и преподобных отцов, — дел их и слов.

Пятое — познание естества и изменения вещей, как говорят святые отцы Григорий и Дамаскин.

Шестое — ведение существующего, то есть познание и уразумение чувственных созданий Божиих.

Седьмое — уразумение мысленных созданий Божиих.

Восьмое — познание о Боге, называемое богословием.

Из этих восьми ведений три первые приличны проходящему деятельную добродетель, дабы он успел многими и горькими слезами очистить душу свою от всех страстей и получить от Бога, по благодати, и прочие (ведения); пять же — перешедшему к ведению, то есть получившему познание (духовное), за доброе хранение и всегдашнее исполнение телесных и нравственных, то есть душевных, деланий; чрез что и сподобляется их ощущения явно и мысленно. От первого получает делатель начало познания и по мере того, как он после этого старается о делании и поучается в данных ему разумениях, преуспевая в них, пока не придет в навык их, само собою является в уме его иное познание и, подобно сему, прочие.

Но чтобы передаваемое мною было ясно, скажу отчасти — хотя и не могу говорить — о каждом ведении, в чем состоит познаваемое и изъясняемое, чтобы мы имели возможность познать себя, то есть как мы должны поступать, когда благодать начнет отверзать очи душевные и мы начнем уразумевать, приходя в изумление от мыслей и речений, могущих вселить в нас, как прежде было сказано, страх, то есть сокрушение души.

Необходимое изъяснение о первом познании и о том, как должно начинать оное

Первое познание есть то, ради которого даруются произволяющему и последующие; сподобившийся достигнуть его должен поступать таким образом. Сесть (лицом) к востоку, как некогда Адам, и поучаться так. Сел тогда Адам и плакал перед раем сладости, руками бил себя по лицу и говорил: «Милостивый! Помилуй меня, падшего!» Также и другой икос: видя Адам ангела, изгнавшего (его) и затворившего дверь Божественного вертограда, глубоко воздохнул и сказал: «Милостивый! Помилуй меня, падшего!» Потом, размышляя о совершающемся (ныне), на-

55 Ἡ κατανόησις.

чинает тогда (делатель) сетование [56] таким образом: воздыхая от всей души и качая головою своею, с болезнованием сердечным говорит:

«Увы мне, грешному! Что я пострадал! Увы мне! Что я был и чем сделался? Увы мне! Что я потерял и что нашел? Вместо рая — тленный сей мир; вместо Бога и пребывания с ангелами — диавола и нечистых демонов; вместо покоя — труд; вместо наслаждения и радости — скорбь мира сего и печаль; вместо мира и непрестанного веселия — страх и прискорбные слезы; вместо добродетелей и праведности — неправду и грехи; вместо благости и бесстрастия — лукавство и страсти; вместо премудрости и усвоения Богу — неразумие и изгнание; вместо беспопечительности и свободы — многозаботливую жизнь и горчайшее рабство. Увы! Увы! Я был сотворен царем и чрез безумие мое сделался рабом страстей. Увы мне, несчастному! Как я преслушанием вместо жизни навлек (себе) смерть. Горе! Горе! Увы мне! Увы мне! Что пострадал я, окаянный, от своей безрассудности! Что мне делать? Отсюда брани и оттуда смущения. Отсюда болезни и оттуда искушения. Отсюда опасности и оттуда кораблекрушения. Отсюда страхи и оттуда печали. Отсюда страсти и оттуда грехи. Оттуда горечи и отсюда стеснения. Увы мне, несчастному! Что мне делать? Куда бежать? *Тесно ми отвсюду*, как сказала Сусанна (Дан. 13, 22). Не знаю, чего мне искать. Если буду искать жизни — боюсь ее искушений, перемен ее и случайностей [57]. Вижу ангела — сатаною. Прежде сиявшего как денницу, сделавшегося диаволом и так называемым. Первозданного — изгнанным. Каина — братоубийцею. Ханаана — проклятым. Содомлян — сожженных огнем. Исава — отпадшим. Израильтян — подпавших гневу. Гиезию и апостола Иуду — отпадших, по болезни сребролюбия. Великого пророка и царя — плачущим о двух грехах. Соломона, при такой премудрости, — отпадшим. Бывших из числа семи диаконов и сорока мучеников — отпадших. Как говорит Великий Василий: с радостию похитил злоначальник из двенадцати злосчастного Иуду, из Едема — человека и из сорока мучеников — отпадшего. Оплакивая которого, снова тот же (святой Василий) говорит: суемудрый и достойный плача! Он лишился и сей и оной жизни, ибо, растаяв от огня, он перешел к огню неугасимому. И других бесчисленно многих вижу падших, не только из неверовавших, но и многих из отцов, после многих подвигов. Кто же я, худший из всех, бесчувственнейший и немощнейший! Что скажу о себе самом? Авраам называет себя землею и пеплом (См.: Быт. 18, 27). Давид — псом умершим и блохою во Израиле (См.: 1 Цар. 24, 15). Соломон — малым отроком, не разумеющим правого и левого (Ср.: 3 Цар. 3, 7). Три отрока говорили: *студ и поношение быхом* (Дан. 3, 33). Пророк Исаия говорит: окаянен

---

56 Τόν θρηνον.

57 Τά συναντήματα.

есмь *аз* (Ср.: Ис. 6, 5). Иеремия [58] пророк говорит: *отрок есмь аз* (Иер. 1, 6). Апостол называет себя первым из грешников, и все прочие говорят о себе, что они ничто. Что же делать мне? Куда я скроюсь от множества зол моих? Что будет со мною, ничтожным и худшим самого ничтожества? Ибо ничтожество не согрешило и не было подобно мне облагодетельствовано. Увы! Как я докончу остальное время моей жизни? Или как успею избежать сетей диавольских? Демоны бессонны и невещественны. Смерть близка, а я немощен. Господи! Помоги мне! Не попусти созданию Твоему погибнуть, ибо Ты печешься о мне, несчастном! *Скажи ми, Господи, путь, в оньже пойду, яко к Тебе взях душу мою* (Пс. 142, 8). *Не остави мене, Господи Боже мой, не отступи от мене. Вонми в помощь мою, Господи спасения моего* (Пс. 37, 22–23)».

И таким образом душа сокрушается от таковых слов, если хотя сколько-нибудь имеет чувства. Пребывая в сем (делании) и пришедши в навык страха Божия, ум начинает постигать слова второго ведения и поучаться в них, которые суть следующие:

О втором ведении

«Увы мне, несчастному! Что мне делать? Что со мною будет? Много я согрешил, много был облагодетельствован, много немоществую. Искушений много. Леность связала меня. Забвение помрачает меня и не попускает мне видеть самого себя и множество зол моих. Неведение — худо. Преступление в ведении — еще хуже. Добродетель неудобосовершаема. Страстей много. Демоны лукавы. Грех удобен. Смерть близко. Отдание отчета горько. Увы мне! Что мне делать? Куда убегу от себя самого? Ибо я сам причиною своей погибели: я почтен самовластием и никто не может меня принудить. Я согрешил, и всегда согрешаю, и пребываю в нерадении о всяком благом деле, а принуждающего меня — нет. Кого же мне обвинять? Бог благ и человеколюбив и всегда желает моего к Нему обращения и покаяния. Ангелы любят и охраняют меня. Люди также желают мне преуспеяния; демоны не могут принудить никого, не хотящего погибнуть, по нерадению или отчаянию; итак, кто же причиною? Только я сам, окаянный. Вот я немного познал, что душа моя погибает и не хочу положить начала благочестия. Почему ты нерадишь о себе, душа моя? Почему не стыдишься, согрешая пред Богом и Его ангелами, как стыдишься людей? Увы мне, несчастному! Увы мне! Увы мне! Ибо не стыжусь я Творца моего и Владыки даже и так, как стыжусь человека. И перед одним человеком не могу согрешить, но употребляю все хитрости, чтобы показать себя поступающим праведно, но, стоя пред Богом, помышляю лукавое и говорю часто, не стыдясь. О (каково) безу-

58 В греч. и слав. «Аввакум».

мие мое! Делая злое, не боюсь Бога, видящего сие, и одному человеку не могу сказать касающегося меня — для исправления. Увы мне! Увы мне! О мучении знаю, а каяться не хочу. Небесное Царство люблю, а добродетели не приобрел. В Бога верую, а заповедей Его всегда ослушиваюсь. Диавола ненавижу, а делать угодное ему не перестаю. Если молюсь, предаюсь лености и пребываю бесчувственным. Если пощусь, предаюсь возношению и еще более подвергаюсь осуждению. Если бодрствую, думаю, что нечто делаю, так что и это не бывает полезно. Если читаю, одно из двух зол совершаю, бесчувственный: или делаю это ради многознания и тщеславия и более помрачаюсь, или, зная и не исполняя, еще более заслуживаю осуждения. Ежели делом, по благодати Божией, и перестаю грешить, но словом всегда согрешать не перестаю; если же и от этого благодать покроет меня, то помыслами всегда прогневляю Бога, окаянный. Горе! Горе! Что мне делать? Куда ни пойду — нахожу грехи. Повсюду демоны. Отчаяние хуже всего. Прогневал я Бога; ангелов также опечалил; людям многократно причинял вред и соблазн. Хотел я слезами омыть рукописание согрешений моих, Господи, и в остальное время жизни покаянием благоугодить Тебе, но враг обольщает меня и борет душу мою. Господи! Прежде нежели совершенно погибну, спаси меня!

Согрешил я пред Тобою, Спаситель, как блудный сын. Прими меня, Отче, кающегося и помилуй меня, Боже!

Вопию к Тебе, Христе, Спасителю, гласом мытаря: очисти и меня, как (очистил Ты) оного, и помилуй меня, Боже!

Но что будет в последнее время или что меня ожидает? Увы мне, несчастному! Увы мне! *Кто даст главе моей воду и очесем моим источник слез?* (Иер. 9, 1). Кто возможет достойно меня оплакать? Ибо я сам не могу этого сделать. Приидите, горы, покройте меня, несчастного! Горе! Горе! Что мне сказать? О сколько добра сделал мне Бог, (добра) которое Он только знает, и сколько зла показало мое неразумие! Словом, делом и мыслию всегда прогневляю я моего Благодетеля; и насколько Он долготерпит, настолько я нерадею, окаянный и бесчувственнейший бездушных камней. Однако не отчаиваюсь, но познаю Твое человеколюбие.

Покаяния не приобрел я, не приобрел и слез; потому умоляю Тебя, Спаситель, прежде конца обрати меня и дай мне покаяние, чтобы мне избавиться от муки.

Господи Боже мой! Не оставь меня. Я ничто пред Тобою, но грешен весь, и где найду я чувство многих моих зол? Самое то, что я не делаю (добра), есть для меня великое осуждение. Для меня — небо и земля. Для меня — четыре стихии и все, от них происходящее, как говорит Богослов. Об остальном же умолчу, ибо недостоин я говорить что-либо, по множеству зол моих. Оказанные мне благодеяния, превосходящие вся-

кую меру, кто может познать, хотя бы и ангельский ум сподобился иметь. Но за нераскаянный мой нрав я всего лишусь, несчастный».

И так поучающийся в этом приходит через несколько времени в третие познание, и всегда плача говорит:

О третьем ведении

«Увы мне! Какой подвиг имеет душа, разлучаясь с телом! Увы мне! Сколько проливает тогда слез, и нет милующего ее! К ангелам обращает взоры и напрасно умоляет. К людям простирает руки, и нет помогающего ей!

Плачу и рыдаю, когда помышляю о смерти и вижу лежащую в гробах по образу Божию созданную нашу красоту — безобразную, бесславную и не имеющую вида. О чудо! Какое это таинство совершилось над нами? Как мы предались тлению? Как совокупились со смертию? Поистине Божиим повелением, как написано. Горе! Горе! Что буду делать я, всебеднейший, во время смерти, когда демоны окружат бедную мою душу, держа записи всего злого, мною сделанного, в ведении и в неведении, словом, делом и помышлением, и требуя от меня отчета во всем этом? Но, увы мне! И без других грехов, я подлежу великому осуждению за заповеди, которых не сохранил, и — по справедливости (осужден буду)!

О окаянная душа моя, скажи мне теперь, где обеты крещения? Где сочетание со Христом и отречение от сатаны? Где соблюдение заповедей Божиих? Где подражание Христу телесными и душевными добродетелями, ради Которого я назван христианином, и обещание иноческого образа? Если ты, может быть, будешь оправдываться телесною немощию, то где вера, возлагающая всякое попечение на Бога, которою ты могла бы и горы переставлять, если бы приобрела ее в горчичное зерно (См.: Мф. 17, 20)? Где совершенное покаяние, удаляющееся от всякого лукавого дела и слова? Где сокрушение души и совершеннейший плач? Кротость, милосердие, чистота сердца от лукавых помыслов? Всеобъемлющее воздержание, удерживающее всякий член тела, всякую мысль и пожелание, за исключением нужного только употребления ко спасению души или жизни тела? Где терпение, переносящее многоразличные скорби ради Царства Небесного? Где благодарение за все, непрестанная молитва, попечение о смерти, слезы сетования, если ты еще не достигла слез любви? Где мудрость по Богу, охраняющая душу от сетей врагов и противников? Где целомудрие, удаляющееся от всего, не по Богу совершаемого или произвольно помышляемого? Где мужество, переносящее терпеливо все злое и дерзновенное против врагов — ради надежды?

Где правда, отдающая каждому должное [59]? Смиренномудрие, знающее свою немощь и неразумие, и Божие человеколюбие, которым (смиренномудрием) ты могла бы избавиться от всех козней вражеских? Где бесстрастие и совершенная любовь? Мир, превосходящий *всяк ум* (См.: Флп. 4, 7), ради которого я был бы наречен сыном Божиим? Все это и без телесной крепости желающий может иметь, ради одного произволения. Что я скажу на это? Что буду делать, окаянный, когда вдруг нападет на меня страх ради неизвещения, поелику я совершенно нерадел о том, что должен был по возможности исполнять, то буду в аде, как говорит Великий Афанасий. Горе крайней моей бедности! Что я сам себе нанес, не только тем, в чем согрешил, но еще более тем, в чем не захотел покаяться. Если бы я раскаялся, как блудный сын, то чадолюбивый Отец принял бы мое обращение, и если бы я сделался благоразумным, как мытарь, осуждая только себя самого, а не иного кого-либо, то и я получил бы от Бога прощение грехов, — особенно если бы помолился от всей души, как мытарь. А теперь вовсе не таким себя вижу, потому и страшусь пребывания с демонами в аде и будущего суда. Ибо там — река огненная, престолы и книги открытые: ангелы предшествуют и все естество живущих предстоит; все обнажено и явно пред страшным и праведным Судиею.

Увы мне! Как я перенесу обличение и негодование страшного и неподкупного Судии; стечение бесчисленного множества ангелов, требование отчета, со страшною угрозою, приговор неизменный, непрестанный плач, бесполезные слезы, неосвещаемую тьму, червь неусыпающий, неугасимый огонь и многообразные муки, отпадение от Царства и разлучение со святыми, удаление от ангелов, отчуждение от Бога, лишение надежды, вечную смерть, страх, болезнь, печаль и стыд, угрызение совести. Увы мне, грешному! Что я пострадал! Зачем так страшно погибаю! Еще имею время для покаяния. Владыка призывает меня, а я откладываю! Доколе, душа моя, пребываешь в согрешениях, доколе откладываешь покаяние? Приведи себе на ум будущий суд, воззови ко Христу Богу: „Сердцеведец! Согрешил я, прежде нежели осудишь меня, помилуй меня! В страшное пришествие Твое, Христе, да не услышим: *не вем вас* (Лк. 13, 25), ибо упование возложили мы на Тебя, Спаситель, хотя и не сохранили Твоих повелений, по нерадению нашему, но молим: помилуй души наши!“ Увы мне, Господи, я опечалил Тебя и не почувствовал того, но вот благодать Твоя дала мне немного почувствовать; потому и недоумеваю, окаянный. Вострепетала бедная душа моя! Проживу ли я еще немного, чтобы горько оплакать и омыть осквернённое тело мое и душу? Или опять поплачу один час и тотчас же перестану, с бесчувствием, как и всегда? Что мне делать, чтобы приобрести непрестанное бо-

---

59 Τό ίσον — равное.

лезнование души? Буду ли поститься и бодрствовать? Но без смирения не получу пользы. Буду ли петь одними устами или читать? Но страсти помрачили мой ум и не могу понимать силы произносимого. Буду ли повергаться пред Тобою, Податель благ? Но не имею дерзновения. Отчаянна жизнь моя! Погибла душа моя! Господи! Помоги мне и прими меня, как мытаря. Подобно блудному сыну согрешил я на небо и пред Тобою, и как блудница плакавшая, о которой сказано. Отчаянная по жизни и известная по нраву, носящая миро, приступила к Тебе, взывающи: „Не отвергни меня, блудную, Родившийся от Девы; не презри моих слез, Радость ангелов; но приими меня, кающуюся, которую не отринул Ты, Господи, согрешавшую, ради великой Твоей милости!“ И я, бедный, отчаянный, ради многих грехов моих и познанный Тобою, по неизреченному человеколюбию Твоему и неизмеримой пучине щедрот Твоих, в которую ввергаю отчаяние души моей, осмеливаюсь собирать ум в святое памятование о Тебе и, восстав, хотя одну молитву совершу, со страхом и трепетом многим, чтобы сподобиться и мне, недостойному, быть рабом Твоим и, по благодати, иметь ум безвидным, невообразительным, необразовидным и невещественным, и пред Тобою единым Богом и Творцом всяческих повергаться, как некогда Даниил пред ангелом Твоим, на колени и длани рук (См.: Дан. 8, 17), и приносить Тебе сперва благодарение, потом исповедание. И так начинаю молить о всесвятой воле Твоей я, окаянный, принося Тебе благодарение за все блага, которых сподобил Ты меня, — персть, прах и пепел! И что сподобился я, весь земной, одним умом предстать Тебе и, как видимый Тобою, от всей души взываю и говорю: Владыко многомилостивый! Благодарю Тебя, прославляю Тебя, воспеваю Тебя и поклоняюсь Тебе, что сподобил меня, недостойного, в час сей благодарить Тебя и всячески услышать о некоторых чудесах Твоих и благодеяниях, которые Ты совершил и совершаешь ради нас, по благодати: душевных и телесных, бесконечных и неисследимых, явных и неявных, известных и неизвестных нам. Исповедаю благодать. Не скрываю благодеяний. Проповедую Твои милости. *Исповемся Тебе, Господи, всем сердцем моим и прославлю имя Твое* вовеки*, яко милость Твоя велия на мне* (Пс. 85, 12–13), и неизреченно снисхождение и долготерпение Твое ко множеству беззаконий и согрешений моих, нечестий и лукавств, которые я сделал, и делаю, и еще бы сделал, если бы благодать Твоя не избавила меня от них, — в ведении и неведении, словом, и делом, и помышлением, которые Ты знаешь, Сердцеведец Господи, от рождения моего до конца жизни моей, в которых осмеливаюсь я, всебеднейший, принести Тебе исповедание. Согрешил я, беззаконновал, нечестиво поступал и лукавое делал пред Тобою и недостоин взирать на высоту небесную и видеть ее; но, уповая [60] на не-

60 Θαρρῶν, в слав. «дерзая»

изреченное Твое человеколюбие и превысшую ума благость Твою и милосердие, повергаясь пред Тобою, умоляю Тебя: *помилуй мя, Господи, яко немощен есмь* (Пс. 6, 3), прости мне множество злых дел моих, не попусти мне еще согрешать или заблуждаться с правого пути Твоего, ни оскорбить или опечалить кого-либо; но обуздай во мне всякое зло, и лукавую привычку, и неразумное стремление души и тела, и раздражительности, и вожделения, и научи меня исполнять волю Твою. Помилуй братию, и отцов моих, и всех повсюду: монахов и священников, родителей моих, братьев и родственников, служащих нам и служивших, молящихся о нас и заповедовавших нам молиться о них, ненавидящих и любящих нас, которых я оскорбил или которым сделал вред, и всех когда-либо поступивших так со мною или имеющих поступить, и всех верующих в Тебя. И прости нам всякое согрешение произвольное и невольное; соблюди нашу жизнь и исход из этого мира от нечистых духов и от всякого искушения, и всякого греха и лукавства, самомнения и отчаяния, неверия и безумия, возношения и боязни, обольщения, мучительства, окрадения и сети диавольской. И даруй полезное душам нашим в нынешнем веке и в будущем, как благоволит Твое человеколюбие. Упокой прежде отшедших отцов и братий наших. И молитвами всех ущедри мою бедность, умилосердись надо мною, погибающим. Воззри на мое бессилие во всем; исправь мой образ жизни, управь жизнь мою и конец ее в мире, и сделай меня таким, каким Ты желаешь, и как Ты желаешь; хочу ли я того или не хочу, только да не буду отлучен от стояния одесную Тебя в день судный, Господи Иисусе Христе, Боже мой, хотя я и последний из всех спасающихся рабов Твоих; и умиротвори мир Твой и помилуй всех как знаешь. Сподоби меня и причащения пречистого Тела Твоего и честной Крови Твоей, во оставление грехов, в приобщение Святого Духа, в залог жизни вечной в Тебе со избранными Твоими, молитвами Всепречистой Твоей Матери, святых и небесных сил Твоих и всех Твоих святых, ибо благословен Ты во веки веков. Аминь“.

Пресвятая Владычица Богородица, все небесные силы святых ангелов и архангелов и все святые, молите Бога о мне, грешном!

Владыко, Боже, Отче Вседержителю, Сыне Единородный Иисусе Христе и Святый Душе… и прочее».

И тотчас говорит к своим помыслам: «Приидите поклонимся и припадем Цареви нашему Богу» — трижды, и начинает читать псалмы, произнося на каждый антифон Трисвятое и заключая ум в произносимом. По окончании же: «Господи, помилуй» — сорок раз. При каждом антифоне, совершая молитву, говорит внутренно, с поклоном: «Согрешил я, Господи, прости меня!» — один раз. Потом, встав и воздевая руки: «Боже, очисти меня, грешного!» — один раз. И когда помолится, должен произносить вторую молитву: «Приидите поклонимся...» — трижды и другой антифон таким же образом. Но когда благодать умиляет сердце

его, тогда должно ему иметь ум наиболее в помышлениях, приносящих умиление, хотя и уста перестанут петь, и мысль будет пленена благим пленением, как говорит святой Исаак, ибо тогда настает время собирать (плоды), а не садить, посему должно останавливаться на таких помышлениях, чтобы более умилилось сердце и дало плод, то есть слезы по Боге. Если ты, говорит Лествичник, в каком-либо слове молитвы почувствуешь умиление, то остановись на нем, и пребывай в нем [61]. Ибо всякое действие телесное, пост, говорю, и бдение, пение и чтение, безмолвие и прочее совершается для очищения ума; ум же без плача не может очиститься, чтобы соединяться с Богом чистою молитвою, отвлекающею его от всех помышлений и делающею его безвидным и невообразительным. Но все это хорошее (само по себе) бывает (истинно) хорошим, когда хорошо исполняется, как и наоборот. И всякое дело для того, чтобы быть хорошим, требует рассуждения, и без рассуждения мы не познаем естества вещей. (Так), может быть, многие из нас соблазняются, видя разногласие в сказанном и сделанном святыми отцами: то есть Церковь приняла петь тропари со многими песньми и припевами, Лествичник же, восхваляя плачущих по Богу, говорит, что таковые не воспоют и не воскликнут в песнях. И святой Исаак о чисто молящихся говорит: нередко бывает, что человек собирает ум свой в молитве и тотчас падает без понуждения на землю, на колени, как некогда пророк Даниил, и руки его бывают простерты, глаза его устремлены на крест Христов, а помыслы изменяются и члены его расслабевают от новых помышлений, самодвижно приходящих на ум! И еще подобно сему многие из святых отцов пишут о некоторых таковых, что они не только песни и псалмопения превзошли восторгом ума, но и самый ум забывали, как говорит святой Нил. Церковь хорошо и богоугодно приняла песни и прочие тропари, ради немощи ума нашего, чтобы мы, привлекаемые сладостию песнопения, как бы нехотя воспевали Бога — неразумные. А имеющие познание от вникания умом в произносимые слова приходят в умиление и, как по лестнице, восходят в благие мысли, по слову Дамаскина. И насколько мы преуспеваем в навык мыслей по Богу, настолько Божественное желание влечет нас достигнуть разумения и поклонения Отцу *духом и истиною*, как сказал Господь (Ин. 4, 24). И по слову апостола: *пять словес хощу умом глаголати... нежели тмы языком* (1 Кор. 14, 19). И еще: *хощу... да молитвы творят мужие на всяком месте, воздеюще преподобныя руки без гнева и размышления* (1 Тим. 2, 8). Итак, одно служит врачевством немощи, а другое (есть дело) совершенства ума. Вот разрешение таковых изысканий. Ибо все хорошо в свое время; не во время же — все кажется несогласным для незнающих времени каждой вещи, по слову Соломона: *время всяцей вещи* (Еккл. 3, 1). Однако когда

---

61 См.: Лествица. Слово 28, § 11.

кто-либо достигнет благих мыслей, то должен быть строго внимательным, чтобы ведения сии оставались в нем и не лишился он благодати, за нерадение или за возношение, как говорит святой Исаак. Если в душе человека умножаются мысли по Богу и приводят его к умилению и большему смирению, то он должен всегда благодарить и исповедовать благодать Божию, что сподобился такового познания, почитая себя самого недостойным; если же (такие помышления) прекратятся и мысль [62] снова помрачается и теряет страх и печаль, то много надобно сетовать и смирять себя словом и делом, как оставленному благодатию, для того, чтобы познал немощь свою, приобрел смирение и постарался об исправлении себя, как говорит Великий Василий, ибо если бы не вознерадел о плаче по Богу, то не лишился бы слез, когда бы пожелал их. Потому и должно нам всегда познавать свою немощь и благодать Божию и не отчаиваться, если что-либо случится с нами, но и отнюдь не быть дерзновенными, думая, что мы значим что-либо, но более уповать всегда на Бога, со смирением. И это прилично много ищущему слез словом и делом, ибо он удостоился таковой благодати и не сохранил предведения [63] Божия, бывшим, настоящим или будущим нерадением или возношением, как было сказано. А произвольно оставившему такие дарования, то есть плач, слезы и светосияющие мысли, что прилично, как не одно только — горе! Поелику во всем мире нет безумнее такого человека: сподобившись того, что уже за пределами естества, и будучи в состоянии достигнуть чрез это, по благодати, превышеестественного — слез, говорю, разума [64] и любви, чрез какие-либо ничтожные вещи или странные помыслы и собственные пожелания, он возвращается к скотскому неразумию, как *пес… на свою блевотину* (2 Пет. 2, 22). Однако если пожелает снова *упразднитися* по Богу, в чтении Божественных Писаний, со вниманием и попечением о смерти, и будет в молитве, сколько возможно, сохранять ум от суетных помыслов, то найдет потерянное. Особенно же, если никогда ни на кого не огорчается, хотя бы и величайшее зло [65] многократно от него потерпел, и никому не попускает огорчаться на себя, но всею силою старается уврачевать его словом и делом, — тогда особенно наиболее веселится ум, избавляемый от смущения раздражительности. И делается опытным, — чтобы никогда не предаваться нерадению о душе своей, боясь снова быть оставленным, и ради страха пребывает без падений, имея всегда слезы покаяния и плача, доколе не будет возведен в слезы любви и радости, чрез которые придет, благодатию Христовою, в мир помыслов. И это все (происходит)

---

62 Ἡ διάνοια — мыслительная сила.

63 Ουκ εφύλαξε τήν πρόγνωσιν του Θεου.

64 Της συνέσεως.

65 Μέγιστα δεινά.

таким образом. А мы, еще страстные и жестокосердые [66], должны всегда поучаться в словах плача и испытывать себя ежедневно: прежде установленного правила (молитвенного), и среди него, и по окончании. Или работая, будучи еще немощны для праздности о Боге и упразднения от всего, как говорит святой Исаак; или праздные, для одного только этого сидящие, имея очи недремлющие и трезвящуюся мысль, как говорит Лествичник; смотри, какой будет успех твой, чтобы сокрушилась душа твоя и начала проливать слезы, как говорит святой Дорофей.

Все это сказано нами о прежде упомянутом в трех ведениях, для того, чтобы мы удостоились достигнуть прочих ведений, из которых четвертое...

О четвертом ведении

Оно есть понимание [67] снисхождения сладчайшего Спасителя нашего Иисуса Христа и пребывания Его в этом мире. (Размышляя о сем) мы скоро забываем и самую пищу, как говорит Великий Василий; и как мы слышали о блаженном Давиде, что он забывал *снести хлеб* свой (Ср.: Пс. 101, 5), когда мысль его, как говорит Лествичник, восхищалась к чудесам Божиим, в великом восторге и недоумении о воздаянии, по слову небоявленного Василия. Что воздадим мы Господу за все, что Он воздал нам? Ради нас — Бог среди людей. Ради истлевшего естества — *Слово плоть бысть и вселися в ны* (Ин. 1, 14). Благодетель — к неблагодарным. Избавитель — к плененным; к сидящим во тьме — Солнце правды; на кресте — Бесстрастный; во аде — Свет; в смерти — Жизнь; воскресение — ради падших. Воззовем к Нему: Боже наш, слава Тебе! И Иоанн Дамаскин (говорит): ужаснулось о сем небо и удивились концы земли — Бог явился людям телесно и чрево Твое сделалось пространнейшим небес, потому Тебя, Богородица, чины ангелов и людей величают. И еще: устрашился всякий слух неизреченного снисхождения Божиего. Вышний добровольно снизшел даже до плоти и из Девического чрева сделался Человеком, потому Пречистую Богородицу, верные, возвеличим! Приидите, покоритесь мне народы, взойдем на святую, превысшую небес гору, невещественно станем во граде Бога живого и увидим умом невещественное Божество Отца и Духа, во Единородном Сыне блистающее. Ты усладил меня любовию, Христе, и изменил меня Божественным стремлением к Тебе, но попали невещественным огнем грехи мои и удостой насытиться наслаждением в Тебе, чтобы, ликуя, возвеличил я два пришествия Твои, Благий! Весь Ты, Спаситель, сладость, весь

66 Βαρυκάρδιοι, в слав. «тяжкосердии».

67 Κατανόησις, в слав. «уразумение».

желание и любовь, поистине ненасыщаемая, весь — красота неизреченная!

Получивший, чрез телесные и душевные добродетели, познание таковых (ощущений) и тайн, сокровенных в словах святых мужей и Божественных Писаниях, особенно же в Святых Евангелиях, не перестает уже сильно любить Бога и проливать многие слезы, всегда текущие без понуждения. А мы, только слышащие о сем из Писаний, должны всегда упражняться и поучаться, чтобы чрез долгое время впечатлелась в сердце нашем сильная любовь к Богу, как говорит святой Максим, и как делали отцы, прежде получения ими самодействующего познания. Все желание мучеников было простерто к одному только Владыке и, любовию соединяемое с Ним, воспевало Его. И как Дамаскин сказал о трех отроках: за законы отеческие блаженные юноши в Вавилоне, ввиду опасности, презрели безумное повеление властителя и, ввергенные в огонь, которым не опалились, пели песнь, достойную Вседержителя. И справедливо! Ибо когда кто-либо чувством познает чудеса Божии, то весь приходит в восторг, и от уразумения Божественных Писаний, забывает и самую временную жизнь, как говорит святой Исаак. А не так, как мы, которые, может быть, и приходим несколько в умиление от (чтения) Писаний, но по лености, забвению и неразумию снова помрачаемся, и бываем бесчувственны от страстей. Но очистивший себя от них плачем познает таинства, сокровенные во всех Писаниях, и от всех приходит в восторг; особенно же от Святого Евангелия, от дел и слов (в нем изображенных). Как премудрость Божия неудобное сделала удобным и мало-помалу делает человека богом: благим, могущим любить и врагов (См.: Мф. 5, 44); милосердым, как Отец Небесный милосерд (См.: Лк. 6, 36); бесстрастным, как бесстрастен Бог; имеющим всякую добродетель и совершенным, *якоже Отец... совершен есть* (Мф. 5, 48). И просто: священная книга эта научает человека тому, что прилично Богу, дабы сделать и его богом, по сыноположению. И кто не удивится действию Святого Евангелия, что оно, ради одного только произволения, дарует совершенный покой и в настоящем, и в будущем веке, с большою честию, как говорит Господь: *Смиряяй себе вознесется* (Лк. 18, 14). И свидетелем сему Петр, оставивший сети и получивший ключи небес, и другие апостолы, оставившие — каждый то немногое, что имел, и покорившие [68] весь мир в нынешнем веке, а в будущем (получившие блага) *ихже око не виде, и ухо не слыша, и на сердце человеку не взыдоша* (1 Кор. 2, 9). И это совершилось не на одних только апостолах, но и доныне совершается на имеющих произволение, как говорит некто из отцов, что хотя и они и трудились в пустыне, но имели большой покой, разумея под этим жизнь, чуждую смущений и забот.

---

68 Ὑπο χειρας έλαβον — под руки получившие.

Да и кто, кажется, имеет больший покой и честь: тот ли, кто *упраздняется* о Боге и делает свое дело, или тот, кто пребывает в смущениях, судах и житейских заботах? Тот ли, кто всегда беседует с Богом, поучением в Божественных Писаниях, неразвлекаемою молитвою и слезами, или трудящийся и бодрствующий в воровстве и беззаконных делах, не успев в которых, имеет один только труд, а может быть, и двоякую смерть. Вот и смерть переносим мы с большим трудом и бесчестием — без приобретения! А иные и величайший вред многократно терпели ради душевной погибели. Разбойники, говорю, и потопляющие в море, блудники и буйные, которые не захотели спастись с покоем, честию и приобретением. Но — о ослепление! — ради погибели терпим смерть, а ради спасения не любим и жизни. Если же бы и смерть предстояла нам ради Царства Небесного, то (решаясь на нее), что мы делаем более разбойника, гробокопателя или воина, которые ради одного только хлеба часто подвергают себя смерти и в будущем и в настоящем веке? Разве тем только (превосходим их), что намерение наше первое — ради Христа, за что и дается имеющим произволение Царство Небесное. В настоящем веке мысленно, тем, чтобы презирать все (вещественное), иметь его себе рабом и царствовать не только над вещами, но и над собственным телом — презрением его, и над смертию — благим дерзновением веры; а в будущем веке вечно царствовать со Христом, вместе с телом, благодатию общего воскресения. Смерть равно постигает и грешника и праведника, но различие между ними большое. Как смертные, оба они умирают, и неудивительно, но один — без награды и, может быть, осужденный, а другой — блажен и в нынешнем и в будущем веке.

Да и великое ли дело — оставить имения, которые и невольно оставляет думающий, что имеет их, не только во время смерти, но часто и прежде ее, с большим стыдом, трудом и прискорбием. Может быть, и смерть потерпели некоторые из-за имений, после бесчисленных искушений богатства, боязни, говорю, забот, всегдашней печали и смущения, добровольных и невольных. Божия [69] же заповедь избавляет человека от всего этого и подает ему всякое спокойствие и безбоязненность, а часто и веселие невыразимое, особенно же тем, которые добровольно предпочитают нестяжание. Что может быть приятнее для человека, как сделаться бесстрастным, вовсе не подверженным раздражительности или какому-либо желанию мирских вещей, но — для многих желаемое считать за ничто и, будучи превыше всего, жить как в раю, или, скорее, на небе, превыше всякой нужды, по беспопечительности и *упразднению о Боге*. Ибо когда кто-либо переносит все постигающее его с радостию, то, что бы ни случилось с ним, все его успокоивает. И когда он любит всех, то и все любят его; и когда презирает все — бывает превыше всего,

---

69 Ἡ ἁγία εντολή — святая заповедь. В слав. «Божия».

не желая иметь того, о чем другой ссорится и печалится, если не достигнет, а иногда, и получив желаемое, бывает осужден. Не желающий же ничего сам себя, чрез заповедь, освобождает от всего тяжкого в нынешнем и в будущем веке. Поелику не желать иметь что-либо, чего не имеешь, — выше всякого покоя и богатства; точно так же, как и желать того, чего не имеешь, есть величайшее мучение, прежде вечной муки, и таковой есть раб, хотя бы он и считал себя царем и богатым. О какой же тягости говорят нам заповеди Господни, что мы — жалкие, не исполняем их бескорыстно и с большим усердием?

Кто успел познать отчасти благодать Святого Евангелия и предложенное нам в нем, — деяния, говорю, и учения Господни, заповеди Его и догматы, угрозы и обетования, — тот знает, какое он нашел неоскудевающее сокровище, хотя и не может объяснить этого как должно, ибо небесное неизреченно. Христос сокровен в Евангелии, и желающий найти Его должен продать прежде все свое имение и купить Евангелие, чтобы не только найти Его, может быть, чтением, но и принять в себя подражанием Его жизни в мире. Ибо ищущему Христа, говорит святой Максим, должно искать Его не вне, но внутри себя, то есть быть, по телу и по душе, как Христос, — безгрешным, по возможности человека, и всею силою хранить свидетельство совести, чтобы воцариться вполне над собственною волею и победить ее презрением, хотя бы в мире сем он был и беден и безроден. Ибо какая польза тому, кто считает себя царем, если он в этой жизни бывает терзаем раздражительностию и вожделением, а в будущей найдет вечное мучение, если не захочет исполнить заповеди Божии. Но, о безумие! Как мы не хотим за малое и временное получить великие и вечные блага, но благое отвергаем, а противного желаем. Что менее чаши холодной воды, или подания куска хлеба, или удержания своего хотения и малого своего разумения, за которые ожидает нас Царство Небесное, благодатию Сказавшего: *Се бо, Царствие Божие внутрь вас есть* (Лк. 17, 21). Недалеко отстоит оно, говорит Дамаскин, и находится не вне нас, но внутри. Только пожелай победить страсти, и вот, ты уже имеешь его в себе богоугодною жизнию. Если же не желаешь — не имеешь ничего, ибо Царством Божиим, говорят отцы, называется богоугодная жизнь, и первое пришествие Господне, и второе. О втором уже написано нами в словах плача, первое же познавший, по благодати, в чувстве души, с великим изумлением должен говорить:

«Велик Ты, Господи, и чудны дела Твои, и никакое слово недостаточно к воспеванию чудес Твоих! Вот, сладчайший мой Владыка, раб Твой стоит пред Тобою безгласен и празден. Ожидаю от Тебя просвещения познания, ибо Ты, Господи, сказал: *Без Мене не можете творити ничесоже* (Ин. 15, 5). Ты и научи меня о Тебе. Для сего и осмелился я сесть при пречистых ногах Твоих, как (некогда) сестра друга Твоего Лазаря, чтобы услышать мысленно что-либо, хотя и не о Божестве Твоем

непостижимом, но о телесном пребывании в мире, дабы получить и мне хотя малое ощущение того, что изображено в Святом Евангелии благодати Твоей. Как пребывал ты с нами *кроток и смирен сердцем* (Мф. 11, 29), как изрекли пресвятые уста Твои, чтобы и нам научиться сему от Тебя. И в какой бедности (жил) Ты, богатый милостию! В произвольном труде и жажде, — воду живую Подавший самарянке, как сказал Ты, Господи: Жаждаяй *да* грядет *ко Мне и* да *пиет* (Ср.: Ин. 7, 37), ибо Ты — источник исцелений. И кто может воспеть Твое пребывание в мире? Но поелику Ты сподобил меня — землю, прах и пепел, преступника, самоубийцу, много Тебе согрешившего и всегда согрешающего, совершенно уразуметь нечто из Твоих деяний и слов, то и осмелился я вопросить Тебя о них, верою как бы видя Тебя, невидимого всему творению. Прости мне дерзновение мое! Ты знаешь, Сердцеведец Господи, что я не из любопытства вопрошаю, но желаю научиться, веруя, что если удостоюсь получить от Тебя познание, как и любящие Тебя, то Ты подашь мне, Человеколюбец, и делание по силе моей, чтобы подражал я Твоему пребыванию в теле, ради которого и назван я, по благодати, христианином. Хотя и никто не может, подобно ученикам Твоим, терпеть смерть за врагов и приобрести Твою и их нищету и добродетель, но отчасти (может) каждый из нас, по своему произволению. Если бы кто-либо и ежедневно [70] умирал за Тебя, то и так не освободился бы от своего долга. Ибо Ты, Господи, Бог совершенный и Человек совершенный, безгрешно пожил в мире сем и за всех все претерпел, а мы, если и терпим, может быть, что-либо, за себя и за свои грехи страдаем. Кто не изумится, рассматривая неизреченное Твое снисхождение? Как Ты, Бог непостижимый и всесильный, всесодержащий, седящий на херувимах, называемых полнейшею [71] премудростию, ради нас, много Тебя прогневляющих от начала и издревле [72], смирил Себя, так что воспринял рождение и воспитание, гонение и метание камней, насмешки, поругания, заушения, биения, стыд и оплевания. Потом крест, гвозди, губу, трость, оцет и желчь, — о чем недостоин я и слышать. К тому же пронзили копием и нетленное ребро Твое, из которого источил Ты нам вечную жизнь — честную кровь Твою и воду. Воспеваю Твое рождество и Родившую Тебя, Которую сохранил Ты Девою и по рождестве, как прежде рождества. Поклоняюсь Тебе в вертепе и в яслях, повитому пеленами. Прославляю Тебя, удаляющегося в Египет с Пречистою Девою Материю Твоею и жившего в Назарете, повиновавшегося родителям по плоти: мнимому отцу Иосифу и истинной Матери. Воспеваю Тебя, Господи, крестившегося от Иоанна в Иордане, и свидетельствовавшего о Тебе

---

70 Καθ ἑκάστην, в слав. «всякий час».

71 Πληθυνομένην, в слав. «обильная».

72 Ἄνωθεν, в слав. «свыше».

Отца, и явившего Тебя Святого Духа, и крещение Твое, и Крестителя Иоанна, пророка и раба Твоего. Прославляю Тебя, постившегося ради нас, добровольно искушенного и победившего врага, в теле, которое Ты принял от нас и даровал нам победу над врагом, неизреченною Твоею премудростию. (Прославляю Тебя), пребывавшего с учениками Твоими, очистившего прокаженных, исцелявшего хромых, и слепым даровавшего свет, глухим и немым подавшего дар слова и слышание; благословляющего хлебы и ходящего по морю, как по суху; учащего народ о деяниях и видениях; возвещающего об Отце и Святом Духе и предсказавшего о будущих угрозах и обетованиях и о всем, служащем к нашему спасению. Врага же предупреждающего [73] и совершенно исторгающего страсти — всепремудрым учением. Простых умудряющего и коварных делающего немудрыми бесконечною Твоею премудростию; мертвых воскрешающего неизреченным Твоим могуществом, и со властию изгоняющего демонов, как Бога всяческих. И не только Сам Ты совершал это, но и рабам Своим дал власть делать еще большее, чтобы мы более удивлялись, как сказал Ты, Господи. Велико имя Твое, ибо ради Тебя совершают все знамения [74] и святые Твои.

Владыко, Господи Иисусе Христе, Сын и Слово Божие, сладчайшее имя спасения нашего. Велика слава Твоя! Велики дела Твои, чудны слова Твои и сладчайшие паче меда и сота. Слава Тебе, Господи! Слава Тебе! И кто может воспеть и прославить Твое снисхождение, Твою благость, силу, премудрость, пребывание в мире и учение? И как естественно и с удобством святые Твои заповеди учат добродетельной жизни, по сказанному Тобою, Господи: *Оставите и оставится вам* (Ср.: Лк. 6, 37). И еще: *ищите, и обрящете; толцыте, и отверзется вам;* и: *елика… хощете, да творят вам человецы, и вы творите им такожде* (Ср.: Мф. 7, 7–8, 12). И кто, получивший ощущение Твоих заповедей и прочих изречений, не удивится, размышляя о беспредельной Твоей премудрости, Премудрость Божия! Жизнь всяческих, Радость ангелов, неизреченный Свет, Воскресение мертвых, Пастырь добрый, положивший душу за овец Своих. Воспеваю Твое преображение, распятие, погребение и воскресение, вознесение и седение одесную Бога Отца, сошествие Святого Духа и второе пришествие Твое с великою и непостижимою силою и славою. Изнемогаю, Господи мой, пред чудесами Твоими и в недоумении хочу прибегнуть к молчанию. Но не знаю, что мне делать. Если умалчиваю — прихожу в ужас; если же осмелюсь сказать что-либо — недоумею и изумляюсь. Считаю себя недостойным неба и земли и достойным всякого мучения: не за то одно, в чем согрешил, но гораздо бо-

---

73 Προκαταλαμβάνοντα — предугадывающего, опережающего (его замыслы, действия).

74 Τά τεράστια, в слав. «чудеса».

лее за то, чем был облагодетельствован, — неблагодарный и жалкий. Преблагий Господи! Ты наполнил душу мою всеми благами; лишь отчасти познал я дела Твои, и мысль моя пришла в изумление. Я сам исчезаю совершенно и вижу только Твое, Владыко! Но не мое это ведение, не мое делание, а Твоя благодать! Потому и полагаю руку на уста мои, как некогда Иов, и от недоумения, прибегаю, бедный, ко святым.

Благая Владычица мира! Ты знаешь, что мы, грешные, не имеем дерзновения пред Богом, рожденным Тобою, но, в уповании на Тебя, рабы Твои, повергаемся пред Владыкою, ибо Ты имеешь дерзновение к Нему как Сыну Твоему и Богу нашему. Сему и я, недостойный, верую, и умоляю Тебя, Владычица, да подастся мне чувство дарований Твоих и прочих святых. Как вы явили [75] такие добродетели? О Тебе же то одно, что Ты родила Сына Божия, свидетельствует, что Ты превыше всего существующего, ибо Он, ведающий все прежде бытия как Творец всяческих, нашел в Тебе место, достойное Своего вселения. И никто не может вопрошать о том, что касается Тебя, ибо это превыше естества, превыше ума и мысли. Поистине Богородицею исповедуем Тебя, спасенные Тобою, чистая Дева, и величаем Тебя, вместе с ликами бесплотных. Ибо человекам невозможно видеть Бога, на Которого и чины ангельские не смеют взирать, но чрез Тебя, Всечистая, явилось людям воплощенное Слово, величая Которое, вместе с небесными воинствами, Тебя ублажаем. И как назовем Тебя, Благодатная? Небом, ибо Ты воссияла Солнце правды… и прочее. Богородица! Ты истинная лоза, возрастившая нам Плод жизни. Тебе молимся: молись, Владычица, со святыми апостолами и всеми святыми о помиловании душ наших, православно Богородицею Тебя исповедующих и ублажающих Тебя, приснoблаженную, как предрекла Ты, Владычица. Ибо все роды ублажаем Тебя, единую Богородицу, честнейшую херувимов и славнейшую без сравнения серафимов… Но — не в силах я уразуметь касающегося до Тебя; скажу с удивлением о том, что касается прочих святых. Как пребывал ты в пустыне, Креститель и Предтеча Господень? И как назовем тебя? Пророком или ангелом, апостолом или мучеником? Ангелом, ибо ты жил, как бесплотный. Апостолом, ибо ты уловил народы. Мучеником, ибо глава твоя отсечена за Христа; молись Ему о спасении наших душ. Соломон говорит: *память* праведнаго *с похвалами* (Ср.: Притч. 10, 7), тебе же, Предтеча, достаточно свидетельства Господня, ибо ты поистине показался честнейшим пророков… и прочее. Святые апостолы и ученики Спасителя! Вы, бывшие самовидцами тайн, проповедали о Невидимом и Неимеющем начала, говоря: *в начале бе Слово* (Ин. 1, 1). Вы не были созданы прежде ангелов, и не от человеков научились, но от горней Премудрости, и потому, имея дерзновение, молитесь о душах наших — умоляем вас! Удив-

---

75 Απεδειξ ασθε.

ляюсь я вашей любви к Богу, как сказано в древних тропарях: „Господи, апостолы, чисто возлюбившие Тебя, на земле все почитали сором, чтобы Тебя единого приобрести, и за Тебя предали тела свои на раны, потому они и прославлены и молятся о душах наших“. И как вы, (святые апостолы), бывши такими же, как мы, людьми, и нося бренное тело, такие явили добродетели, что и за убивавших вас терпели смерть. Как вы, малые числом, (превозмогли весь мир и, люди простые, неученые, победили царей и вельмож) [76] и сделали это — безоружные и обнаженные (от всего) и чрез то (победили) невидимых демонов, будучи бедны и подвержены телесной немощи. Какая была это сила, или, скорее, вера, чрез которую вы получили силу Святого Духа? Вы и святые мученики, доблественно пострадавшие и увенчанные, молитесь Господу о помиловании наших душ. Апостолы, мученики и пророки, святители, преподобные… и прочие. Кто не изумится, святые мученики, видя добрый подвиг, которым вы подвизались? Как вы, будучи в теле, победили бесплотного врага, исповедуя Христа и вооружившись крестом; потому вы и явились достойно — прогонителями демонов и поборающими противников [77], молитесь непрестанно о спасении душ наших. Как и прежде вас бывшие три отрока совершили подвиг не в ожидании награды, а из любви к Богу, как сами они сказали: „Если и не избавит нас Бог, и тогда не отвергнемся Его, как не избавляющего“. Удивляюсь я крайнему смирению вашему, святые три отрока, как вы, будучи среди огня, говорили, что недоумеете [78] благодарить Бога, и — *несть во время сие князя и пророка и* вождя и прочее, *но душею сокрушенною и духом смиренным да прияти будем* (Дан. 3, 38, 39). Удивляюсь силе Божией, проявившейся на вас и на пророке Илии, как говорит Дамаскин: из пламени источил Ты, Христе, преподобным росу и жертву праведного попалил водою, ибо все творишь Ты, чего только восхощешь. Но что рассмотрю я прежде? Книгу [79] ли Святого Евангелия или Деяния святых апостолов, страдания святых мучеников или подвиги святых отцов, древних или новых, святых мужей и жен? Жизнь всех их и слова или толкования их и рассуждения? Недоумеваю и прихожу в изумление.

Но молю Тебя, Человеколюбец Господи, не попусти, чтобы, за недостоинство мое и неблагодарный нрав мой, было мне на осуждение уразумение таковых тайн, которые Ты открыл святым Твоим, а чрез них, и мне, грешному и недостойному рабу Твоему. Ибо вот, Владыко, раб Твой пред Тобою празден от всего и безгласен, подобно мертвецу, не осмеливается иное что-либо сказать или бесстыдно рассматривать

---

76 Слов, заключенных в скобках, нет в славянском переводе.

77 Βαρβάρων πολέμιοι.

78 Слав. «недоумети» — не знать, не уметь; не быть способным или искусным.

79 Τήν πραγματείαν, в слав. «писание».

(умом), но, по обычаю, повергается пред Тобою, из глубины души взывая и говоря: „Владыко многомилостивый“», и прочие слова сей молитвы. Другою же молитвою и чтением псалмов должно прилежно заниматься, при хранении нравов души и тела, чтобы прийти в навык Божественных помышлений и с глубоким чувством уразуметь все заключающиеся в Божественных Писаниях тайны и изумительные дела и, удивляясь дарам Божиим, достигнуть любви к единому Богу и готовности с радостию пострадать за Него, как и все святые, ибо Божественные Писания преисполнены изумительного, как говорит Соломон.

Вместе с прочими чудесами удивляюсь я и силе манны Божией, что она не сохранялась в том же виде до другого дня, но портилась и делалась полною червей (См.: Исх. 16, 20), чтобы неверующие не заботились о завтрашнем дне, но в стамне, находившейся в Скинии, манна всегда сохранялась невредимою. И опять, когда она пеклась на огне, не сгорала, а от малого луча солнечного таяла, чтобы ненасытные не собирали более необходимого нужного. О чудо! Как Бог повсюду совершает спасение людей, по сказанному Господом о промысле Божием: *Отец Мой доселе делает, и Аз делаю* (Ин. 5, 17). Кто упражняется в этом о Боге, тот и научается чувственно — из Божественных Писаний, и мысленно — промыслом Божиим. Он начинает видеть вещи по естеству, как говорят Григорий Нисский и Дамаскин, и уже не бывает окрадываем внешнею красотою вещей мира сего: добротою, богатством, проходящею славою и подобными и не обольщается более тенью, на них лежащею, как обольщаются еще страстные.

О пятом познании

По причине сего пятого знания, называемого, по слову пророка, *советом* (Ср.: Ис. 11, 2), человек познает, как сказано было в конце (слова) о блаженствах, естество и изменяемость чувственных творений, что они из земли и снова возвращаются в землю, по изречению Екклесиаста: *суета суетствий* и *всяческая суета* (Еккл. 1, 2). И Дамаскин также: суета все человеческое, что не пребывает по смерти. Не пребывает богатство; не сопутствует слава; с приходом смерти это все истребляется. И еще: поистине суета все, а жизнь только тень и сон, ибо напрасно смущается всякий земнородный, как говорит Писание, когда мир приобретем, тогда вселимся в гроб, где — вместе — и цари и нищие!

О шестом познании

Когда (подвизающийся) придет в навык беспристрастия, тогда даруется ему шестое познание, называемое *крепостию* (Ср.: Пс. 28, 11; Ис. 11, 2), и начинает он бесстрастно видеть доброту чувственных тва-

рей. Ибо все помыслы бывают трех устроений: человеческий, демонский и ангельский. Человеческий помысл бывает, когда взойдет на сердце простая мысль о каком-либо создании, например, (вспомнится) человек, золото или что-либо иное из чувственных творений. Демонский же помысл бывает сложный — из мысли и страсти. При (мысли о) человеке побуждает или к неразумной дружбе, то есть любви к другу, не ради Бога бывающей, или к плотскому греху, или опять к безрассудной ненависти, то есть злопамятности или порицанию кого-либо. При (мысли о) золоте, подобным же образом, побуждает к сребролюбию, или к похищению, грабежу, или к чему-либо такому, или к ненависти и хуле на дела Божии, чтобы тем или другим привести к погибели. Но если мы любим вещи не в должной мере и предпочитаем любовь к ним любви к Богу, то ничем не отличаемся от идолослужителей, говорит святой Максим. И опять, если ненавидим их, как не весьма хорошие (См.: Быт. 1, 31), прогневляем Бога. Ангельский же помысл есть бесстрастное видение вещей, то есть истинное знание — средина между обеими стремнинами, охраняющее ум и отделяющее правое намерение от окружающих его шести сетей диавольских. (Шести) говорю, то есть превышения и унижения, от (уклонения) в правую сторону и в левую, от (уклонения) вовнутрь или вне правого намерения. Так, истинное знание есть как бы средоточие, находящееся среди упомянутых шести сетей, которому ангелы научают земнородных, умертвивших себя миру, дабы ум их был бесстрастен и видел вещи должным образом. Не превышал правого намерения возношением, полагая, что понимает что-либо собственною мудростию, но и не унижался неразумием, как бы не могущий достигнуть совершенства; не уклонялся в правую сторону отвращением от вещей и ненавистию, и в левую — неразумною привязанностию, то есть пристрастием; не остался бы внутри правого намерения совершенным неведением и леностию и не (вышел бы) вне его многоиспытанием и неразумным старанием от пренебрежения и лукавства. Но с терпением, и смиренномудрием, и благою надеждою да заимствует ведение от твердой веры. Дабы тем, что он отчасти уразумел, восходить к любви Божией и чрез разумное неведение, по недоумению, приобретать смиренномудрие, и постоянною надеждою и верою достигнуть цели искомого дела. (Такой человек) ни к чему отнюдь не питает ненависти, как бы к худому, но и напротив, не любит неразумно, а рассматривает человека и удивляется, как ум (его) есть беспредельный образ невидимого Бога, хотя ограничивается телом, как говорит Великий Василий, и как достигает он крайних пределов того, что имеет образ, как Бог, промышляющий о мире, ибо ум преобразуется и начертывается по виду воспринимаемого им предмета, когда же сподобится быть в Боге, превысшем образа и вида, тогда и сам бывает необразен и безвиден.

Потом удивляется, как всякую мысль ум может сохранить, и позднейшие помышления не могут изменить первых, и, опять, первые мысли отнюдь не вредят позднейшим, но мыслительная сила, как сокровищница, все содержит в себе незабвенным; и ум, когда пожелает, языком выражает помышляемое, не только новое, но и задолго перед тем приобретенное. И как, опять, слова всегда выходят, а ум остается неоскудевающим. И еще: рассматривая тело, удивляется, как глаза, уши и язык извне получают пользование, по желанию души, одни светом, другие воздухом, и никакое чувство не мешает другому, и ничего не может сделать помимо намерения души. И как бездушное тело, повелением Божиим, соединилось с умною и словесною душою, которая, как говорит Дамаскин, создана Святым Духом, чрез вдуновение; хотя некоторые и не знают этого, полагая, что душа — от пресущественного Божества, что невозможно. Златоуст говорит: для того, чтобы ум человеческий не возомнил о себе, что он есть Бог, Бог вложил в него забвение и неведение, дабы ум, чрез это, приобрел смирение. И еще: Создатель восхотел естественное смешение это сделать способным к разделению; и разумная душа, как говорит Лествичник, отходит или горе, то есть на небо, или — увы! — долу, то есть в ад, а земное тело возвращается в землю, из которой оно взято. И опять: благодатию Спасителя нашего Иисуса Христа, разделенное, во Втором пришествии Его соединится, чтобы каждый из нас получил по делам своим. О чудо! Кто, хотя мало ощутив сию тайну, не ужаснется? (Господь) опять воздвигает из земли человека, после столького зла, им сделанного, и презрения Его заповеди, и дарует ему бессмертие, которое имел он прежде, но не сохранил тогда заповедь, сохранявшую его от смерти и тления, возгордился и навлек на себя смерть.

Удивляясь всему этому в человеке и многому другому, учимый мысленно действием ангелов, человек приходит в ужас. И опять, видя красоту золота и его употребление, удивляется, как из земли произошло такое (вещество) ради нас, чтобы немощные (душою) раздавали имение в милостыню, а не пожелавшие сего, чрез искушения, невольно получали помощь ко спасению, если с благодарением переносят постигающее их: и спасаются и те и другие. Предпочитающие же нестяжание получат венцы, как совершающие вышеестественное, так же, как и подвизающиеся в девстве, и тленную и земную вещь не предпочитающие заповеди Божией, но (взирающие на нее) как на творение Божие, потребное для жизни тела и спасения, достойную не ненависти, а воздержания и любви. И просто: доброту всякой вещи и употребление ее беспристрастно видит просвещаемый и любит Творца. Рассматривая же все, подлежащее чувствам, вышние и нижние создания, небо, говорю, солнце, луну, звезды, облака, тучи, дожди, снег, град, и как, при такой теплоте, замерзает вода (в граде), после того — гром, молнию, ветры, воздух, перемену их, времена, годы, дни, ночи, часы, мгновения, землю, море, бес-

численное множество скотов, четвероногих животных, зверей и пресмыкающихся, многие роды птиц, источники и реки, бесчисленные роды растений и трав, садовых и диких, видит во всех порядок, устройство, величие, доброту, число, соединение, согласие, употребление, сходство, многоразличие, красоту, положение, движение, цвет, образы, виды, возвращение опять в то же, пребывание в тлении; и просто: приводя себе на ум все чувственные создания, ужасается, удивляясь Создателю; как Он одним повелением вывел из небытия четыре стихии [80]: землю, воду, огонь и воздух, и как они, противные одна другой, по премудрости Божией, не вредят друг другу, и как Он из них все сотворил ради нас, и как это мало в сравнении со снисхождением Христовым, по Богослову, и будущими благами. Рассматривая же сокровенную в творениях благость Божию и премудрость, силу Его и промысл, как Сам Он сказал (Иову об искусствах; См.:Иов. 38), потом — заключающуюся в словах и письменах: как чрез эти малые и бездушные чернила такие и столькие тайны открыл Он нам Божественными Писаниями. Удивительно и то, что святые пророки и апостолы со многим трудом и любовию к Богу достигли таковых благ, а мы научаемся от одного чтения, ибо Писания, как одаренные словом, поведают нам чудесное. И знающий это верует, что в творении нет ничего излишнего или худого; но и то, что бывает вне воли Божией, Бог чудесно претворяет в доброе. Так, падение диавола не было (делом) воли Божией, но и это обратилось в пользу спасаемых. Ибо Бог попускает ему, как говорит святой Исаак, искушать имеющих произволение, по силе каждого, чтобы диавол был постыжден равноангельными людьми и побежден, при содействии Божием, не только мужами, но и премногими женами, чрез терпение и веру в Подвигоположника, от Которого получают они и венцы нетления, по Его благодати и человеколюбию, ибо Он есть победивший и побеждающий бесстыдного змия и человекоубийцу. Получивший дарование духовного ведения знает, что *вся… добра зело* (Быт. 1, 31); иной же, имеющий только начало боговедения, должен со смирением знать, что он (еще) не знает, говоря о всяком деле «не знаю», как говорит Златоуст. Ибо он сказал: если кто скажет о высоте небес, что она такая-то, а я ответил бы — «не знаю», то я всячески сказал бы истину, хотя он и обольщается, думая, что знает то, чего он не знает как должно, по слову апостола (См.: 1 Кор. 8, 2). Потому мы и должны с твердою верою и вопрошением опытных принимать догматы Церкви и рассуждения учителей о Божественном Писании и о чувственных и мысленных созданиях, чтобы, утверждаясь на собственном разуме, не пасть нам скоро, как говорит святой Дорофей. Но во всем надобно нам находить свое неведение, чтобы таким образом (человек),

---

80 Названия стихий нет в греческой книге, они заимствованы из славянского перевода.

ища и не доверяя своим помышлениям, возжелал научиться и, недоумевая, при многом знании, познал свое неведение, (неизмеримо далекое) от бесконечной премудрости Божией. Ум духовный всячески получает и духовное чувство [81], когда очистит себя Богу, как говорит Богослов. Однако при ведении мы должны иметь и большой страх, как бы не нашлось и одного лукавого мнения [82], сокрытого в душе, которое может погубить ее без другого греха, как говорит Великий Василий. Потому и не должны мы, по лености или тщеславному усердию, стремиться к этому ведению прежде времени, но по порядку исполнять заповеди Христовы и прежде упомянутые ведения не колеблясь [83]. Когда терпением и многими слезами страха и плача омоем душу свою и достигнем того, чтобы видеть (все) по естеству, и получим в этом навык, тогда и в это ведение ум придет самодвижно, мысленно наставляемый ангелами. Если же кто-либо будет так дерзок, что прежде первого захочет войти во второе, то пусть он знает, что не только не достигнет цели угождения Богу, но и воздвигнет на себя многие брани, особенно же от ведения о человеке, как мы слышали о Адаме. Страстным вовсе не полезно совершать дела или иметь помышления, свойственные бесстрастным, как и младенцам нимало не полезна твердая пища, весьма полезная совершеннолетним. С рассудительностию [84] надобно желать и уклоняться по (своему) недостоинству: по отчаянию и лености не отвращаться благодати, когда она придет, но и по дерзости не искать чего-либо прежде времени; чтобы, ища преждевременно, как говорит Лествичник, того, что приходит в свое время, не лишиться сего и в должное время [85]. Притом, может быть, обольстившись, и не получим исправления от какого-либо человека или Писания. Если же кто-либо имеет намерение по Богу и, со смирением и терпением постигающих его искушений, ищет вещи по недоумению, и может быть, обольстится в этом, то Бог пошлет ему вразумление [86], и тогда с большим стыдом и радостию обращается он назад, ища пути отцов. Ибо совершаемое ради Бога, а не ради чего-либо иного, говорит Лествичник, вменяется нам во благое, от благодати, хотя бы и не совсем было благо [87]. Если же не так, и (человек) не имеет терпения и многого смирения, то пострадает, как уже и пострадали многие, и погибли чрез свое безумие, доверяя своим разумениям, и думая,

---

81 Лествица. Слово 26, § 22.

82 Ἑν δογμα, в слав. «един догмат».

83 Ἀ μετεωρίστος, в слав. «без возношения».

84 Μετα διακρίσεως, в слав. «рассуждением».

85 Лествица. Слово 26, § 87.

86 Λύσιν — разрешение.

87 Лествица. Слово 26, § 118.

что хорошо идут, не имея наставника или опытности, происходящей от терпения и смирения. Ибо опытность не имеет скорби, ни искушения, а может быть — и брани. Если же и попущено будет несколько побороться, то это искушение делается для опытного причиною многой радости и пользы, ибо оно попускается Богом для научения (большей) опытности и получения мужества против врагов. Признаками сего суть: слезы и сокрушение души пред Богом и то, чтобы прибегать к безмолвию и к Богу с терпением, с трудом испытывать писания и с верою желать (достигнуть) цели [88] Божией. Признаком же первого есть: сомнение в помощи Божией, стыд спрашивать со смирением, удаление от безмолвия и чтения, любовь к попечениям и беседам, с мыслию в них найти покой, что невозможно. (Напротив), в такое время еще более укореняются страсти, усиливаются искушения и умножаются малодушие, неблагодарность и беспечность от многого неразумия. Потому что иные суть искушения сынов, к их вразумлению и обучению встретившемуся предмету учения, и иные — врагов, к погибели, особенно же когда кто-либо осмеян [89] гордостию, ибо Бог *гордым противится, смиренным же дает благодать* (Притч. 3, 34).

Всякая скорбь, соединенная с терпением, хороша и полезна, а без терпения есть отвращение Божие и бесполезна, если только кто-либо не уврачует ее смиренномудрием, ибо другого врачевства не существует. Смиренномудрый, когда бывает оскорблен, порицает и обвиняет себя самого, а не другого кого-либо, и потому терпит, ища освобождения [90] от Бога, и получив его, радуется, и терпит с благодарением, и приобретя в этом опытность, получает познание. Познавая свою немощь и неведение, с трудом ищет врача и *ищай обретает* исцеление, как сказал Сам Христос (Мф. 7, 8); и получив его — любит, любя же, бывает более любим и, очищая себя, по возможности, подвизается — приготовить место Любимому. И Сей, найдя место, обитает, как сказано в «Старчестве», и, обитая, сохраняет дом Свой, и он начинает просвещаться. Просвещаемый же познает, и, познавая, бывает и сам познаваем, как говорит Дамаскин. И так эти (делания) и прежде упомянутые должен каждый сохранять по порядку, и, что успеет понять, то должен исполнять на деле, а чего не успеет постигнуть, — должен благодарить с молчанием, как говорит святой Исаак, чтобы не подумал войти бесстыдно (в ведения). Ибо тот же святой, заимствовав слова от Сираха, говорит: егда обрящеши *мед, яждь умеренно, да не како пресыщен изблюеши* (Ср.: Притч. 25, 16). И, как говорит Богослов, ведение необузданное, может быть, увлечет и в стремнины, то есть то, чтобы искать превышающего меру, и не

---

88 Τόν τοῦ Θεοῦ σκοπόν, в слав. «намерения Божия».

89 'Εμπαίζηται, в слав. «поругаем бывает».

90 Τήν λύσιν — разрешения.

хотеть сказать: «Бог знает это, а я кто такой?», и — веровать тому, что Сотворивший горы и великих китов утончил и жало пчелы, как говорит Великий Василий. Достигший от *крепости — разума* (Ср.: Ис. 11, 2), от чувственного познает мысленное, и от временного и видимого — невидимое и вечное. И познает, по благодати, о горних силах, и то, что весь мир недостоин и одного праведника. Обрати внимание, говорит Златоуст, стольких племен и народов один праведник — больший. Ангел же всячески больший человека, и одно видение его приводит в полнейший ужас [91]. И опять, что испытал равноангельный Даниил, увидев ангела (См.: Дан. 8, 17).

О седьмом познании

Сподобившийся седьмого познания удивляется множеству бесплотных сил, властей, престолов, господств, серафимов и херувимов — девяти чинов, которые находим во всех Божественных Писаниях. (Удивляется) их естеству, крепости и прочим благам, в них видимым, и Богу, Творцу их, ведомым. И — как они в порядке предстоят (Ему). Но и различные достоинства имеют горние воинства, о которых Златоуст говорит, что Господь Саваоф значит Господь воинств, сил, и как они друг другу преподают просвещение. Ангелы, говорит, просвещают нас, людей, а сами получают просвещение от архангелов, те — от начал, и так каждый чин от другого получает просвещение и познание. И опять, как человеческий род составляет, говорят, одну овцу, которую не Бог потерял, но она сама себя потеряла, ангелы же — девяносто девять. И рассматривает премудрость Творца и силу, как такие множества Он сотворил единым повелением. Во-первых, говорит Богослов, созерцает ангельские силы и прочее, и войдя мысленно внутрь храма, то есть за завесу, бывает невеществен, как говорит святой Исаак. Внешний храм прообразовал мир сей, завеса же, то есть дверь дома, — твердь небесную, а Святая Святых — превысшее мира, где бестелесные и невещественные непрестанно воспевают Бога и молятся Ему о нас, по словам Великого Афанасия. И так приходит (подвизающийся) в мир помыслов и делается сыном Божиим, по благодати, познавая тайны, сокрытые в Божественных Писаниях, как говорит Дамаскин. Раздралась завеса Божественного храма, в кресте Создателя, являя истину, сокрытую в Писании, верным, восклицающим: благословен Бог отцов наших! И, как говорит святой Косьма песнописец, первый человек, вкусив от древа, подвергся тлению и, быв осужден на бесславное лишение жизни, нося в теле своем как бы некую язву, сообщил сию болезнь всему роду, но мы, земнородные, обретши избавление чрез древо креста, будем восклицать: „Благословен Ты, препрославленный отцов и наш Боже“» (См.: Быт. 3, 19; Рим. 5, 12).

---

91 Ἔκκληξιν — изумление, ужас.

О восьмом познании

От сего седьмого познания возводится (подвизающийся) в ведение о Боге, второю и чистою молитвою, приличною перешедшему к ведению, так что в самом устремлении молитвы ум его восхищается Божественною любовию и ничего уже отнюдь не знает из этого мира, как говорят Максим и Дамаскин. И не только все забывает ум, но и самого себя, ибо святой Нил говорит, что если ум сознает себя, то он не в одном только Боге, но и в себе самом. Тогда, говорит святой Максим, получает он свет [92] о Боге и бывает богословом, сподобившись пришествия Святого Духа. Слыша же о Боге, да не подумает кто-либо, по своему неведению, что Сам Бог есть то, что мы в Нем созерцаем, как то: благость, благодать, праведность, освящение, свет, огонь, существо, естество, силу, премудрость и подобное, говорит Великий Дионисий. Но и не то, что ум может определить, ибо Божество беспредельно и неописанно, и не о том, что в Нем богословствуется, но о Нем, как говорит Великий Дионисий к святому Тимофею, приводя свидетельство святого Иерофея. Справедливее же сказать: непостижим, неисследим, неиспытуем и невозможен для определения, как превысший ума и мысли и Себе единому ведомый, Единый Бог Триипостасный, безначальный, бесконечный, преблагий, препетый. И говоримое о Нем из Божественного Писания говорится с недоумением, дабы мы знали, что *есть* Бог, а не *что* есть Бог, ибо Он непостижим всему словесному и духовному естеству. Подобно сему и воплощению Сына Божия и соединению по Ипостаси, как говорит святой Кирилл, должно удивляться — и как с Божеством Его соединилась [93] плоть, по словам Великого Василия, которую Он принял от нас. Поелику как железо соединяется с огнем, — таково и сие соединение, чтобы мы знали единого Христа, в двух естествах; как говорит Дамаскин к Богородице: «Единую Ипостась, но в двух естествах, родила Ты Бога воплощенного, Которому все поем: Благословен Ты, о Боже!». И опять: «Беспредельный пребыл неизменным, соединившись с плотию по Ипостаси, как благоутробный, в Тебе, Пресвятая, Един благословенный!»

О том, что в Божественных Писаниях нет разногласия

И просто: вникая во всякое чтение и псалмопение, несколько просвещенный (благодатию) везде находит ведение и богословие, каждое Писание, — подтверждаемое другим. А у кого ум еще не просвещен, тот думает, что Божественные Писания разногласны между собою; однако

---

92 Εμφάσεις — отражение (как в зеркале).

93 Ὑποστᾶσα, в слав. «состоит».

нет сего в Божественных Писаниях. Никак. Но некоторые из Божественных Писаний свидетельствуются другими Писаниями, а некоторые имели поводом время или лицо, и потому всякое изречение Писания непогрешительно. Иной же образ (понимания) есть дело нашего неведения. И никто не должен порицать Писания, но всею силою соблюдать их в том виде, как они находятся, а не по своему хотению, как делали эллины и иудеи. Не хотев сказать: «Не знаю, что это», по самомнению и самоугодию, они порицали Писания и естество вещей и понимали их, как им казалось, а не по воле Божией; потому и обольстились и уклонились во все злое. Всякий ищущий смысла Писания не утверждает никогда своего разумения, ни хорошего, ни худого, но, как сказали Великий Василий и Златоуст, Божественное же Писание имеет своим наставником, а не учения мира сего; и когда Бог вложит что-либо в чистое сердце, без рассматривания [94] то принимает, если оно подтверждается и свидетельством Божественных Писаний, как говорит Великий Антоний. Мысли, самодвижно приходящие на ум безмолвствующим о Боге, могут быть принимаемы без рассматривания, говорит святой Исаак. А испытывать и рассматривать (их) кому-либо — есть собственная воля и наука [95] телесная. Особенно же если, как говорит Златоуст, подобно *татю*, кто-либо принуждает [96] Писание к иносказанию, а не *дверию* смиренномудрия *входит, но* прелазит *инуде* (Ср.: Ин. 10, 1). Ибо если кто-либо искажает смысл Писания или порицает его, для того, чтобы утвердить свое знание, или, скорее, неведение, — нет на земле безумнее такого! Какое это понимание — представлять смысл Писания таким, каким он хочет, и осмеливаться изменять слова Писания? Тот понимает, кто видит изречения непоколебимыми и премудростию Духа обретает сокровенные тайны, подтверждаемые Божественными Писаниями. (Таковы были) в особенности три великие светила: Василий, Златоуст и Григорий. Они находили подтверждение [97] или в том же, или в другом изречении Писания. И нечего тут сказать желающему противоречить, ибо не извне приводят они свидетельство, чтобы кто-нибудь мог сказать: это свое разумение, — но из самого предлежащего содержания или из другого Писания, изъявляющего это. И поистине: ибо от Святого Духа получили они, как достойные, и разумение и глаголание. Итак, всякого дела, не имеющего свидетельства, — что оно хорошо, но сомнительно, — не должно делать или снисходить (относительно его) помыслу. Ибо какая надобность — оставлять дело, явно доброе и богоугодное, о котором

---

94 Χωρίς σκέψεως, в слав. «кроме' рассмотрения».

95 Εξιστήμη.

96 Βιάζει — принуждает, гнет по-своему.

97 Τήν μαρτυρίαν.

есть свидетельство, что оно таково, и делать другое, может быть, хорошее, а может быть, и нет? Разве только по страсти. И это все так.

Разделение молитвы всех познаний

О восьми же познаниях должно нам ведать, что в четырех надобно произносить прежде написанное в каждом из них, а в остальных непрестанно: «Господи, помилуй», как сказано о святом Филимоне, и иметь ум непрестанно исступающим [98] — от разумений. Таков должен быть образ жизни тщательного: иногда — иметь ум в видении чувственного, иногда — в познавании мысленного и в безвидном; и опять в мысли какого-либо Писания или в чистой молитве. Тело же — иногда в чтении, иногда в молитве, иногда же в слезах о себе самом или о другом ком-либо, из сострадания ради Бога; иногда в подании помощи кому-нибудь, немоществующему душевно или телесно, чтобы всячески непрестанно исполнять дела святых ангелов и отнюдь не заботиться о чем-либо мира сего. И Бог, избравший и отделивший его, дабы сделать его собеседником Себе, и даровавший ему такой образ жизни и беспопечительность, Сам о нем позаботится и *препитает* его душевно и телесно. *Возверзи*, — сказано, — *на Господа печаль твою, и Той тя препитает* (Пс. 54, 23). И насколько таковой возлагает надежду на Бога, во всем касающемся души его и тела, настолько находит Его промышление о себе, так что считает себя ниже всей твари, — от многих даров Божиих: явных и неявных, душевных и телесных, и от стыда, как великий должник, отнюдь не может превозноситься в каком-либо деле, ввиду благодеяний Божиих. И насколько он благодарит Бога и подвизается понудить себя из любви к Нему, настолько и Бог приближается к нему дарованиями Своими и желает успокоить его и сделать, чтобы он предпочитал безмолвие и нестяжание всем царствам земным и всему, кроме воздаяния в будущем. Ибо и святые мученики страдали при нанесении им ран от врагов, но сильное желание Царствия и любовь к Богу побеждали болезни, и то самое, что они получили силу побеждать врагов, считали они великим утешением и долгом, — что сподобились претерпеть смерть за Христа, так что от сего многократно делались нечувствительными. Подобно сему и святые отцы много понуждали себя вначале, при многообразных подвигах и бранях, происходящих от лукавства духов; но сильное желание и надежда бесстрастия — побеждали. Ибо после труда достигший бесстрастия делается беспопечительным, как победивший страсти. Думает и страстный, что ему хорошо, но это от слепоты. Один только, так называемый подвижник переносит труд и брань, желая победить страсти и не имея на то силы. Ибо такому попускается иногда и быть

98 Εξιστάμενον.

побежденным тем, с чем он борется, дабы он приобрел смирение и чрез то познал свою немощь и крепко удалялся вредного ему, чтобы забыть прежнюю свою привычку. Ибо если кто-либо, во-первых, не удалится от развлечения и не приобретет совершенного молчания, — не может достигнуть иметь что-либо бесстрастно или говорить всегда хорошее. И просто: при всяком деле прилично, во-первых, совершенное удаление от развлечения, чтобы не увлечься прежнею привычкою. Однако никто, слыша о смиренномудрии, бесстрастии и подобном, да не думает, по неведению, что он это имеет; но — должен искать в себе и находить признаки каждой (добродетели).

О смиренномудрии

Признаки смиренномудрия суть сии: когда имеющий всякую добродетель, телесную и душевную, считает себя тем более должником пред Богом как много получивший, по благодати, будучи недостойным того. И если случится с ним какое-либо искушение, от демонов или от людей, считает себя достойным таковых, и других больших, чтобы хотя немного освободиться от долга и получить облегчение от мучений, ожидающих его на суде. Если же не терпит искушений, то много скорбит и подвизается, ища, в чем бы понудить себя, и когда найдет это, снова принимает как дар от Бога и смиряется; не находя же, что мог бы воздать Благодетелю, всегда трудится и все более считает себя должником.

О бесстрастии

Признаком же бесстрастия есть то, чтобы во всем пребывать без смущения и без страха, как получившему от Бога благодать *вся мощи*, по слову апостола (Ср.: Флп. 4, 13), и никакой не иметь заботы о теле, но по мере того как подвизается, понуждая себя, и достигает в покой навыка, благодарит (за это Бога) и снова предпринимает иное понуждение себя, чтобы постоянно быть в борьбе и побеждать со смирением. В этом и состоит преуспеяние человека, ибо совершаемое без понуждения (себя), как говорит святой Исаак, не суть дела, но скорее дары. Если же после первого труда настал покой, то это лишь возмездие победы, тут еще нечем хвалиться [99], ибо не тех похваляют, которые получают воздаяние, но тех, которые понуждают себя в делании и ничего не получают. И что нам сказать? Насколько мы что-нибудь делаем и сколько благодарим Благодетеля, настолько же, и еще гораздо более, мы бываем должны Ему. Он неоскудевающий и ни в чем не имеющий нужды, а мы без Него не можем ничего сделать доброго. Сподобившийся воспевать Бога сам

---

99 Καύχη — хвастанье.

более приобретает, ибо получает великий и досточудный дар; и сколько воспевает, настолько более делается должником, и не находит конца или пресечения познанию Бога, или благодарению, или смирению, или любви; не от века сего сии (добродетели), чтобы иметь им конец. Они принадлежат бесконечному оному веку, не имеющему конца, но более — возрастание ведений и дарований, и сподобившийся сего, делом и словом, освобождается от всех страстей. Желающий достигнуть этого должен пребывать при Боге, и отнюдь не заботиться о веке сем, и не бояться какого-либо искушения, ибо чрез него возведен будет к большему преуспеянию и на высшую степень. Не бояться также сновидений злых или как бы хороших, ни мысли лукавой или благой, ни печали или как бы радости, ни самомнения или отчаяния, ни высоты, ни глубины, ни оставления или как бы содействия какого-либо и крепости, ни нерадения или преуспеяния, ни бездействия или как бы усердия, или видимого бесстрастия или большого пристрастия: но соблюдать безмолвную и беспопечительную жизнь со смирением и веровать, что никто не может нам сделать зла, если мы сами не желаем, но это попускается [100] только за возношение и за то, что не всегда прибегаем к Богу, равно не повергаем себя пред Ним, прося: да будет во всем воля Его, говоря ко всякому приходящему нам помыслу: «Не знаю, кто ты; Бог знает, хорош ли ты или нет? А я в Его руки повергнул себя и повергаю. Он печется о мне. И как сотворил меня из ничего, так благодатию может и спасти меня, если Ему будет угодно: только Его святая воля да будет в нынешнем веке и будущем; как Он хочет и когда хочет, у меня нет воли. Одно знаю, что я много согрешил и много облагодетельствован, но еще не благодарю, по возможности своей, Его благость делом или словом. При всем этом Он может и хочет всех спасти, а со всеми и меня, — как Ему угодно. Почему я, человек, знаю, так ли хочет Он, чтобы было со мною, или иначе? Я удалился по страху, чтобы не согрешать, и пришел сюда, и ради многих [101] грехов моих и многих немощей сижу в келлии празден, как содержимый в тюрьме, ожидая приговора Владыки». И если увидит себя праздным и погибшим, — пусть не боится, ибо придет он в сокрушение души и в прискорбные [102] слезы, если только не выйдет из келлии. И опять, если имеет великое усердие ко всякому духовному деланию и слезы, пусть не считает этого за радость, но за тайную хитрость и приготовление к брани. И просто: он должен быть превыше [103] всякого и хорошего и противного дела, чтобы пребывать во всем без смущения, по

---

100 Слов «но это попускается» нет в греческой книге, они дополнены по славянскому переводу.

101 «Многих» нет в греч. книге.

102 Επίπονα, в слав. «приболезненныя».

103 Οφείλει καταφρονειν — должен презирать.

силе своей: безмолвствуя и подвизаясь, исполняя то, что он принял (от другого), если имеет кого-либо советником; если же нет, то Христа должен иметь, и о всяком начинании и помысле вопрошать Его чистою молитвою от сердца, со смирением, и отнюдь не быть дерзновенным, — что сделался уже искусным монахом, — пока не встретит Христа в будущем, как говорят Лествичник и авва Агафон. И если он имеет всецелое намерение угодить Богу, то Бог Сам учит его воле Своей: или мысленно удостоверяет его, или через какого-либо человека, или чрез Писание. И если отсекает ради Его свои хотения, то Бог Сам, с неизреченною радостию, приведет его к достижению совершенства, без его ведома. Видя сие, он весьма удивляется, как отвсюду начинают вытекать для него радость и познание, и от всякого дела находит он пользу, и царствует в нем Бог, как в не имеющем своей воли, ибо он покоряется Его святой воле и бывает, как царь: если подумает о чем-либо, без труда и готовым получает это от Бога, об нем пекущегося. Это есть вера, о которой Господь сказал: *Аще имате веру* и прочее (См.: Мф. 17, 20), и на этой вере назидаются, по слову апостола, прочие добродетели. Потому и враг строит всякие козни, чтобы человек удалился от безмолвия, и впал в развлечение, и каким-либо образом оказался неверующим, понадеявшись на свою крепость и мудрость или совершенно, или отчасти. Чрез это враг получает повод к победе над ним и делает его, бедного, пленником. Познавший сие, оставляя всякую сладость и всякий покой мира сего, как не существующие, стремится к беспопечительности: или в повиновении, имея вместо Христа своего наставника и возлагая на него всякое помышление, слово и дело, чтобы совершенно ничего не иметь; или в безмолвии по твердой вере от всего удаляется и вместо всех имеет Христа, Который бывает ему всем, как говорят Златоуст и Дамаскин, в нынешнем веке и в будущем, — питая, одевая его, делая радостным, утешая, увеселяя, успокоивая, уча, просвещая его, и просто: как о учениках Своих, так и о нем имеет попечение, — хотя и не предстоят ему такие же труды, но имеет он твердую веру, вследствие которой не заботится о себе, подобно другим людям. Но страха ради духов, как некогда апостолы *страха ради иудейска* (Ин. 20, 19), сидит в келлии, ожидая своего Учителя, чтобы Он истинным ведением, то есть познанием творений Своих, совоздвигнул его мысленно от страстей и даровал ему мир, как некогда апостолам, при затворенных дверях, говорит святой Максим.

Наилучшее распознание семи телесных деланий

Написанное прежде, в начале слова, о семи деланиях телесных и нравственных должно всегда соблюдать и не уменьшать недостатком, но и не умножать преувеличением; исключая того времени, когда бывает

брань телесная, по молодости или по избытку сил, тогда нужен больший подвиг; или, опять, по немощи, ради которой нужен некоторый покой. Однако не до совершенного разрешения: такое разрешение может повредить и бесстрастным, как говорит святой Исаак, но по нужде, чтобы покой был как бы лекарством для болезни; и душа, найдя в нем повод, не пожелала ослаблять свою силу [104]. Ослабление же бывает тогда, когда человек от всей души пожелает покоя, а покой, говорят святые [105], обыкновенно вредит юным и здоровым. Святые отцы Василий и Максим говорят, что для утоления голода и жажды нужны только хлеб и вода, прочее же все человеколюбиво даровал нам Бог, для здоровья и крепости тела, и — чтобы один и тот же вид пищи, всегда употребляемый, не сделался неприятным немощному, но один за другим, как сказано, полезны. Ибо удаление от пищи и невоздержание производят болезни; воздержание же и ежедневная перемена снедей бывают причиною здоровья; тело сохраняется (при сем) от сладострастия и от болезней и делается сотрудником (душе) в приобретении добродетелей. Это — для подвизающихся, как сказано. Бесстрастные же, младенчеством о Христе, часто и по многу дней не едят, забывая о теле, как святой Сисой, который, после принятия пищи, желал причаститься Пречистых Таин, будучи в Божественном восторге. Как говорит апостол, на пользу многим: *аще бо изумихомся, — Богови: аще ли целомудрствуем, вам* (2 Кор. 5, 13). И как Великий Василий о некоторых и некоторые другие. Да и в то время, когда таковые вкушали различные снеди, вместе с другими, они не ощущали сего различия, но оставались как бы ничего не вкушающими, ибо ум таковых не в теле, чтобы чувствовать покой его или болезнь. Это было ясно видно на многих отцах и святых мучениках, ясно и на том святом, о котором написал святой Нил [106], что был один старец в пустыне, молившийся умом, которого, попущением Божиим, для пользы его самого и многих других, демоны, схватив за руки и ноги, бросали вверх, и опять, чтобы тело его не повредилось, падая с такой высоты, подхватывали на рогожу, и долго делали это, искушая, не сойдет ли ум его с неба, но не успели того достигнуть. Таковой почувствует ли когда-нибудь пищу или питье или что-либо телесное? И, опять, святой Ефрем, победив, благодатию Христовою, все страсти душевные и телесные, чтобы не быть свободным от браней врага и потому не подпасть осуждению, как ему думалось, по неизреченному его смирению, просил, чтобы взята была от него благодать бесстрастия. Удивляясь этому, Иоанн Лествичник написал, что есть некоторые бесстрастнейшие бесстрастных, как тот Сириянин, говорит, и прочее.

---

104 Τόν τόνον — напряжение.

105 Слова «святые» в греч. нет, оно дополнено по славянскому переводу.

106 См.: преп. Нил Синайский. Слово о молитве, 111. — Творения. Ч. 1. М., 1858. С. 194.

О рассуждении

Потому при всяком деле имеем мы нужду в рассуждении, чтобы вовремя обсудить всякое начинание, ибо рассуждение есть свет, показывающий тому, кто его имеет, время, начинание, предприятие, устроение человека, крепость, знание, возраст, силу, немощь, произволение, усердие, сокрушение, навык, незнание, силу тела, сложение, здоровье и болезненность [107], нрав, место, занятие, воспитание, веру, расположение, намерение, поведение, небоязненность, понимание, природный ум, старание, бодрость, медлительность и подобное. Потом естество вещей, употребление их, количество, виды, намерение Божие, заключающееся в Божественных Писаниях, смысл каждого изречения. Как, например, сказанное в Евангелии от Иоанна, когда эллины пришли, желая видеть Господа, а Он тотчас сказал: *Прииде час* и прочее (См.: Ин. 12, 23), объявляя тем, что настало время призвания язычников, ибо началось время страдания, которое Он полагает признаком сего. Рассуждение изъясняет все это, и не только это, но и намерение толкования святых отцов, ибо не то именно нужно, что делается, но для чего делается, говорит святой Нил. И делающий что-либо без ведения сказанного, может быть, и много трудится, но ничего не успевает достигнуть, по слову Великого Антония и святого Исаака о подвизающихся в телесных добродетелях и нерадящих о делании ума, хотя последнее и есть наиболее искомое. Как говорит святой Максим: дай телу труд, по силе его, и весь подвиг твой обрати на ум. Ибо трудящийся телесно иногда побеждается чревоугодием и многоспанием, развлечением и многоречием, и этим помрачает ум, а иногда продолжительным постом, бдением и преувеличением трудов возмущает мысль; но старающийся об уме упражняется в ведении, молится, богословствует и может исполнить всякую добродетель. Человек мудрый искусно проходит свой подвиг, уменьшая, по силе своей, телесные потребности, чтобы чрез то сделаться малопопечительным или и беспопечительным, для хранения заповедей, как сказал Господь: *Не печытеся* и прочее (См.: Мф. 6, 25–34). При многом попечении и самого себя человек не может видеть, как же может он видеть прежде времени приготовленные сети врагов. Ибо враг, по обычаю своему, не всегда ведет с нами явную брань. Если бы так было, то не легко бы многие из нас впадали в его сети, так что мало будет спасающихся, как говорит Господь (См.: Лк. 13, 23). Но когда враг хочет ввергнуть кого-либо в большие (грехи), то сперва побуждает его пренебрегать малое и тайное: прежде прелюбодеяния — частое и сладострастное воззрение, прежде убийства — малый гнев, прежде помрачения мысли — малое развлечение и еще прежде сего представляет потребность тела как бы необходимою.

---

107 Ταλαιπωρίαν, в слав. «злострадание».

Посему-то Господь как все предведущий, как Премудрость Отчая, предупреждая коварства диавола, повелевает людям прежде времени отсекать поводы ко греху, чтобы, считая малое легко простительным, мы не впали бедственно в страшные и великие согрешения, и говорит: *Речено бысть древним*, то есть бывшим в законе, то и то, *Аз же глаголю вам* и прочее (См.: Мф. 5, 21, 28). Итак, научившийся из Святого Евангелия должен быть внимательным и исполнять то, чему учит Спаситель, чтобы избавиться от сетей вражеских и иметь заповеди как великие милости и благодеяния, ибо они могут, с большою премудростию, спасти душу. Заповеди суть дар Божий; и поистине *всякое даяние благо и всяк дар совершен, свыше есть*, как говорит брат Божий (Иак. 1, 17). И Дамаскин пишет: «Непостыдною ходатаицею за нас соделал Ты Родившую Тебя, Христе, и Ее заступлением подавай нам Духа, преподающего благость, от Отца Тобою происходящего».

Получивший дар внимания Божественным Писаниям, как говорят отцы, находит всякое благо, сокрытое во всех Писаниях, как сказал Господь: Научивыйся *Царствию Небесному*... и прочее (См.: Мф. 13, 52), то есть в *упразднении* о Боге и чтении Божественных Писаний; ибо иной вид [108] имеет Писание пред другими людьми, хотя они и думают, что знают его, и иной — пред удалившим себя для того, чтобы непрестанно молиться, то есть иметь мысль о Боге вместо дыхания во всем, хотя бы такой был и невежда в мире и не научен был наукам человеческим, как говорит Великий Василий. Простоте наиболее и смирению является Бог, говорит Лествичник, а не трудам и тщетной премудрости: Бог более отвращается от нее, если она не имеет смирения, ибо лучше кто-либо *невежда словом, но не разумом*, по изречению апостола (2 Кор. 11, 6). Поелику духовное ведение есть дарование, искусство же в слове есть учение человеческое, как и другие науки мира сего, и не помогают в спасении души, как то очевидно на эллинах. Чтение же служит к напоминанию тем, которые по опыту знают сказанное, а незнающим — для научения. Когда Господь, говорит Великий Василий, найдет сердце, чистое от всех мирских вещей и учений, тогда на нем, как на чистой дощечке, написывает Свои учения. Это говорю я для того, чтобы не читал кто-либо не служащего к угождению Богу, и если когда-либо прочитает, по неведению, то пусть подвизается скорее изгладить памятование о сем духовным чтением Божественных Писаний, и более того — что служит ему к спасению души, смотря по устроению, какого он достиг. Если он еще деятельный, то пусть читает жизнеописания и слова святых отцов; если же благодатию возведен в духовное ведение, то пусть читает все Божественные Писания, как могущий, по слову апостола, *низложити всяко возношение взимающееся на разум Божий*

---

108 Πρόσωπον δείκνυσιν, в слав. «лице являет».

(2 Кор. 10, 5) и охранять всякое преслушание и преступление деланием и истинным знанием Божественных заповедей и учений Христовых. Помимо же Божественных Писаний да не читает отнюдь чего-либо. Какая надобность принимать духа нечистого вместо Святого Духа? Ибо в каком слове кто упражняется, того дух и усвоивает себе, хотя и не видится ему это дело противным, как видят опытные.

О чтении по Богу

Итак, да будет чтение наше по Богу, для того, чтобы ум не скитался, ибо это есть начало спасения. *Ненавидит*, — говорит Соломон, — *гласа утверждения* (Притч. 11, 15), то есть враг; так и скитание [109] мысли есть начало согрешений, по слову святого Исаака. Желающий совершенно этого избегнуть должен много упражняться, (пребывая) в келлии. И если отягощает его уныние, то пусть несколько работает, как и бесстрастный и имеющий ведение, для пользы других [110] и в помощь каким-либо немоществующим; как делали и великие из отцов, снисходя и уподобляясь страстным, по смиренномудрию. Имея Бога в себе везде, они могли упражняться в ведении о Боге и при рукоделии, и на торгу. Как говорит Великий Василий о вполне совершенных, что и среди множества народа они как наедине, всегда бывают сами в себе и в Боге. Еще не имеющий сего, но желающий отогнать уныние должен отвергнуть всякую беседу с людьми и излишний сон и предоставить унынию изможддать его тело и душу, пока оно не отойдет, видя его терпение в беспрестанном упражнении о Боге, в чтении и чистой молитве. Ибо всякий враг, если видит, что он может успеть что-нибудь, то продолжает нападать, а если нет, то отходит или совершенно, или на время. Посему желающий победить врагов должен иметь во всем терпение. *Претерпевый же до конца, той спасен будет* (Мф. 10, 22). *Праведно*, — говорит апостол, — дати *скорбь* опечаляющим *вас, вам же оскорбляемым отраду* (Ср.: 2 Сол. 1, 6–7). Никакое дело, совершаемое по Богу, со смирением, не худо, однако есть различие между делами и между начинаниями, и все то, что бывает сверх естественной потребности, делается препятствием для желающего спастись, то есть все, что не служит к спасению души или к жизни тела. Ибо не снеди — зло, но чревоугодие; и не имущество, но пристрастие; не произношение слов, а пустословие; не сладостное мира, но невоздержание; не любовь к своим, а происходящее от нее нерадение о благоугождении Богу; не одежды для прикрытия только и избежания холода и зноя, но — излишние и дорогие; не дома для избежания только, вместе с упомянутым, и злоумышленников, зверей и

---

109 Ῥεμβασμός, в слав. «парение».

110 Ἄλλων, в слав. «многих».

людей, но двухэтажные и трехэтажные, большие и многоценные; и не то, чтобы иметь кому-либо вещь, но — иметь ее не для необходимой потребности; и книги иметь нестяжательным не есть зло, но иметь их для чтения о Боге; не то зло, чтобы иметь друзей, но иметь неполезных для души; не женщина зло, а любодеяние; и не богатство, но сребролюбие; не вино, но пиянство; не естественная раздражительность, данная для удержания от греха [111], но — когда употребляем ее против подобных нам людей; не начальствование, но любоначалие; не слава, но славолюбие и худшее его тщеславие; не приобретение добродетели, но мнение, что имеем ее; не знание, но считание себя знающим, и худшее сего — незнание своего неведения; не истинное знание, но лжеименное. Не мир худ, но страсти; и не естество, но противоестественное; не единомыслие, но заключаемое для делания зла и не ко спасению души; не члены тела, но злоупотребление их. Не для того дано нам зрение, чтобы мы вожделевали недолжного, но чтобы, видя создания, прославляли за них Творца, и зрение хорошо вело нас к полезному для души и тела нашего; и уши — не для того, чтобы принимать клевету и худые слова, но для слышания слова Божия и всякого голоса, который доходит до нас от людей, птиц и других (существ) и прославления ради сего их Творца; и обоняние — не для расслабления души и ослабления ее крепости [112], как говорит Богослов, но для дыхания и принимания дарованного нам от Бога воздуха и прославления Его за сие, ибо без этого никто не может жить телом, ни человек, ни скот. И удивляюсь я премудрости Благодетеля, как нужнейшие нам вещи все мы находим удобно, воздух, говорю, огонь, воду и землю. И не только это, но и могущее спасти душу Он соделал более удобным, нежели другие дела, а приносящее душе погибель — труднейшим. Так, бедность обыкновенно более спасает душу, а богатство для многих служит к тому препятствием, и бедность находит всякий, а богатство — не в нашей воле. Потом: бесчестие, смирение, терпение, послушание, повиновение, воздержание, пощение, бдение, отсечение своей воли, телесные болезни, благодарение, при всем этом, искушения, потери, стеснение в необходимом, удаление от сладостного, нагота, долготерпение и просто — все Бога ради бывающие предприятия исполняются невозбранно [113] и никто за них не вооружается, но, скорее, попускает их иметь произволяющим, когда они постигают их произвольно или невольно. Но приводящее к погибели мы неудобно находим, как-то: богатство, славу, гордость, неправоту [114], власть [115],

111 По сказанному: *гневайтеся, и не согрешайте* (Пс. 4, 5). То есть человек должен гневаться на бесов, побуждающих ко греху, и на себя за слабость.

112 Τόν τόνον — напряжения.

113 В слав. «удобосовершима и невозбранна».

114 Ἀκαταδεξία, в слав. «недесноприятие».

начальство, невоздержание, многоядение, многопитие, действование по своей воле, здоровье и крепость тела, нестесненную жизнь, приобретения, имение того, что желаем, наслаждение сладостным, приобретение одежд и покрывал многих и дорогих и тому подобное, о чем бывает много борьбы, но малое от них приобретение и только временная польза и большая скорбь, но — малое наслаждение. Ибо не только имеющим это, но и не имеющим, а желающим иметь, они бывают причиною большой скорби, хотя и ничего нет худого (в самом себе), как сказано, но худо их злоупотребление. Ибо не для того даны нам руки и ноги, чтобы красть, и похищать, и налагать руки друг на друга, но чтобы употреблять их на всякое делание, угодное Богу: на милостыню для тех, которые еще немощны душою к совершенству, и на помощь нуждающимся; для сильнейших же душою и телом — к нестяжательности и для подражания Христу и святым Его ученикам; для прославления Бога и для того, чтобы удивляться Его премудрости, проявляющейся и в членах наших. Как руки эти и малые персты бывают готовы на всякое искусство и работу, писание и начинание, промыслом Божиим, от которого — знание бесчисленных искусств и писаний, премудрости и целительных лекарств, языков и различных письмен. И просто: все прежде бывшее, бывающее и имеющее быть по беспредельной благости было нам дано и всегда подается для жизни телесной и спасения душевного, если только согласно намерению Божию будем употреблять все существующее и ради этого прославлять Бога, со всяким благоразумием. Если же нет, то отпадаем, погибаем, и все существующее бывает нам на скорбь в нынешнем веке, и не только здесь, но и в будущем на вечное мучение, как прежде было сказано.

Об истинном рассуждении

Получивший, по благодати Божией, дарование рассуждения от многого смиренномудрия должен всею силою хранить это дарование и отнюдь ничего не делать не рассудительно, чтобы, согрешая в ведении, по нерадению, не подпасть большему осуждению. А еще не получивший сего дарования, отнюдь не должен утверждать своего разумения, или слова, или дела без вопрошения (опытных), твердой веры и чистой молитвы, без которых не может он достигнуть неложного рассуждения. Оно рождается от смиренномудрия и имеющему его рождает прозрение, как говорят Моисей и Лествичник, то есть — чтобы предвидеть скрытые козни врага и отсекать прежде времени поводы к ним, по слову Давида: *и на враги моя воззре око мое* (Ср.: Пс. 91, 12). Признаки рассуждения суть: неложное познание доброго и противного, потом познание Боже-

---

115 В слав. «презрение власти».

ственной воли, при всех предприятиях. (Признаки же) прозрения — познание своих грехопадений, прежде нежели они совершатся на деле, и — по тайной хитрости — происходящих от демонов; потом познание таин, сокрытых в Божественных Писаниях и в чувственных творениях. Матерь их, смирение, имеет также свои признаки, как прежде было сказано о нем, но познается и по сему. Кто смиренномудр, тот должен иметь всякую добродетель и более как должник (во всем этом) поистине веровать, что он ниже всей твари. Если же он не таков, то это самое удостоверяет, что он хуже всей твари, хотя бы и думал, что ведет жизнь равноангельную, ибо и действительный ангел, при стольких добродетелях и премудрости, не мог угодить Творцу без смирения. Что же сказать после этого мнящему о себе, что он ангел, без смирения — причины всех благ, существующих и имеющих быть, от которого рождается рассуждение, просвещающее концы, а без него — все мрачно. Оно есть свет и называется светом, и потому мы, прежде всякого слова и начинания, нуждаемся в этом свете, чтобы могли видеть и прочее и удивляться. Удивляемся и Богу, как в первый и господственный [116] день Он прежде сотворил свет, чтобы последовавшие создания не оставались невидимыми, как бы не существующие, говорит Дамаскин. Итак, рассуждение, как было сказано, есть свет, и рождающееся от него прозрение есть самое нужное из всех дарований. Ибо что наиболее нужно человеку, как не то, чтобы видеть тайные хитрости демонов и охранять свою душу, при содействии благодати? Нужна также, более всех деланий, чистота совести, говорит святой Исаак, и освящение тела, без которого никто, по слову апостола, не узрит Господа (См.: Евр. 12, 14).

О том, что не должно отчаиваться, хотя бы и много кто согрешил

Однако не должно нам отчаиваться, если мы не таковы, какими должны быть. Худо это, что ты согрешил, человек; но зачем же ты оскорбляешь [117] Бога и, по неразумию твоему, считаешь Его несильным? Ужели не может спасти души твоей Сотворивший такой, как ты видишь, мир ради тебя? Если же говоришь, что это послужит тебе на большее осуждение, как и снисхождение Его, то покайся, и Он примет покаяние твое, как — блудного сына и блудницы. Если же и этого не можешь, но по привычке согрешаешь, в чем бы и не хотел, имей смирение, как мытарь (См.: Лк. 18, 13), и довольно будет тебе для спасения. Ибо согрешающий нераскаянно, но не отчаивающийся, по необходимости считает себя ниже всей твари и не осмеливается осудить или укорить какого-либо человека. Но более удивляется человеколюбию Бо-

116 Κυρια των ήμερων.

117 Ἀδικεῖς, в слав. «прогневляешь».

жию, бывает благоразумным в отношении к Благодетелю и может иметь много иного добра. Хотя он и послушал диавола, при согрешении, но опять, по страху Божию, ослушивается врага, побуждающего его к отчаянию, и потому он — часть Божия, имея благоразумие, благодарение, терпение, страх Божий, неосуждение других, чтобы и самому не быть осужденным, что всячески необходимо. Как Златоуст говорит о геенне, что она благодетельствует нам почти более Царства Небесного, ибо ею многие входят в Царство Небесное, а Царством — немногие, но человеколюбием Божиим: та понуждает страхом, а это принимает (в объятия) [118], и обеими спасаемся, благодатию Христовою. Ибо как боримые многими душевными и телесными страстями, если терпят это, но не предают своего самовластия, по нерадению, и не отчаиваются, получают венцы, так и достигший бесстрастия с покоем и легкостию [119] скоро отпадает, если не исповедует всегда благодати и никого отнюдь не осуждает. Если же осмелится это делать, то показывает тем самым, что он своею силою снискал себе богатство, говорит святой Максим. И как еще страстный и не получивший просвещения в познании подвергается великой опасности — если начальствует некоторыми, говорит Дамаскин, так и получивший от Бога бесстрастие и духовное познание — если не будет приносить пользы душам других. Ничто столько не приносит пользы немощному, как удаление в безмолвии, и страстному и незнающему, как повиновение в нем (безмолвии). Нет ничего лучше, как знать свою немощь и неведение, и ничего хуже, как не знать этого. Никакая страсть не ненавистна столько, как гордость, и никакая не заслуживает столько осмеяния, как сребролюбие; оно *корень* всех зол (См.: 1 Тим. 6, 10). Потому что люди, с великим трудом сделавшие деньги из земного металла, опять бездейственно кладут их в землю. Посему и говорит Господь: *Не скрывайте себе сокровищ на земли* и прочее. И опять: *Идеже… бо сокровище ваше, ту будет и сердце ваше* (Мф. 6, 19–21). Ибо ум человеческий, в чем долго медлит, к тому и привлекаем бывает сильным желанием, по привычке: или к земным вещам, или к страстям, или к небесным и вечным благам. Долговременная же привычка обыкновенно получает крепость естества, говорит Великий Василий. Когда кто-либо бывает болен, тогда особенно должен внимать свидетельству совести, чтобы освободить душу свою от всякого осуждения; дабы как-нибудь не настал конец жизни и тогда — не раскаиваться бесполезно и не плакать вечно. Итак, кто не может потерпеть чувственную смерть за Христа, как Он потерпел ее (за нас), тот должен, по крайней мере, потерпеть ее мысленно — произволением, и будет он мученик совестию, когда не станет покоряться борющим его демонам или хотениям, но побеждать их, как

---

118 Αγκαλίζεται.

119 Μετά αδείας καί κουφισμου — безбоязненностию и облегчением.

святые мученики и преподобные отцы, из которых одни чувственно, а другие мысленно были мучениками.

Немного пон*у* дивший себя победил врага, а немного вознерадевший и помрачившийся — погиб.

Краткое учение о приобретении добродетелей и удалении от страстей

Ничто так не помрачает обыкновенно мысль, как лукавство, говорит Василий Великий, и ничто не просвещает так ум, как чтение в безмолвии. Ничто не производит так скоро болезнования души, как мысль о смерти, и — невидимого преуспеяния, как самоукорение и отсечение своих хотений, и — невидимую погибель, как самомнение и самоугодие. Ничто так не бывает причиною отвращения Божия и наказания человека, как ропот, и ничто так удобно не приводит к согрешению, как смущение [120] и многословие. Ничто столько не помогает к приобретению добродетели, как уединение и сетование; и — к благоразумию и благодарению, как размышление о дарах Божиих и о наших худых делах; так же и к возрастанию благодеяний, как восхваления их, и — не подает невольного спасения, как искушения. Нет ближайшего пути ко Христу, то есть к бесстрастию и премудрости Духа, как путь царский, уклоняющийся во всем от преувеличений и недостатков. Никакая иная добродетель не может так постигнуть волю Божию, как смиренномудрие и то, чтобы оставить всякое свое разумение и свою волю. Ничто так не содействует всякому благому делу, как чистая молитва. Ничто так не препятствует к приобретению добродетелей, как суетные заботы и рассеянность [121], хотя бы и очень малая. Насколько кто имеет чистоту, настолько видит себя много согрешающим, от того (именно), что видит; а насколько много согрешает, настолько омрачается, хотя и видит себя имеющим чистоту. И опять: насколько имеет знания, настолько считает себя незнающим; и насколько не знает своего неведения и малого познания духовного, настолько считает себя знающим. Насколько подвижник терпит скорби, настолько побеждает врага. И сколько кто-либо подвизается делать доброе в один день, столько же должен делать и во все дни жизни своей, говорит святой Марк, то есть ежели это было (делом) его силы и усердия; если же то была благодать Божия, и ради ее, когда посетила благодать, тогда успел он сделать, то какую заслуживает он похвалу? Ибо думает, что может сам собою сделать доброе, и несправедливо осуждает других, не могущих; но требующий чего-либо от

---

120 Σύγχυσις — запутанность.

121 Ὁ περισπασμός καί ὁ μετεωρισμός, в слав. «пристрастие и возношение мысли».

ближнего должен от себя еще более требовать того же, (так) справедливее. Как согрешающие суть должники, ибо прогневляют Бога, так и покрываемые благодатию Его, ради своей немощи и близости к отчаянию, должны более трепетать, как великие должники. И как неведение Писаний есть великая стремнина, по слову святого Епифания, так и преступление в ведении есть большое зло. Благотворение душе словом большее, нежели — молитвою. И когда кто-либо терпит ближнего, чтобы не оскорбить обижающего его, но старается успокоить волю его, во время смущения его, таковой, говорит святой Дорофей, оказывает милость душе его, носит его тяготу и молится о нем, желая ему спасения и всего доброго для тела и души; таково чистое незлобие, очищающее душу и возводящее ее к Богу. Ибо врачевание человека лучше [122] всех деланий и добродетелей. Ничего нет более и совершеннее среди добродетелей, как любовь к ближнему. Признаком же ее служит не то только, чтобы не иметь вещи, в которой другой нуждается, но и смерть за него потерпеть с радостию, по заповеди Господней, и считать это своим долгом. Да и справедливо, ибо мы должны не по праву только природы любить ближнего до смерти, но и ради пролитой за нас пречистой крови заповедавшего то Христа (См.: Ин. 15, 13). Не будь самолюбив, говорит святой Максим, и будешь боголюбив; не будь самоугодник и будешь братолюбив. Это рожается от надежды, а надежда есть несомненное верование, всею мыслию, что всячески получим то, чего надеемся. И надежда опять рождается от твердой веры, от того, что человек вовсе не заботится о своей жизни или смерти, но все попечение возлагает на Бога, как прежде было сказано о желающем достигнуть признаков бесстрастия, основанием которых служит вера. Имеющий ее должен размышлять, что как Бог сотворил все и нас, вместе со всеми, из ничего, по беспредельной Своей благости, так всячески и душу нашу и тело управит, как Сам ведает.

О том, как может кто-либо приобрести истинную веру

Однако желающий приобрести веру, которая есть основание всего благого, дверь таин Божиих и беструдная победа над врагами, нужнейшая всякой добродетели, крыло молитвы и вселение Божие в душе, должен потерпеть всякий искус, каким будет искушаем от врагов и многих и различных помыслов, которых никто не может понять, ни сказать о них что-либо, ни изобрести их, как только изобретатель зла диавол. Но пусть таковой не боится, ибо если он победит постигающие его искушения, со многим усилием, и удержит ум свой, не допуская его послаблять помыслам, рождающимся в сердце его, то он разом победит все страсти, ибо не он будет победивший, но пришедший в него верою Христос. О

---

122 Κρείττων — сильнее, мощнее.

таковых сказал Господь: *Аще имате веру, яко зерно горушно* и прочее (См.: Мф. 17, 20). Но если помысл [123], изнемогши, и уступит немного, пусть не страшится, и не отчаивается, и не приписывает своей душе говоримое злоначальником, но с терпением, по силе своей, старательно да совершает делание добродетелей и соблюдение заповедей в безмолвии и упразднении по Богу от всего произвольно помышляемого, чтобы враг, исполнив всякие ухищрения и мечтания днем и ночью и найдя, что он вовсе не заботится о представляемых ему играх и образах, со всеми мыслями, которыми он его устрашал, выставляя за истину игралища, полные лжи, соскучит и отойдет. А делатель заповедей Христовых, познав на опыте немощь врага, не ужасается более никакого его ухищрения; но с радостию, все, чего хочет и желает по Богу, делает беспрепятственно, укрепляемый и вспомоществуемый, чрез веру, Богом, в Которого уверовал, как Сам Господь говорит: *Вся возможна верующему* (Мк. 9, 23). Ибо не он ведет брань со врагом, но Бог, промышляющий о нем ради веры. Пророк говорит: *Вышняго положил еси прибежище твое* и прочее (См.: Пс. 90, 9); и таковой вовсе не заботится ни о чем, зная, что *конь уготовляется ко брани, от* Бога *же* спасение его, говорит Соломон (Ср.: Притч. 21, 31), и потому во всем поступает смело. Как говорит святой Исаак: приобрети веру в себе, чтобы попрать тебе врагов своих. Ибо таковой живет не как самовластный, но как скот, водимый волею Божиею, по слову пророка: *скотен бых у Тебе, и аз выну с Тобою* (Пс. 72, 22–23). Хочешь ли успокоить меня познанием Твоим — не противоречу. Хочешь ли опять, ради смирения, попустить на меня искушения — я также с Тобою; и ничего отнюдь не буду делать сам от себя. Без Тебя я не произошел бы из небытия, и не могу ни жить, ни спастись. Что Ты хочешь, то и твори с созданием Твоим! Но верую, что, будучи благ, Ты устроишь и мне благое, хотя я и не познаю, что это полезное, но я и недостоин знать, и не прошу научиться, чтобы получить спокойствие, — может быть, это мне неполезно. Не смею просить и облегчения какой-либо брани, хотя я и немощен, и во всем отягощен, но не знаю, что мне полезно. Ты ведаешь все, и — как ведаешь — сотвори; только бы мне не погрешить, что бы ни случилось; но хочу или не хочу, спаси меня! Однако и это — если Тебе угодно. Мне вовсе нет дела. Я пред Тобою как бы бездушный: душу мою предаю в пречистые руки Твои, в нынешнем веке и в будущем. Ты все можешь, и все знаешь, и всем хочешь всякого блага, и всегда желаешь моего спасения. Это ясно из всех благодеяний, которые Ты оказал и постоянно нам оказываешь, по благодати, явно и неявно, которые мы знаем и которых не знаем, и из самого превышающего ум снисхождения Твоего к нам, Сын и Слово Божие! А я кто, что осмеливаюсь извещать (о себе) Тебя, Сердцеведец?

---

123 Λογισμος — в данном случае «разум».

Но говорю это для того, чтобы и самому мне, и врагам моим знать, что я прибегаю к Тебе, Пристанищу спасения моего. Вот, чрез благодать Твою, познал я, что Ты мой Бог, и уже не смею много говорить, но только ум, свободный [124] от всего, глухой и немой ко всему, хочу представить Тебе. Не я, а благодать Твоя все совершает. Не знаю, делал ли я когда-либо что доброе, но всегда — много злого, за которое в виде раба повергаюсь пред Тобою, изъявляя тем, что Ты сподобил меня каяться, и что я *раб Твой и сын рабыни Твоея* (Пс. 115, 7). Но не попусти мне, Господи мой, Господи [125] Иисусе Христе, Боже мой, делать, или говорить, или мыслить неугодное Тебе. Довольно для меня множества стольких прежде бывших грехов моих; но — как Ты хочешь — помилуй меня! Согрешил я, помилуй меня — как знаешь. Верую, Господи, что Ты слышишь умоляющий Тебя голос мой — помоги моему неверию, Даровавший мне после бытия и то, чтобы быть мне христианином. «Велико для меня, говорит (Иоанн) Карпафский, — что я ношу имя инока и христианина». Как сказал Ты, Господи, одному из рабов Твоих: велико для тебя, что ты наречен Моим именем; и для меня это более всех царств земных и неба; только не отлучи меня от наречения сладчайшего Твоего имени. Владыко многомилостивый! Благодарю Тебя и прочее, как прежде написано. Как иное чтение прилично деятельному, иные слова, слезы и молитва, так и вера эта — иная, в сравнении с тою первою, рождающею безмолвие. Та есть вера *слуха*, а эта ведения, как говорит святой Исаак; но ведение достовернее слуха. От естественного знания рождается первая и общая (всем) православная вера, от нее рождаются, как сказано, *упразднение* по Богу, пост, бдение, чтение, псалмопение, молитва, вопрошение опытных; и от всего этого рождаются добродетели душевные, то есть соблюдение заповедей и хранение и устроение нравственности, от которых — великая вера, надежда и совершенная любовь, восхищающая ум к Богу, как сказано, в молитве, когда кто духовно [126] соединяется с Богом, как пишет святой Нил. Слова же молитвы однажды написаны, чтобы всегда тою же молитвою молился желающий представить ум свой неподвижным Святой и Живоначальной Троице, как бы видя, хотя и ничего отнюдь видеть невозможно, но безвидным, невообразительным, необразовидным, несмущенным, неразвлекаемым, неподвижным (должен быть ум), невещественным, ни о чем из существующего во всем творении не мыслящим и не размышляющим, лишь в глубоком мире и совершенной тишине беседующим с Богом и только Его святую память имеющим, пока не достигнет восхищения ума; после того, как сподобится должным образом произносить молитву Господню, то

---

124 Ἀργόν, в слав. «празден».

125 В греч. один раз, а в слав. в обоих случаях: «мой», то есть трижды.

126 Νοερῶς, в слав. «умне».

есть «Отче наш». Как говорили святой Филимон (и святая Ирина) [127], вместе со святыми апостолами, мучениками и преподобными. Вне же этого бывающее есть наругание [128], происходящее от самомнения. Божественное беспредельно и неописанно, и ум, сосредоточившийся в себе, таков должен быть, чтобы сподобиться, по благодати, нашествия Святого Духа. *Верою бо ходим, а не виденим*, — говорит апостол (2 Кор. 5, 7). Потому и должны мы долгое время пребывать в подвиге, чтобы ум, от долговременности получив привычку, сильным желанием был влеком к Божественному. Ибо если ум и не найдет чего-либо иного, большего чувственных вещей, то (все-таки) уже не привлекается к ним желанием, и пребывает в том, к чему он привык по долговременности. Ибо как человеколюбивым и бесстрастным не много вредят житейские дела, потому что они хорошо их устраивают, так и имеющим великие дарования, — ибо они Богу приписывают то, что правильно исполнили.

О том, что страстным наиболее полезно безмолвие

Всем полезно безмолвие и удаление от вещей и от людей, особенно же страстным и немощным, ибо ум не может сделаться бесстрастным от одного внешнего делания, если не получит и многих духовных ведений. Также и суетных забот [129], и начальствования не проходит кто-либо без вреда, если не приобретет прежде бесстрастия, чрез удаление. Попечение о житейском и смущение вредит обыкновенно и совершенным, и бесстрастным. Никакой не бывает пользы, говорит Златоуст, от человеческого делания, без приклонения свыше, но и приклонения свыше не бывает к непроизволяющему. И то и другое нам нужно: и Божие и человеческое, и делание и знание, и страх и надежда, и плач и утешение, и боязнь и смирение, и рассуждение и любовь; ибо, говорит, все в этой жизни двойственное. День и ночь, свет и мрак, здоровье и болезнь, добродетель и порок, благополучие и злополучие, жизнь и смерть; чтобы мы, будучи немощны, чрез одно возлюбили Бога, а чрез другое, по страху искушений, убегали греха, а будучи сильны, за все это любили Бога, как Отца, зная, что *вся добра зело* (Быт. 1, 31), и Бог устраивает все для нашей пользы и чтобы мы от сладостного воздерживались, а трудного желали, зная, что тем живы бывают тела наши, во славу Творца, а сие помогает душам к спасению, по неизреченной милости Божией. Люди бывают трех устроений: рабы, наемники и сыны; и рабы не любят благого, но, по страху мук, удаляются от лукавого; это, говорит святой Дорофей, *благо*, но не *благоугодно* (См.: Флп. 4, 18). Наемники же любят

---

127 Слов, заключенных в скобках, нет в славянском переводе.

128 Χλεύη — насмешка, издевательство, в слав. «прелесть».

129 Ὁ περισπασμός, в слав. «попечение».

благое и ненавидят лукавое, но в надежде награды; а сыны, как совершенные, не по страху мучений удаляются от лукавого, но крепко это ненавидят и доброе делают не в надежде награды, но считают это своим долгом и любят бесстрастие, как подражание Богу и причину Его вселения (в них), ради которого и удаляются от всего худого, хотя бы и не было угрозы. Ибо если человек не сделается бесстрастным, то преблагий Бог не ниспосылает на него Всесвятого Духа, чтобы он, по привычке, не был увлекаем страстьми, и не сделался виновным за нашествие (на него) Святого Духа, и не подпал большему осуждению. Но когда, по навыку в добродетели, он не будет уже иметь никакой дружбы со врагами и не будет увлекаться страстною привычкою, тогда получает благодать и таким образом не подвергается уже осуждению за получение дарования. Оттого, говорит Лествичник, Бог не открывает нам воли Своей, чтобы мы, познав ее, не ослушались и не подверглись большему осуждению; хотя мы, как младенцы, и не знаем Его беспредельного благоутробия к нам, неблагодарным. Желающий же, говорит, познать волю Божию должен умереть всему миру и своей воле во всем. Поэтому всякого дела, при котором есть сомнение, не должен кто-либо делать или утверждать, как хорошее, разве только не может прожить или спастись без него. Итак, надобно ему вопрошать опытных, и тогда от твердой веры и молитвы получает он такое удостоверение [130]; прежде совершенного бесстрастия, которое делает ум непреоборимым и непобедимым во всяком благом деле. Хотя и сильная бывает брань, но человек пребывает невредимым. *Сила бо Моя в немощи совершается*, — говорит Господь [131] (2 Кор. 12, 9), и апостол сказал: *егда немоществую, тогда силен есмь* (2 Кор. 12, 10). Но быть кому-либо без брани — не хорошо, ибо демоны, говорит Лествичник, часто отходят, по различным побуждениям: или делая засаду, или ради самомнения оставляют нас, или ради возношения, или другого какого-либо зла, которым довольствуются, как могущим наполнить место иных страстей. Так некоторые отцы, сказано в «Старчестве», сохранили заповеди; некоторые же, после них бывшие, написали о сем, а мы написанное положили у себя на окнах. Если же и захотим прочитать, не упражняемся даже и в том, чтобы понять сказанное и исполнять его на деле; но или читаем как что-нибудь ненужное, или думаем, что делаем нечто великое, и возносимся, не зная, что мы заслужим большее осуждение, если не будем исполнять, как говорит Златоуст. *Ведевый*, — сказал Господь, — *волю господина своего* и прочее (См.: Лк. 12, 47). Итак, хорошо чтение и знание, но когда приводят к большему смирению; также и совет, когда вопрошающий не испытывает жизни учителя, как говорит Богослов: не ищи достоверности в учащем

130 Πληροφορία, в слав. «извещение».

131 Φήσίν ὁ Κύριος, а в слав. «якоже рече Господь ко апостолу».

тебя или проповедующем тебе; и как говорит Господь: *Елика аще рекут вам* и прочее (См.: Мф. 23, 3). Вопрошающему никакого не бывает вреда от дел учащего его; но не бывает и пользы, если он сам не будет исполнять (сказанного), ибо *кийждо... о себе слово даст* (Рим. 14, 12). Учитель о слове своем, а учимый о послушании своем, делами доказанном. Совершаемое же вне этого — против естества и достойно осуждения. Ибо благ и праведен Бог, говорит святой Евстратий, и по благости Своей дарует нам всякое благо, когда благоразумно пользуемся им, как праведно полученным, ради благодарения; но если оказываемся неблагодарными, то лишаемся благого, по правосудию Божию; так что благость Божия и правда Его по естеству подают нам всякое благо, а за злоупотребление его — вечное мучение.

О том, что истинное покаяние есть великое благо

Однако если кто пожелает, — снова полагает начало чрез покаяние. Пал ли ты, сказано, восстань. И снова пал, снова восстань; отнюдь не отчаивайся в своем спасении, что бы ни случилось. Не предавай себя добровольно врагу, и достаточно будет для тебя к спасению этого терпения с самоукорением. *Бехом*, — говорит апостол, — *и мы* некогда *несмысленны,* по своих похотех ходяще и прочее (Ср.: Тит. 3, 3). Итак, отнюдь не отчаивайся, ибо не знаешь помощи Божией. Бог силен исполнить то, чего хочет. Уповай на Него, и Он одно из этого сделает с тобою: или какими-либо искушениями, или иным образом, как Он ведает, устроит твое исправление, или примет твое терпение и смирение вместо делания, или другим образом, которого ты не знаешь, ради упования (твоего), человеколюбиво совершит спасение бездерзновенной души твоей. Только не оставляй Врача, ибо потерпишь двоякую, лютую смерть, по незнанию сокровенного Божия намерения. Как сказано было о ведении, так теперь скажем и о делании, что всякое телесное и душевное делание находится посреди шести сетей. С правой стороны, говорю, и с левой — преувеличением трудов и уменьшением; сверху и снизу — то есть возношением и отчаянием; внутри и вне — то есть между боязливостию и дерзновением, о котором Богослов говорит, что оно по превосходству далеко отстоит от дерзости, хотя по имени и подобно ей; посреди этих шести сетей находится умеренное делание в смирении и терпении. Удивляться надобно уму человеческому, как он превращает [132] все, в нем находящееся, по своему желанию, хотя это и непревратимо, и в других остается таким. Поэтому не все мы имеем одно и то же намерение относительно существующего; но каждый как хочет, так и употребляет вещи — хорошо или худо: чувственные — делом, а мысленные —

---

132 Μετατρέπει — обращает, поворачивает вспять, в слав. «прелагает».

словом и помышлением. Четырех видов [133], как мне кажется, согласно Богослову, и устроений все люди: одним хорошо здесь и в будущем, как всем святым и сделавшимся бесстрастными; другим здесь только хорошо, как недостойно получающим благодеяния душевные или телесные, по неблагоразумию [134] их в отношении к Благодетелю, как тот богатый (См.: Лк. 16, 19) и подобные; иные опять здесь только мучатся, как одержимые продолжительною болезнию, подобно тому расслабленному (См.: Ин. 5, 5), и искушаемые собственною мыслию [135], (но переносящие это) с благодарением; иные же опять и здесь и там мучатся, как искушаемые собственными пожеланиями, подобно Иуде и другим. Также опять и четыре (рода) намерения имеют люди относительно чувственных вещей. Одни ненавидят дела Божии, как демоны, и, по худому своему произволению, охуждают их; другие любят их, как добрые, но — страстно, подобно бессловесным животным, нимало не заботясь о ведении (тварей) по естеству и благодарении; иные, как люди, естественно, с духовным ведением и благодарением, употребляя все с воздержанием; некоторые же опять превышеестественно, как ангелы, созерцают все к славе Творца, ничего не употребляя, кроме необходимого только для жизни, по слову апостола (См.: 1 Тим. 6, 8).

Об общих и особенных благодеяниях Божиих [136]

Посему все мы, люди, должны всегда благодарить Бога, за общие и особенные Его благодеяния, душевные и телесные. Общие суть: четыре стихии и все, от них происходящее, и все, в Божественных Писаниях изложенные, чудные и страшные дела Божии. Особенные же — то, что Бог дал каждому человеку: или богатство — для милостыни; или бедность — для терпения с благодарением; или власть — для правосудия и утверждения добродетели; или повиновение и рабство — для готового спасения души; или здоровье — для помощи нуждающимся и трудов по Богу; или болезнь — для венца за терпение; или знание и силу — для приобретения добродетелей; или бессилие и незнание — для повиновения в безмолвии, со смирением и удаления от вещей; или невольное лишение вещей — для произвольного спасения и помощи тем, которые не могут достигнуть совершенства нестяжания или хотя милостыни; или покой и благоденствие — для того, чтобы добровольно подвизаться и трудиться в добродетелях, так чтобы сделаться бесстрастным и иные души спасти; или искушение и злополучие — чтобы поневоле спастись

133 Θεορίαι — видений, созерцаний.

134 Διά τό μή έχειν εύγνωμοσύνην, в слав. «за еже не имети благодарения».

135 Γνώμη — ум, направление ума и воли.

136 Εύεργεσιῶν, в слав. «дарех».

тем, которые не могут отсекать своих хотений; или, опять, — для совершенства тем, которые могут потерпеть с радостию. Все упомянутое, хотя и противно одно другому, но, по мере надобности, *вся добра зело* (Ср.: Быт. 1, 31), а без надобности не есть добро, но, скорее, вредит душе и телу. Лучше [137] же всего упомянутого — терпение скорбного. И сподобившийся сего великого дарования должен благодарить Бога как наиболее облагодетельствованный, ибо он сделался подражателем Христа и святых Его апостолов, мучеников и преподобных и получил от Бога большую силу и ведение, чтобы произвольно удаляться от сладостного и более желать скорбного, чрез отсечение своих хотений и отвержение мыслей не по Богу, дабы всегда делать и мыслить угодное Богу. И сподобившиеся употреблять вещи лишь по потребности в них должны много благодарить Бога, со многим смирением, что они благодатию Божиею освободились от противоестественного и от преступления заповедей. А мы, еще страстные и злоупотребляющие вещами, как поступающие противоестественно, должны трепетать и много благодарить Благодетеля, со всяким благоразумием, удивляясь Его неизреченному долготерпению. Как Он, тогда как мы ослушиваемся Его заповедей, и злоупотребляем вещами, и отвращаемся даров Его, долготерпит нашему безумию и не перестает нам благодетельствовать, ожидая обращения и покаяния нашего до последнего издыхания. Так все люди должны благодарить Бога, по сказанному: *о всем благодарите* ; отсюда и другое изречение апостола: *непрестанно молитеся* (1 Сол. 5, 18, 17), то есть чтобы иметь памятование о Боге во всякое время, на всяком месте и при всяком деле. Так, если кто делает что-нибудь, то должен помнить о Творце предлежащей вещи, то есть если видишь свет — не забудь о Даровавшем его тебе; если видишь небо и землю, море и все существующее — удивляйся и прославляй Создателя; если надеваешь на себя одежду — познавай, чей она дар, и воспевай Промышляющего о твоей жизни. И просто: всякое движение да будет тебе поводом к славе Божией и вот — ты *непрестанно* молишься. От всего этого радуется душа, по слову апостола (См.: 1 Сол. 5, 16–17), ибо памятование о Боге веселит ее, говорит святой Дорофей, приводя свидетельство Давида, который сказал: *помянух Бога и возвеселихся* (Пс. 76, 4).

О том, что Бог сотворил все к пользе нашей

Потому что все существующее Бог сотворил к нашей пользе. Ангелы охраняют и научают нас. Демоны искушают, чтобы мы смирялись и прибегали к Богу; чрез них мы опасаемся и избавляемся от возношения и нерадения, по страху искушений. И опять, сладостное в мире сем: здо-

---

137 Κρείττων — сильнее.

ровье, говорю, благоденствие, крепость (сил), покой, радость, свет, знание, богатство, успех во всем, мирное устроение, наслаждение, честь, власть, изобилие и все, считаемое хорошим в этой жизни, приводит нас к благодарению и благоразумию в отношении Благодетеля, и к тому, чтобы любить Его и делать, по силе своей, доброе, считая это естественным своим долгом и полагая деланием добра воздать за (полученные) дары, хотя это и невозможно, но (самое делание есть) большой долг. Мнимые же бедствия: болезнь, злополучие, труд, немощь, невольная скорбь, мрак, неведение, бедность, неудачи во всем, боязнь, лишения, бесчестие, удручение, скудость и все противоположное прежде сказанному приводит нас к терпению, смирению и благой надежде в будущем, и не только сие, но и в нынешнем веке это бывает для нас причиною великих утешений. Итак, Бог все хорошо устроил для нас, чудесным образом, по неизреченной Своей благости. Желающий познать это, как должно, пусть подвизается о приобретении добродетелей, чтобы все упомянутое принимать с благодарением — и доброе и кажущееся противным — и во всем пребывать без смущения; и не только в этом, но и когда демоны влагают гордый помысл, чтобы увлечь его в возношение, тогда он должен приводить себе на память прежде говоренное ими сквернейшее и низлагать (гордый помысл) и приходить к смирению. И опять, когда влагают что-либо скверное, (подвизающийся) вспоминает тот гордый помысл и низлагает это, и так, содействием благодати, делает, что они низлагают друг друга воспоминанием, чтобы никогда не прийти в отчаяние от скверного, ни — в безумие [138] от самомнения. Но когда враги возвышают ум его — прибегает к смирению, а когда смиряют его — возносится к Богу надеждою; чтобы никогда не пасть, сделавшись дерзновенным, и, опять, убоявшись, не отчаяться, до последнего издыхания. Великое делание инока в том и состоит, сказано в «Старчестве», чтобы, когда враги предлагают одно, он предлагал другое, а когда они другое, он это ставил на вид, зная, что в жизни сей отнюдь ничего нет неизменного, но *претерпевый до конца, той спасен будет* (Мф. 10, 22), а желающий, чтобы дела совершались, как он хочет, не знает, куда идет, но как слепой, колеблемый всяким ветром, что с ним случится, тому весь совершенно и предается; и как раб боится печального, как пленник порабощается самомнению, думая, по неразумной радости, что он знает то, чего никогда не знал, — что это такое и откуда; если же говорит, что знает, тогда еще более ослепляется. Это бывает от неукорения себя, что называется самоугодием и есть незаметная погибель; как говорит святой Макарий в главах об иноке, который погиб, после того, как, молясь с другими братиями, был в восхищении ума и видел горний Иерусалим, (погиб) потому что счел себя достигшим сего, а

---

138 Ἀπόνοιαν, в слав. «гордость».

не б*о* льшим должником. Ибо как весьма страстные даже и того не видят, от тумана страстей, что явно многим, так и бесстрастные многим недоведомое знают, по чистоте ума.

О том, что слово Божие не есть многословие

Слово Божие, говорит святой Максим, не есть многословие; но все мы, люди, говорим много, и одного слова Божия не исполнили, то есть Бог сказал: *Возлюбиши Господа Бога твоего,* от всея души твоея и прочее (Ср.: Мф. 22, 37). И сколько уже говорили отцы, сколько написали, и еще говорят и пишут, (а мы) и одного этого слова не исполнили. Ибо от всей души, говорит Великий Василий, значит отнюдь не любить чего-либо, вместе с Богом; если же кто свою душу любит, то Бога уже не любит всею душою, но половиною ее. А когда мы и себя самих, и другое бесчисленно (многое) любим, то как можем любить Бога или сказать это? Точно так же и относительно любви к ближнему. Если временную жизнь, а может быть, и вечную не отвергнем из любви к ближнему, подобно Моисею и апостолу, то как говорим, что любим ближнего; ибо первый сказал Богу о народе: «*Аще оставиши им грех их, остави: аще же ни, изглади* и мене *из книги Твоея* [139]*, в нюже вписал еси* » (Исх. 32, 32). Апостол же говорит: «Анафема да буду от Христа» и прочее. *Молил бых ся… сам отлучен быти от Христа по братии моей*, паче же искавших убить его, *иже суть Израилите* (Рим. 9, 3–4). Таковы души святых! Они врагов любят более, нежели самих себя. Потому и в нынешнем веке и в будущем во всем предпочитают ближнего, хотя бы он и враг им был по злому своему произволению; (святые) не ищут воздаяния от тех, кого они любят, но, как сами получающие, радуются, когда отдают другим все свое, чтобы угодить чрез то Благодетелю и по силе своей подражать Его человеколюбию, ибо Он благ и к неблагодарным и грешным. И кто удостоится получить такие дарования, тот тем более обязан считать себя должником пред Богом, вознесшим его от земли и сподобившим персть подражать отчасти Творцу и Богу. Ибо терпеть обиды с радостию и незлобиво, делать добро врагам, полагать душу свою за ближнего и подобное — суть дары Божии, ниспосылаемые произволяющим получить их от Бога старанием *делати и хранити*, как сказано было Адаму (См.: Быт. 2, 15); чтобы дабы пребывали, (хранимые) благодарением к Благодетелю. Ибо ни одного блага мы никогда не имеем от себя, но все блага дарованы нам от Бога, по благодати, как из небытия происходит существующее. *Что бо имаши, егоже неси приял*, — говорит апостол, — туне, то есть от Бога, *аще же и приял еси, что хвалишися яко не прием* (Ср.: 1 Кор. 4, 7), но сам собою делая, что

---

139 Εκ της βιβλου της ζωης — из книги жизни.

невозможно, ибо Господь сказал: *Без Мене не можете творити ничесоже* (Ин. 15, 5).

О том, что без смиренномудрия невозможно спастись

Не знаю, не от сильного ли помрачения страстьми приходит человек в такое безумие, что считает себя, может быть, равным ангелам и даже большим их, думая спастись без смиренномудрия, лишившись которого прежде бывший денница и без другого греха сделался тьмою. Что же потерпит не имеющий смирения смертный и персть, не говорю уже грешник; может быть, по слепоте своей, он не верит, что грешен. Конечно, говорит Златоуст, совершенный человек будет равноангельным, как сказал Господь, то есть при воскресении мертвых, а не в нынешнем веке; но и тогда не ангелами, сказано, а равноангельными будут люди, ибо не могут они оставить своей природы, но — будут, как ангелы, неизменны, по благодати, освобождены от всякого насилия, будут иметь власть самопроизвольную [140] и непрестанное веселие и любовь к Богу, яже *око не виде* и прочее (См.: 1 Кор. 2, 9). Здесь же никто не может быть совершенным, но получает только залог обетованных благ. Однако как не получившие дарований должны смиряться, подобно нищим, так и получившие дарования от Бога, — чтобы не быть осужденными за неразумие. И как богатые должны благодарить Бога за дары Его, так, и еще гораздо более, и обогащающиеся добродетелями. И как нищие должны благодарить Бога и любить богатых, которые им благодетельствуют, за то, что они делают им добро, так, и еще гораздо более, и богатые нищих, — потому что и в нынешнем и в будущем веке они спасаются Промыслом Божиим, ради милостыни, ибо без нищих не только не получат спасения души, но и искушений богатства не могут избегнуть. И как ученики учителей, так и учители учеников должны любить, и друг за друга благодарить Бога, даровавшего всем познание и всякое другое благо, за которое должно благодарить Его; особенно же тем, которые получили силу восстановлять святое крещение покаянием, ибо без последнего никто не может спастись. *Что Мя зовете: Господи, Господи, и не творите, яже глаголю*, — сказал Господь (Лк. 6, 46). Но пусть никто, безумный, слыша это и столькое еще, не подумает, что если он не будет призывать Господа, то останется неповинным, напротив, еще более будет осужден, как сказал Господь: *Аще в сурове древе сия творят, в сусе что будет* (Лк. 23, 31). И: *аще праведный едва спасается*, — говорит Соломон, — *нечестивый же и грешный где явится?* (Притч. 11, 31). И, опять, видя себя отвсюду утесняемым Божественными заповедями, пусть не отчаивается, чтобы не быть осужденным хуже самоубийцы;

---

140 Αυθαίρετον.

но более должен он удивляться Божественным Писаниям и заповедям, как они с той и с другой стороны побуждают человека к совершенству, чтобы он не нашел, куда убежать от доброго и где сыскать послабление в худшее. Но когда захочет сделать что-либо такое, видя пред собою все ужасное, обратится к благому. Бог человеколюбиво и досточудно устраивает, чтобы человек каким-либо образом, и не желая, хотя он и сам в себе имеет власть, сделался совершенным. Благоразумные же подвизаются, стыдясь более благодеяний, как перевезенные через реку во сне, по слову святого Ефрема [141]. Для того умножил Бог искушения, говорит святой Исаак, чтобы мы, устрашаясь их, прибегали к Нему. Не понимающий этого, но, по сластолюбию, порицающий такой дар, сам себя убивает и губит; получив оружие против врагов, он употребляет его для убийства самого себя. Ибо как Бог, говорит Великий Василий, будучи благ, всех хочет сделать благими, так и диавол, будучи лукав, всех хочет увлечь в свое зло, хотя и не может. И как родители, любящие детей своих, угрозами отвращают их от безумных поступков, будучи побуждаемы к тому любовию, так и Бог попускает искушение, как жезл, отвращающий достойных от худых советов диавола. Щадяй *жезл свой, ненавидит своего сына, любяй же наказует прилежно* (Ср.: Притч. 13, 25).

Но так как нам, сластолюбивым и самолюбивым, с обеих сторон предстоит опасность, хотя для боголюбивых это и составляет скорее спасение, — искушения, говорю, попущением Божиим, и отпадение в погибель, чрез гордость, и оттого, что не пребываем при Боге, потому, как сынам, *наказуемым, но не умерщвляемым*, должно избрать легчайшее. Лучше терпением того, что нас постигает, прибегать к Богу, нежели по страху опасностей потерпеть отпадение, впасть в руки диавола и вечное отпадение, точнее же, мучение с ним навлечь на себя. Ибо нам предстоит одно из двух: или потерпеть первое и временное, или второе и вечное. Праведных же ни одна из обеих опасностей вовсе не касается, ибо они с радостию (переносят) то, что нам кажется злополучием; любят (это) и, как нашедшие время к приобретению, приветствуют искушения и не получают от них язв. Тот обыкновенно не умирает от стрелы, в кого она пущена, но не поразила его, а тот погибает, кто получил от нее смертельную рану. Повредило ли Иову уязвление? Не увенчало ли его более? Устрашило ли апостолов и мучеников (бесчестие), когда они: *радоваху-ся*, сказано, *яко за имя Его сподобишася безчестие приняти* (Ср.: Деян. 5, 41)? Победитель сколько бывает борим, столько венчается и получает чрез то б*о* льшую радость; когда услышит звук трубы, не боится его, как вестника о своем убиении, но более веселится, (как) предсказанию о получении венца. Ибо ничто обыкновенно не одерживает победы так лег-

141 См.: Преп. Ефрем Сирин. Поучительные слова к египетским монахам, 21. — Творения. Ч. 2. М., 1849. С. 231–233.

ко, как благое дерзновение с твердою верою, и наоборот, ничто не приносит обыкновенно поражение, как самолюбие и боязнь, происходящие от неверия. Нет иного лучшего руководителя к мужеству, как старание и опыт в деле, и к распознанию тонкости помыслов, как чтение в безмолвии. Ничто столько не бывает причиною забвения, как праздность. Ничто не содействует так прощению грехов, как незлобие, и не служит так примирению (совести с Богом) относительно грехов, как покаяние и отсечение худого. Нет кратчайшего преуспеяния души, как отсечение своих хотений и разумений, и ничего нет лучшего, как повергать себя кому-либо пред Богом день и ночь и просить Его, да будет во всем воля Его; и — худшего, как любить свободу и легкомыслие души или тела. Ибо нам, еще по страху мучений и искушений любящим доброе, отнюдь не полезна свобода, но — охранение себя и удаление от вещей, чтобы хотя удалением от вредного, для нашей немощи, могли мы бороться с помыслами. Ибо начальствующих духов побеждают бесстрастные начальники, уже победившие постыднейшие страсти, а находящиеся в повиновении у отца духовного (подвизаются против) подчиненных духов. Святой Макарий и авва Кроний говорят: есть демоны начальствующие и есть подчиненные. Начальствующие: тщеславие, самомнение и подобные; подчиненные же: чревоугодие, блуд и таковые. Достигшие совершенной любви имеют (над ними) власть, потому что без понуждения себя делают доброе и радуются, когда делают его, не желая никогда его оставлять, и когда, может быть, невольно встретят препятствие, это мучит их, и они, влекомые Божественною любовию, тотчас убегают в безмолвие и к деланию, как к наслаждению своему обычному. Таковым говорят отцы: несколько молись, несколько читай, несколько поучайся, несколько работай, несколько храни ум, и так проводи время. Говорят же это потому, что бесстрастные обладают сами собою и не бывают пленяемы никаким хотением, вне должного, но где хотят, там и имеют ум, и телу повелевают как рабу. А мы должны быть под законом и правилом, чтобы невольно и нехотя, как бы понуждаемые долгом, делали доброе, потому что еще более любим страсти [142] и наслаждения, то есть телесный покой и свои хотения; и куда враг хочет, туда и уводит ум наш; также и тело, имея беспорядочные стремления, чего хочет, то и делает, как неразумное. И поистине: где нет управления ума, там все бывает неразумно и не по естеству, не так, как у истинных израильтян; как Господь сказал о Зилоте Симоне Кананите: *Се, воистинну израильтянин, в немже льсти несть*, проповедуя о добродетели его (Ин. 1, 47). Нафанаил — значит ревность Божия; собственное же имя его было Симон; Кананит — потому что происходил из Каны Галилейской, а Нафанаил — опять за добродетель его, как и израильтянин, то есть ум, видящий Бога, без вся-

142 Ἡδονάς, в слав. «сласти».

кой *льсти* (лукавства). Обычно, говорит Великий Василий, Божественному Писанию называть человека скорее по добродетели, нежели по рождению. Ибо и из верховных апостолов Петр и Павел назывались — один Симоном, и Господь ради твердости его назвал его Петром, а другой — Савл, то есть смущение, и был изменен в Павла, то есть место покоя, покой. И поистине: ибо сколько он сперва возмущал верных, столько после успокоивал души всех делом и словом, как говорит о нем Златоуст. Смотри на благоговение апостола: воспоминая Бога, он не начинал учить, не принеся прежде должного благодарения и моления Богу, показывая этим, что от Него имеет ведение и крепость. И справедливо: после молитвы — учение. И божественный Лука не по нерадению или другой какой-либо нужде оставил недоконченными Деяния апостольские, но потому, что отошел к Богу, а мы, когда оставляем неоконченным дело или предприятие, то делаем это по нерадению или небрежности, ибо не делаем прилежно дела Божия и не любим его, как дело в собственном смысле, но презираем, как ненужное и тяжелое; потому остаемся без успеха или возвращаемся много раз и назад, как возвратившиеся некогда, которые *ктому не хождаху* со Иисусом (Ср.: Ин. 6, 66). Хотя, говорит Златоуст, слово и не было *жестоко*, как они думали, но о догматах было им сказано тогда. Однако где нет произволения и нет старания, там и легкое делается трудным, как и наоборот.

О назидании души добродетелями

Всякий человек, говорит Великий Василий, прежде всего имеет нужду в терпении, как земля в дожде, для того, чтобы, по слову апостола, положить на нем основание (См.: Евр. 6, 7), то есть веру, и мало-помалу рассуждение, как искусный домостроитель созидает дом души: постоянно кладет известь из земли смирения, чтобы соединить камень с камнем, то есть добродетель с добродетелию, пока не положится кровля, то есть совершенная любовь. И так входит Владыка дома и обитает в душе, если она имеет хороших привратников, всегда держащих оружие, то есть светлые мысли, подобающие Богу, и делания боголепные, которые могут успокоить Царя, а не жену привратницу с рукодельем в руках, как говорит святой Нил, толкуя историю Ветхого (Завета), потому, говорит, и не поставил патриарх Авраам жену привратницею, но некоторый мужественный и жестокий помысл, имеющий оружие, как говорит апостол, вместе с прочими и *меч духовный, иже есть глагол Божий* (Еф. 6, 17), чтобы приходящих к нему или убивать, или отгонять. Ибо он не дремлет, но стоит, убивая чуждые помыслы противоположным им деланием и противоречащим словом: все, входящее в сердце вопреки намерению Божию, он отражает презрением и отвержением, чтобы просвещенный (благодатию) ум никак не был праздным от ведения о Боге и Божествен-

ных мыслей. Но сказанное мною, говорит, есть дело безмолвия. Как и в другом месте находим, что святой Нил приводит Божественное Писание, изъясняя, что суетные заботы [143] наводят помрачение ума. Да и поистине (так). Если бы ум не был отвсюду удерживаем, как вода в трубе, то не могла бы мысль сосредоточиться в себе, для того, чтобы возвыситься к Богу, а не возвысившись умом и не вкусив нечто из горнего, как возможет кто-либо легко презирать дольнее? И так верою должны мы *тещи*, по слову апостола (См.: Евр. 12, 1), с терпением, имея своим делом то самое, чтобы благодарить Бога. И со временем хорошо *текущие* могут отчасти познать это и постигнуть, а потом и все в будущем, разрешившимся *зерцалом* (Ср.: 1 Кор. 13, 12) этой тленной жизни, где душа уже не похотствует на плоть, и плоть на дух (См.: Гал. 5, 17), и леность не может более нанести забвения, а забвение — неведения, чем многие из нас ныне страдают, так что надобно и писать для напоминания. Много раз бывало со мною, что самодвижно приходила мысль, и я записывал ее для памяти, а (потом) во время брани имел от нее помощь, или облегчение, или была она поводом к благодарению, когда была засвидетельствована Божественным Писанием. А если бы я вознерадел об этом, мысли не было бы, когда я имел в ней нужду, и я лишился бы пользы ее, по всезлобнейшему забвению. Потому и должны мы делом научиться добродетелям, чтобы привычкою к ним сохранялась память о благом, а не словом только, *не в словеси бо*, — говорит апостол, — *Царствие Божие, но в силе* (Ср.: 1 Кор. 4, 20). Кто ищет делом, тот знает потерю и приобретение в деле, которое он проходит, говорит святой Исаак, и такой может дать и другим совет, как много раз пострадавший и познавший на опыте. Ибо есть, говорит, вещи, которые кажутся хорошими, но имеют сокрытую в себе неизбежную потерю, и есть другие, кажущиеся лукавыми, но внутри себя заключают они величайшее приобретение; потому, говорит (святой Исаак), не всякий человек достаточен дать совет ищущим, но получивший от Бога дарование рассуждения и от долговременного пребывания в подвижничестве приобретший ум проницательный, как говорит святой Максим. И то (надобно) с большим смирением советовать не всем, но добровольно ищущим и не принужденно вопрошающим его, и (говорить) как бы сам еще учился, чтобы чрез смирение и добровольное прошение вопрошающего слово напечатлелось в душе слушающего; и согрет был он верою, видя благого советника, как чудного Того Советника, о Котором сказал пророк Исаия: Бога крепкаго, властителя и прочее (См.: Ис. 9, 6), говорю же, Господа нашего Иисуса Христа, сказавшего к тому злоречившему: *Кто Мя постави судию или делителя над вами* (Лк. 12, 14), — хотя, говорит, и *весь суд даде Сыновi Отец* (Ср.: Ин. 5, 22), но, показывая нам как во всем, так и в этом

143 Περισπασμός.

путь спасения святым Своим смирением, что Он не принуждает, но говорит: *Аще кто хощет по Мне* идти, *да отвержется себе и* последует Ми (Ср.: Мф. 16, 24), то есть пусть вовсе не имеет заботы о своей жизни, но как Я делаю и терплю чувственную и добровольную смерть за всех, так и тот делом и словом да последует Мне, подобно апостолам и мученикам; если же не так, то хотя по произволению да потерпит смерть. И опять к богатому тому сказал: *Аще хощеши совершен быти, иди, продаждь имение твое* и прочее (См.: Мф. 19, 21), о котором Великий Василий говорит, что он солгал, сказав, что сохранил заповеди, ибо если бы сохранял их, то не приобрел бы большого имения, когда закон говорит, во-первых: *возлюбиши Господа Бога твоего… от всея души твоея* (Втор. 6, 5). Но изречение *от всея души* не дозволяет любящему Бога любить что-либо иное, и кто печалится о чем-либо ином, тот уже отвергает оное (изречение). Опять сказано: *возлюбиши* ближняго *твоего, яко сам себе* (См.: Мф. 22, 39), то есть всякого человека. Может ли быть исполнителем сего тот, кто имеет многое имение, тогда как многие другие нуждаются в дневной пище, особенно же имеет пристрастно; если бы он имел их, как Авраам, Иов и прочие праведники, как достояние Божие, то не отошел бы со скорбию. Подобно этому и святой Златоуст говорит: поверил, что сказанное ему Господом есть истина, потому и отошел скорбя, не в силах будучи исполнить. Ибо много есть таких, которые веруют словам Писания, но изнемогают в исполнении написанного.

О том, что любовь и совет со смирением есть великое благо

Господь советует нам сие и другое, большее сего; как находим в Святом Писании, подобно и апостолы пишут: молим вас, возлюбленные, делайте то и то, а мы не принимаем ищущих от нас совета, чтобы утешить их, дабы они, видя, что мы смиряемся и почитаем их, с радостию слушали нас и получали удостоверение [144]; потому что с великою любовию и смирением говорим им слово Святого Писания; и чтобы ради почитания и любви, которые им оказываем, они постарались и приняли от нас вместе с сим и трудное, и оно показалось им легким по любви. Как святой апостол Петр, слыша много раз о кресте и смерти, радовался и, по-видимому, как бы ничего такого не слыхал по любви, какую он приобрел к Учителю; и вовсе не заботился он о чудесах, как неверные, но говорил: *глаголы живота вечнаго имаши* и прочее (См.: Ин. 6, 68). Не так Иуда, дважды умерший: удавился и не умер, но пожил еще в нераскаянии и, заболев тяжко, *проседеся посреде*, как говорит апостол Петр в Деяниях апостольских (См.: Деян. 1, 18). И опять святой апостол Павел, пиша к братии, иногда говорит: *желающе… благоволихом по-*

144 Πληροφορίαν, в слав. «извещение».

дати вам не точию благовествование Божие, но и души своя (1 Сол. 2, 8); иногда же: *себе же самех рабов вам Иисуса Господа ради* (2 Кор. 4, 5); и, опять, пиша к Тимофею, говорит, чтобы он имел старцев якоже отцев*, юноши* яко *братию* (Ср.: 1 Тим. 5, 1). И кто может понять смирение святых и теплейшую любовь, которую они имели к Богу и ближнему? Однако не к сему только должны мы быть внимательны, но и — кому мы говорим или пишем. Желающий научить другого или подать ему совет, скорее же напоминание, как говорит Лествичник, должен сперва очиститься от страстей, чтобы неложно познать намерение Божие и устроение того, кто ищет от него слова. Ибо не всем прилично одно и то же врачевство, хотя болезнь может быть и одна. Потом надобно удостовериться от просящего совета или раз навсегда повинующегося ему душою и телом, по собственному ли желанию просит он, с теплою верою, и ищет слова, без вопроса учителя, или другая какая-либо потребность вынуждает его лицемерить, как будто он хочет слышать слово; чтобы обоим не уклониться в ложь и многословие, лукавство и многое другое. И один, как бы вынуждаемый тем, кто его учит, говорит без произволения и лжет из стыда и лицемерит, как бы желая делать доброе, а другой лукавит и ласкает учимого им, чтобы постигнуть скрытое в его мысли, и просто: употребляет всякую хитрость и многословие, но как Соломон говорит: *от многословия не избежиши греха* (Притч. 10, 19). И Великий Василий написал, какие (происходят от) сего согрешения. Но это сказано не для того, чтобы мы отрекались учить приходящих к нам в подчинение, с твердою верою, особенно же бесстрастно расположенные [145]; но чтобы дерзко, по тщеславию не учили тех, которые не ради дела и не с теплою верою хотят слышать, когда мы сами еще страстные, и не делали сего властительски. Но как сказали отцы: без вопрошения братии не должно говорить чего-либо для пользы, чтобы доброе было по (свободному) произволению, как говорят апостолы: не *яко обладающе причту, но образи бывайте стаду* и прочее (Ср.: 1 Пет. 5, 3). И к святому Тимофею апостол сказал: *делателю прежде подобает от плода вкусити* (2 Тим. 2, 6), то есть напоминая о делании тому, которому должно учить. И опять: *никтоже о юности твоей да нерадит* (1 Тим. 4, 12), то есть: отнюдь не делай чего-либо юношеского, но поступай как совершенный о Христе. Подобно сему и в «Старчестве» [146] сказано, что без вопрошения братии отцы не говорили служащего к спасению души, но считали это за празднословие. И поистине так, ибо когда мы думаем, что больше знаем, нежели другой, тогда мы сами по себе произносим слово; и насколько мы подлежим ответственности, настолько думаем, что имеем свободу. Как святые насколько приближаются к Богу,

---

145 Διακείμενοι, в слав. «пребывающие».

146 Το Γεροντικον λεγει.

настолько видят себя грешными, как говорит святой Дорофей [147]; и достигшие познания о Боге приходят в ужас и в недоумение. Подобно сему и ангелы от бесконечного веселия и ужаса не могут насытиться славословием, и потому, что удостоились воспевать такого Владыку, непрестанно воспевают, удивляясь бывающему от Него, как говорит Златоуст, и преуспевая в большее познание, как сказал Богослов; подобно сему и все святые в нынешнем веке и в будущем. И как умные силы преподают просвещение друг другу, так и словесные друг от друга научаются; некоторые, получая опыт из Божественных Писаний, учат низших; а некоторые, мысленно учимые Святым Духом, открытые им тайны объявляют другим чрез Писание. Посему все мы должны смиряться перед Богом и друг перед другом, как получившие от Бога бытие и все остальное и чрез то познание друг от друга. Имеющий смирение более просвещается, а не хотящий смириться пребывает во тьме, как бывший прежде Денница и после диавол. Ибо он был прежде из высшего чина умных сил, то есть десятого, из высшего чина, предстоящего страшному Престолу, и первого от земли; но за возношение сделался с послушавшими его ниже не только девяти чинов, но и нас, земных, и под преисподнюю в тартар низвергнут был за неразумие. Потому много раз было сказано, что и без другого греха (одной) гордости достаточно, чтобы погубить душу. Кто считает свои согрешения малыми, говорит святой Исаак, тому попускается впасть в б*о* льшие. И получивший от Бога дар, но неблагодарный, лишается его, потому что сделал себя недостойным Божиего дара, как говорит Великий Василий, ибо благодарение ходатайствует о нас. Но да не будет благодарение (наше), как того фарисея (См.: Лк. 18, 11), осуждающее других и оправдывающее себя; но, скорее, как более всех находящееся в долгу, и по недоумению благодарящее, и с ужасом рассматривающее неизреченное долготерпение Божие. И не только это, но и удивляться надобно тому, как препетый Бог, ни в чем не имеющий нужды, принимает благодарение от нас, всегда Его прогневляющих и преогорчающих, при стольких и толиких благодеяниях Его, общих и особенных, о коих писал Григорий Богослов и другие отцы, не только телесных, но и душевных, многообразных и бесчисленных. Одно из них есть и то, что некоторые места в Божественных Писаниях явны и удобопостижимы, а другие некоторым неявны и неудобопостижимы, чтобы теми нерадивых привлечь к вере и к изысканию остального, и чтобы от непонимания мы не впали в отчаяние и неверие. Сими же (непонятными предохраняет нас), чтобы мы не подпали большему осуждению, презирая понятое слово; но чтобы добровольно трудящиеся и же-

147 См.: Преп. Дорофей Газский. Душеполезные поучения, 2 (О смиренномудрии). М., 1856. С. 44.

лающие делом уразуметь неясное получали за то похвалу, как говорит Златоуст.

О том, что частое напоминание Божественного Писания не есть многословие

И опять одно и то же изречение много раз встречается в Божественном Писании; однако это не есть многословие, но для того (сделано), чтобы частым напоминанием и весьма ленивых в слушании, с удивлением, человеколюбиво привести к памятованию и пониманию говоримого, и чтобы слово не прошло скоро мимо ушей, по краткости встретившегося изречения, особенно когда мы заняты бываем житейскими вещами, ничего не зная даже и *отчасти*. Ибо *отчасти*, говорит Златоуст, не есть целая часть, но часть части. Оно *упразднится*, не истребится и не уничтожится вовсе, ибо если бы мы не имели знания, то не были бы и людьми; но *упразднится* (ведение) отчасти от (видения) *лицем к лицу*, как возраст младенца при переходе в возраст мужа, что сказал и сам апостол, изъясняя слово свое притчею о младенце (См.: 1 Кор. 13, 10–11). Как снова говорит Златоуст: теперь мы знаем, что есть небо, но не знаем, каково оно; тогда же *упразднится* меньшее при большем, то есть знание наше, (мы будем знать) и каково оно, ибо знание возрастает. В Божественных Писаниях находятся многие тайны сокрытыми, и мы не знаем намерения Божия в произносимом нами. Но не возносись, по неразумию, говорит Богослов, над нашим благоразумием, порицая слова. Неразумно и невежественно обращать внимание на слова, а не на силу намерения, говорит Великий Дионисий. Когда же кто-либо поищет блаженным плачем, тогда находит, ибо в этом состоит делание страха, чрез которое бывает откровение тайн. Вот (например) пророк Исаия говорит: *мертвии же живота не имут видети;* и опять: *воскреснут мертвии* (Ис. 26, 14, 19); но это не есть разногласие, как думают не знающие смысла, как сказано было о созерцании Божественного Писания. О идолах язычников сказал (пророк): *живота не имут видети*, потому что они бездушны. А *воскреснут мертвии* — пророчествуя о общем воскресении и веселии праведных, и не только об этом, но и о воскресении умерших со Спасителем нашим Иисусом Христом. Также и в Святом Евангелии о преображении Самого Господа говорят Евангелисты, один: убо *и по шести днех* (Мк. 9, 2), другой же: *и по осьми* (См.: Лк. 9, 28), то есть с предшествовавшим чудотворением и учением Господним. Но один говорит, опуская первый и последний день, о средине их, называя шесть; другой же, присоединив и тот и этот, говорит восемь. И, опять, Богослов Иоанн, в Святом Евангелии своем, в двух местах говорит, в первом: *многа же и ина знамения сотвори Иисус пред ученики Своими, яже не суть писана в книгах сих* и прочее (См.: Ин. 20, 30), и в

другом: *суть же и ина многа, яже сотвори Иисус* (Ин. 21, 25), — и не говорит: — *пред ученики Своими*. О чем писал святой Прохор, написавший и то и другое: что первое Евангелист говорит о чудесах и о прочем, что соделал Господь, чего не написал (сам Богослов), ибо оно уже прежде было написано другими Евангелистами, потому и прибавил: *пред ученики Своими* ; другое же изречение — о сотворении мира, когда бестелесно было Слово Божие, с Которым Отец все создал из ничего, сказав: *Да будет* сие… *и бысть* (См.: Быт. 1), *яже аще бы по единому писана быша*, — говорит Богослов, и прочее (Ин. 21, 25). И просто: всякое писание и всякое слово Божие или какого-либо святого заключает в себе скрытое намерение (касательно) чувственных или мысленных творений, и не только это, но и всякое человеческое слово также. И никто не знает смысла встретившегося изречения, иначе как по откровению. Как Господь говорит о ветре: *Дух, идеже хощет, дышет* и прочее (Ин. 3, 8), о чем Златоуст сказал: не потому, чтобы воздух имел власть, говорит Христос *идеже хощет*, но снисходя немощи Никодима, указывает на ветер, дабы (Никодим) понял говоримое ему. И притчею о воздухе сказал о Святом Духе, то есть о слове, которое говорил ему (Никодиму) и некоторым другим, — (глаголы) *яже* глаголю *вам, дух суть* (См.: Ин. 6, 63), то есть духовное, а не как вы думаете, ибо не о телесных вещах говорю Я, чтобы вы, будучи телесными, могли понять это. Потому, говорит Дамаскин, если кто-либо не услышит от самого сказавшего слово, с каким намерением оно сказано, то не может сказать: знаю намерение, с которым он это сказал. Как же осмелится кто-либо сказать, что знает намерение Божие, сокрытое в Святых Писаниях, без откровения Сына Его? Когда Сам Христос сказал: *Емуже аще волит Сын открыти* (Мф. 11, 27), то есть тому, кто имеет произволение получить от Него мысленно, чрез соблюдение Божественных Его заповедей, без которых говорящий, что он знает, — обманывается, ибо он говорит гадательно, а не поистине научился от Бога, сказал Лествичник, хотя по самомнению и хвалится безмерно. К такому говорит Богослов иногда: о ты, любомудрейший, и прочее, а иногда: о ты, книжник, — порицая возношение, вследствие которого таковой неразумно думает, что имеет что-либо. Но и самое то, что он думает иметь, *взято будет от него*, потому что не захотел он сказать: «не знаю», как и все святые, чтобы чрез смирение (исполнилось на нем) дано будет *ему и преизбудет* (Ср.: Мф. 13, 12), подобно тем, которые, и зная, говорили, что ничего не знают, как пишет Златоуст. Ибо апостол не сказал, *не у что разуме*, но не уразумел, *якоже подобает разумети* (1 Кор. 8, 2), а потому хотя и знает, но *не якоже подобает*.

Изъяснение [148] о лжеименном знании

Таково лжеименное знание, оно думает, что знает то, чего никогда не знало. И оно хуже совершенного неведения, говорит Златоуст, потому что не принимает исправления от какого-либо учителя, но наихудшее неведение считает себя хорошим. Потому отцы и говорят, что мы должны с трудом и смирением, с советом опытных, изыскивать изложенное в Писаниях и научаться более делом, нежели словом: умолчанного же Божественными Писаниями отнюдь не испытывать, ибо это безумие, как говорит Великий Антоний о тех, которые ищут предузнавать будущее, а не скорее отрицаются сего, как недостойные. Хотя, может быть, и по промыслу Божию, это бывает, как было на Навуходоносоре (См.: Дан. 4) и древнем Валааме (См.: Числ. 22) и служило к общей пользе, хотя они и недостойны были, а не от демонов, и особенно когда такие предсказания бывают чрез сновидения и некоторые явления; однако об этом нам не сказано, для того, чтобы мы телесным и нравственным деланием испытывали Писания, по заповеди Господней (См.: Ин. 5, 39), и находили жизнь вечную; но не словом только искали и по самомнению полагали, что понимаем нечто, особенно же сокрытое от нас, для большего смирения и для того, чтобы мы не были осуждены, как преступающие в ведении. Ибо если ум, сподобившийся приобрести знание, не подвизается о поучении в Божественных Писаниях и дарованных ему познаниях, и не упражняется в этом много, во внимании со смирением и страхом Божиим, то как недостойный дарованного ему Богом с угрозою лишаем бывает знания, как Саул царства, говорит святой Максим. А упражняющийся и подвизающийся, говорит, должен, подобно Давиду (См.: 2 Цар. 12), всегда молиться и взывать: *Сердце чисто созижди во мне, Боже, и дух прав обнови во утробе моей* (Пс. 50, 12), чтобы сделаться достойным наития Его, как некогда апостолы получили благодать в третий час дня, по сказанному в Деяниях: *есть бо час третий дне*, а день тот был воскресный, как говорит божественный Лука (Деян. 2, 15). Ибо Пятидесятница есть седьмое воскресенье от того, в которое бывает называемая по-еврейски Фаска, а по-гречески значит это «переход, свобода». Воскресенье, которое бывает по прошествии пятидесяти дней, называется Пятидесятницею, как завершение всех дней, находящихся в средине, и Пасха пятидесяти дней по закону. Как и святой Иоанн Богослов в своем Евангелии говорит: *в последний день великий праздника* (Ин. 7, 37), ибо тогда было отдание праздника Пасхи. Тройственный из часов получил в наследие благодать, говорит Дамаскин и прочие, то есть в третий час, но в единый день Господень [149], говорит, чтобы научить нас почитать

148 Δηλωσις.

149 Κυρία των ήμερων.

три Лица в простоте власти, то есть Единого Божества, ибо воскресенье [150] называется единым днем седмицы, а не первым, как говорит Златоуст. Божественное Писание отделяет сей день (от прочих) и ветхое, пророчествуя о нем, называет его не по порядку исчисления, как второй день и прочие, ибо если бы не отделяло оно сей день, то называло бы его первым; но потому он и называется *единою от суббот*, то есть из седмицы. В новой же благодати воскресеньем называется этот святой и славный день, ибо в сей день совершились особенные и свойственные Владыке дела, как-то: благовещение, и рождество Господа, и воскресение Его, да и общее воскресение мертвых будет. В этот день, говорит Дамаскин, сотворен был Богом чувственный свет, и в тот же день опять будет пришествие Господне, чтобы на бесконечные веки остался один тот день — осьмой, сущий вне семи веков этих, имеющих дни и ночи. Но так как мы удостоились узнать от святых цель таковых дел, то познаем и цель каждого предприятия настоящего слова с начала его, свыше. То, что однажды упомянуты (в нем) наименования книг и святых, сделано для того, чтобы мы всегда вспоминали слова их и соревновали их жизни, как говорит Великий Василий, и для познания неведущим. Знающий пусть вспоминает, а не знающий сего пусть поищет упомянутую книгу. Потом наименование святого или подлежащее Писание его расположены по местам, для частого напоминания, чтобы по малым изречениям мы вспоминали дела и слова каждого из них, и — к уразумению следующего в каждом изречении Божественного Писания или рассуждений учителя, и для благого совета, и (в доказательство того), что не мое то, что я говорю, но из Божественных Писаний; (также) для того, чтобы удивляться неизреченному человеколюбию Божию и рассматривать его, как чрез бумагу и чернила Бог устроил спасение наших душ и даровал нам столько Писаний и учителей православной веры. И как я, будучи невеждою и нерадивым, сподобился пройти столько Писаний, не имея вовсе своей собственной книги или чего-нибудь другого, но всегда быв странником и бедным, хотя и жил я во всяком покое и беспопечительности, со многим наслаждением телесным. Некоторые (изречения) остались и безымянными, но это произошло от моего невнимания и для того, чтобы не продолжилось слово. Вопросы и разрешения дел общих положены — для знания и благодарения Даровавшему святым отцам нашим ведение и рассуждение, а чрез них и нам, недостойным, и к порицанию нам (себя) самих, немощных и незнающих. Сказано было и о праведных, которые в древности спаслись, при великом богатстве и среди грешников и неверовавших людей: хотя они были люди того же самого естества, как и мы, не желающие достигнуть меры совершенства, хотя мы и получили многий опыт и познание в добром и худом, ибо

---

150 Κυριακή.

научились и тому, что они знали, и сподобились большей благодати и толикого познания Писаний. Об иноческих наших деланиях (было сказано), дабы мы знали, что везде можем спастись, если оставим свои хотения; если же не сделаем этого, то не будем иметь покоя и не можем познать и исполнять Божественной воли. Ибо наша собственная воля есть преграда, отделяющая нас от Бога, и если не разрушится преграда, то мы не можем познать и исполнять угодного Богу, но находимся вне этого и бываем насилуемы врагами поневоле и нехотя. И что безмолвие выше всего, и без него мы не можем очиститься и познать нашу немощь и козни демонов. Но и силу и промысл Божий не успеем познать из читаемых и воспеваемых (нами) Божественных слов, ибо все мы, люди, имеем нужду в таком упразднении (безмолвии) или отчасти, или вполне, и без него никому невозможно достигнуть духовного познания и смиренномудрия, чрез которые познает произволяющий тайны, сокровенные в Божественных Писаниях и во всех творениях. И что не должно употреблять вещь, или слово, или начинание, или разумение без необходимой потребности — душевной и спасительной или для телесной жизни. И что без рассуждения и кажущееся добрым неприятно Богу. Но и благое делание без правого намерения не может принести пользы. Прежде написанные тропари — для уразумения их и других Писаний, и — чтобы умилялись те, которых ум еще немощен, как говорит Лествичник. Пение, говорит Великий Василий, привлекает мысль человека, к чему хочет: или к плачу, или к любви, или к печали, или к веселию. И — (потому), что мы должны *испытывать Писания*, по заповеди Господней, да обрящем *в них живот вечный* (Ср.: Ин. 5, 39), и быть внимательными к смыслу псалмов и тропарей, и — чтобы познать нам в полном сознании, что мы не знаем. Ибо если кто-либо, говорит Великий Василий, не получит познания, то не знает, чего он лишается. О рождении добродетелей и страстей написано для опыта и познания, чтобы знал о них (читающий) и подвизался о рождающих их: некоторые из них приобрести, некоторые оставить и некоторые побеждать противоположным деланием. И что телесные деяния мы должны, подобно растениям, раз навсегда соблюдать чрез труд; к душевным же добродетелям быть всегда внимательными и поучаться, как приобрести каждую из них; и из Божественных Писаний и от святых мужей научаться сему и тщательно сохранять это деланием, с болезнованием души, как сокровище, пока не придем в навык, подлежащий добродетели. И так старательно начнем другую, как говорит Великий Василий, чтобы, устремляясь ко всем вдруг, не изнемочь нам, может быть. Но начнем с терпения всего, нас постигающего, и так пойдем с благою силою к прочим, с полным желанием, имея намерением благоугодить Богу. Все мы как христиане должны соблюдать заповеди, ибо не телесный труд нужен нам для приобретения душевных добродетелей, но только произволение и усердие к по-

лучению дара, как говорят Великий Василий, Григорий Богослов и другие, однако чрез телесные делания это бывает удобнее, особенно для безмолвствующих, по их беспопечительному образу жизни и незаботливости ни о чем, ибо не может человек видеть своего нрава и исправлять его, если не будет иметь свободы (от забот) и не позаботится о сем. Потому должен кто-либо сперва приобрести бесстрастие удалением от вещей и от людей, и тогда, если призван будет, по времени, начальствовать другими и устраивать дела без осуждения и вреда (для себя); от навыка в беспристрастии придя в совершенное бесстрастие. Особенно же, говорит Дамаскин, если получил призвание от Бога, как Моисей, Самуил и прочие пророки и святые апостолы, для спасения многих. И не только, говорит, это, но должно и отрицаться, подобно Моисею, Аввакуму, Григорию Богослову и другим. И как святой Прохор сказал о святом Иоанне Богослове, что он не пожелал оставить любимое им безмолвие, хотя и долг имел не безмолвствовать, но проповедовать как апостол. И не как страстный удалился он в безмолвие, будучи бесстрастнейшим, — вовсе нет, но не желая отлучиться от ведения о Боге и лишиться когда-либо сладости безмолвия. Другие, опять, по смиренномудрию, будучи бесстрастными, удалялись во внутренние пустыни, боясь молвы, как Великий Сисой, когда ученик его звал к покою, не послушал его, но сказал: пойдем туда, где нет людей [151]; хотя он и достиг такого бесстрастия, что был пленником любви к Богу и, сделавшись от нее нечувственным (к земному), забывал, ел ли он или нет. И вкратце: все отсекали хотения свои, во всяком безмолвии, и таким образом иные, быв учениками, поставляемы были учителями, для того, чтобы учить других, и принимать помыслы, и начальствовать другими или чрез архиерейство, или чрез игуменство, получая в мысленном чувстве печать от Святого Духа, наитием Его, как святые апостолы и прежде них бывшие Аарон, Мелхиседек и прочие. Дамаскин говорит (о сем): кто покушается дерзко взойти на такую степень, тот бывает осужден, ибо если те, которые без царского повеления бесстыдно занимают должности, подвергаются великому осуждению, то насколько большему осуждению подвергнутся те, которые осмеливаются (принимать) дарования Божия без Его повеления. И еще более, если по неразумию и возношению своему полагают, что не подвергнутся осуждению за такое страшное начинание; или думают проходить его ради чести и покоя, а не ради глубочайшего, скорее, смирения и (готовности) предавать себя на смерть за друзей и врагов, когда позовет к тому время; как делали святые апостолы, когда учили других, сами бесстрастные и мудрые по превосходству. Если же мы не знаем и того самого, что мы немощны и недостаточны, то что и говорить? Воз-

---

151 Ср.: Достопамятные сказания о подвижничестве святых и блаженных отцов. Об авве Сисое, 2. СПб, 1855. С. 296.

ношение и неразумие ослепляют тех, которые не хотят в упразднении себя видеть свою немощь и неразумие. В «Старчестве» сказано, что келлия инока есть пещь вавилонская, в которой три отрока обрели Сына Божия. И еще: сиди, говорит, в келлии твоей, и она всему тебя научит. И Господь говорит: *Идеже два или трие собрани во имя Мое, ту есмь посреде их* (Мф. 18, 20). И Лествичник: *не уклонися*, говорит Соломон, *ни на десно, ни на шуе* (Ср.: Притч. 4, 27), но путем царским шествуй, то есть безмолвствуя с одним или с двумя. Не один в пустыне, и не в большом обществе. Средний из обоих путей многим, говорит, бывает полезен. И еще: пост смиряет тело, бдение просвещает ум, безмолвие приносит плач, плач очищает человека, омывает душу и делает ее безгрешною. Потому и написаны в конце книги наименования почти всех добродетелей и страстей, чтобы мы знали, сколько добродетелей должны мы приобрести и сколько худого оплакивать. Ибо без плача не бывает очищения, а плача нет во всегдашнем развлечении. И без очищения души не бывает извещения (в спасении); без извещения же — разлучение души от тела бедственно, ибо неизвестное, говорит Лествичник, может быть и неверно. Прежде описанные восемь ведений не суть наши делания, но возмездия за наши труды в добродетелях, и мы не должны приобретать их чрез чтение только, хотя и стремимся, по гордому усердию, как говорит Лествичник, к совершеннейшим, то есть четырем последним, ибо они небесны, а нечистый ум не вмещает такового. Но все наше старание мы должны обращать на телесные и душевные добродетели, и так рождается в нас первая заповедь, то есть страх Божий. И когда пребываем в нем, рождается плач, и когда мы получим навык в одном ведении, тогда благодать Божия, общая всех матерь, как говорит святой Исаак, дарует нам высшее того, пока мы не приобретем в себе семь ведений, (тогда) сподобит и осьмого, которое есть делание будущего (века), — прилежно трудящихся в добродетелях, с правым намерением благоугождения Богу. Мы же, когда сама собою придет нам от Бога мысль или первая, или какая-либо, внезапно, без ведома нашего, должны тотчас оставлять всякое житейское попечение, часто и самое правило, и пришедшее духовное познание и умиление соблюдать как зеницу ока, пока оно не оставит нас промыслительно. И поучаться тогда в написанных изречениях страха и плача всегда, и прежде правила и после его, когда мы свободны днем и ночью, или занимаясь рукоделием, будучи еще немощны и удобосклонны ко сну и лености, или праздные, могущие пребывать в непрестанном плаче и быть пленяемы произносимыми изречениями и происходящими от того слезами; потому и написаны (сии изречения), чтобы неопытные в них, подобные мне, с помощию сказанного, возбуждали ум свой от лености, поучением в них и вниманием, а имеющие усердие и опыт, от навыка в делании добродетелей, знают гораздо более сказанного; особенно же во время само собою приходящего

умиления. Ибо великую силу имеет такой час, большую, нежели умиление, происходящее от нашего делания. Однако пусть никто не считает себя делателем таких дарований, но скорее, как получивший превыше своего достоинства, он должен много благодарить и страшиться, чтобы не подпасть за них большему осуждению, что нисколько не потрудившись, он сподобился делания ангельского. Ибо познание дается для поощрения ума, и крепость для того, чтобы мы соблюдали заповеди, и возделывали добродетели, и уразумели, как и для чего мы это делаем, и что должно делать и чего удаляться, чтобы не быть осужденными, и для того, чтобы, окрыляемые познанием, мы трудились с радостию и получали большее ведение, и крепость к деланию, и веселие, и при совершении сего (над нами) сподобились благодарить Подателя сего, зная, откуда мы получили такие блага. Благодаримый нами, Он подает нам большие блага, и получив дары, мы более возлюбим Его и любовию достигнем премудрости Божией, начало которой есть страх Господень (См.: Пс. 110, 30; Притч. 1, 7). Делание страха, говорит святой Исаак, есть покаяние, чрез которое бывает откровение таин [152]. В мыслях же страха надобно поучаться таким образом: по окончании вечернего молитвословия должно произнести: «Верую», «Отче наш» и «Господи помилуй» много раз, и потом делатель садится лицом к востоку, как плачущий над мертвецом и, качая головою своею, с болезнованием души и стенанием сердечным, произносит прежде написанные изречения подлежащего познания, начиная с первого, пока не достигнет молитвы, и тогда падает на лицо свое пред Богом с неисповедимым трепетом и молится: сперва благодарением, потом исповедуясь, и прочими словами молитвы, как прежде было сказано. Ибо Великий [153] Афанасий говорит: мы должны исповедаться в согрешениях по неведению и в тех, которые мы сделали бы, если бы благодать Божия не избавила нас, чтобы не быть за них истязанными в час смерти. Также и друг о друге должны мы молиться, по заповеди Господней и апостольской. Намерение произносимого в молитве должно быть таково: благодарение — о приносимой в час сей благодарности, с сознанием ее недостаточности, и нерадение в другие времена, и — того, что час сей есть благодать Божия. Исповедание же изображает дарованное нам, и то, что оно безмерно, и я не мог всего понять, но и узнать не мог, а только получил слух, и то о некоторых (дарованиях), но не о всех. И — что мы явно и неявно получаем благодеяния и (видим) неизреченное терпение Его, при множестве грехов наших. И что я недостоин и того самого, чтобы взирать горе, как делал мытарь, и не на иное что-либо смею (надеяться), как только на неизреченное человеколюбие Божие, и повергаюсь пред Ним, как Даниил пред ангелом Божи-

152 Των κρυπτων.

153 Μέγας, в слав. «святый».

им, и как апостолы и другие отцы от всей души; но и это (считаю) дерзновенным (с моей стороны), потому что я недостоин так поступать. И высказываю вкратце виды согрешений моих, чтобы помнить их и плакать о них. Исповедаю свою немощь, да приидет на *мя*, по слову апостола, *сила Христова* (Ср.: 2 Кор. 12, 9), и чтобы было мне прощено множество худых дел моих, не смею просить о всех, но о большем числе худых (дел) моих. И чтобы обуздано было во мне все худое и лукавая моя привычка. Как не могущий противостоять, прошу Всемогущего остановить стремление страстей и не попустить мне согрешать пред Ним или пред каким-либо человеком, чтобы хотя чрез сие получить мне спасение, по благодати; и чтобы от памятования (согрешений) приобрести мне болезнование души, и то, чтобы молиться о других, по слову апостола (См.: Иак. 5, 16), и — любовь ко всем. И перечисляю виды страстей, как насилуемый ими, и прибегаю ко Владыке и к умилению. Молюсь и о тех, которых я оскорбил, и которые меня оскорбили или имеют оскорбить, как не желающий иметь и следа злопамятства и боящийся в то время своей немощи, чтоб не случилось, что я тогда не в силах буду потерпеть с незлобием или молиться о них, по заповеди Господней (См.: Мф. 5, 44; Лк. 6, 28). И потому, предупреждаю время, по слову святого Исаака: прежде недуга поищи врача, и прежде искушения молись. (Молюсь) и о прежде отшедших, чтобы они получили спасение, и чтобы самому вспоминать смерть, да и молитва за всех есть признак любви, а я сам имею нужду в молитве всех. И для того, чтобы быть управляемым Богом и быть таким, каким Он желает, и соединяться с другими, дабы их молитвами быть и мне помилованным, считая их во всем превосходнее себя. Не смею теперь просить прощения всякого моего согрешения, чтобы, не смиряя как-либо себя самого, не признать мне других недостойными помилования. И как (ничего) не знающий и бессильный что-либо сделать, прибегаю и прошу, чтобы было со мною, — как благоволит Его человеколюбие, страшусь правосудия, как грешник, и говорю только, чтобы не лишиться мне стояния одесную Тебя, да буду хотя самым последнейшим из всех спасаемых, потому что и сего я недостоин. И молиться о всем мире, как приняли мы от Церкви. И о том, дабы мне удостоиться Божественного причащения, как должно; и чтобы, молясь прежде сего, я нашел готового помощника, когда пожелаю причаститься; и чтобы вспоминать мне пречистые страдания Спасителя нашего и получить любовь к сему воспоминанию, и да будет мне причащение (Святых Таин) в общение Святого Духа. Ибо Сам Утешитель утешает плачущих по Богу в нынешнем веке и в будущем, и от всей души, со многими слезами молящихся Ему и говорящих: «Царю Небесный» и прочее; и да будет мне причащение Пречистых Таин в залог сущей во Христе вечной жизни, молитвами Всепречистой Его Матери и всех святых. Потом, повергаясь пред всеми святыми, прошу их помолиться о мне, как могущих

приносить моление Владыке. И так по обыкновению (начинаю) молитву Великого Василия, как заключающую в себе чудное богословие; и (хочу) просить только воли Божией и благословлять Его. И после сего тотчас (говорю) к своим помыслам с большою силою и вниманием: «Приидите поклонимся…» трижды и прочее, как прежде написано, дабы сердечною молитвою и поучением в Божественных Писаниях очистился ум и начал видеть тайны, сокрытые в Божественных Писаниях. Однако да будет душа твоя во время молитвы чиста от всякого зла и тем более злопамятности, как сказал Господь (См.: Мк. 11, 25; Еф. 4, 31; 1 Тим. 2, 8). Ради этого и Великий Василий, наказывая противоречие, как родителя злопамятности, говорит к игумену, чтобы назначать тому, кто противоречит, много поклонов, до тысячи; но обозначая число, сказал: или тысячу, или один; то есть или тысячу поклонов должен прекословящий положить пред Богом, или один пред настоятелем, то есть (говоря): «Прости меня, отче». И — получает он разрешение от уз за один только в собственном смысле поклон и отсечение страсти противоречия. Противоречие несвойственно христианской жизни, говорит святой Исаак, взяв изречение это от апостола, который сказал: *аще кто мнится спорлив быти* в вас*, мы таковаго обычая не имамы*, — и чтобы кто-либо не подумал, что он сам только отвергает противоречивого, прибавляет, — *ниже Церкви Божия* (1 Кор. 11, 16), чтобы противоречивый знал, что он, когда противоречит, — вне всех Церквей и Бога, и имеет нужду в том чудном одном поклоне, которого если не сделает, то и тысяча других не принесет ему пользы, при нераскаянности нрава. Покаяние, говорит Златоуст, есть отсечение худого, а так называемые поклоны суть только коленопреклонения и выражают, что в образе раба, без возношения, повергается (человек) пред Богом и людьми, когда погрешил в чем-либо. Чтобы было место оправданию его, когда он вовсе не противоречит и не покушается оправдать себя, как тот фарисей, но, скорее, подражает мытарю, в том, что считает себя худшим всех и недостойным воззреть горе. Ибо если он думает, что имеет покаяние, и покушается противоречить судящему его благоразумно или неразумно, то он недостоин прощения по благодати, как ищущий судилища и оправдания и думающий правым путем достигнуть чего-либо. Такое предприятие чуждо заповедей Господних. И поистине: где оправдание на словах, там ищется справедливость, а не человеколюбие, и не действует уже благодать, оправдывающая нечестивого и без дел правды, ради одного благоразумия и терпения укоризн, с благодарением тех, которые его укоряют, и терпением порицающих его с полным незлобием, чтобы молитва его была чиста и покаяние действительно. Ибо сколько кто-либо молится о клевещущих на него и порицающих его, столько Бог удостоверяет (в истине) враждующих на него и подает ему успокоение чрез чистую и продолжительную молитву. И не для того говорим мы подробно просимое

нами, чтобы учить Сердцеведца Бога, но чтобы самим нам прийти от сего в умиление. И как желающие более пребыть с Ним старательно умножаем слова, благодаря Его и исповедуясь Ему, по возможности, о стольких Его благодеяниях; как говорит Златоуст о блаженном Давиде, что это не есть многословие и не разноречие, — если одно и тоже изречение или подобное ему произносится многократно, — но пророк (делает это), побуждаемый любовию, и для того, чтобы слово молитвы впечатлелось в уме молящегося или читающего. Бог знает все, прежде нежели оно происходит, и Ему нет надобности слышать разговор, но мы имеем в этом нужду, чтобы знать, чего мы просим и о чем молимся, дабы навыкнуть нам благоразумию и чрез прошения быть привязанными к Богу; чтобы, обуреваемые помыслами и находясь вне памятования о Боге, мы не были побеждены врагами; но при помощи молитвы и поучения в Божественных Писаниях приобрели усвоение добродетелей, о которых святые отцы — один в одном, другой в другом месте — написали, по благодати Святого Духа, я же, научившись от них, скажу, по возможности, наименования добродетелей, хотя и не всех, однако, по недостатку моего познания. Они суть:

Исчисление добродетелей

Мудрость, целомудрие, мужество, праведность, вера, надежда, любовь, страх, благочестие, ведение, совет, крепость, разум, премудрость, сокрушение, плач, кротость, исследование Божественных Писаний, милостыня, чистота сердца, мир, терпение, воздержание, постоянство (твердое выдерживание), благое произволение, решимость, чувство, прилежание, утверждение себя в Боге, горячность, бодрость, теплота духа, поучение, старание, трезвенность, памятование, собранность мыслей, благоговение, стыд, стыдливость, раскаяние, удаление от злого, покаяние, обращение к Богу, сочетание со Христом, отречение от диавола, соблюдение заповедей, хранение души, чистота совести, память о смерти, болезнование душою, делание добра, труд, злострадание, пребывание в суровом, пост, бдение, алкание, жажда, довольство малым, довольство собою (то есть неутруждение других), соблюдение порядка, благоприличие, почтительность, нехвастливость, презрение имений, несребролюбие, отвержение житейского, подчинение, повиновение, благопокорливость, нищета, нестяжание, удаление от мира, отсечение хотений, отречение от себя самого, советование, великодушие, упразднение по Богу, безмолвие, обучение, лежание на голой земле, неумовение, предстояние, подвиг, внимание, сухоядение, нагота, изнурение тела, уединение, жизнь в пустыне, тихость, благодушие, смелость, благое дерзновение, Божественная ревность, горение, преуспеяние, юродство ради Христа, хранение ума, устроение нравственности, преподобие, девство, освящение, чисто-

та тела, очищение души, чтение ради Христа, попечение о Божественном, познание, приспособительность, истинность, нелюбопытство, неосуждение, прощение долгов, управление, искусство (в обхождении), остроумие (в добре), уступчивость, правильное употребление вещей, понимание, быстрота ума (в добром), опытность, псалмопение, молитва, благодарение, исповедание, мольба, коленопреклонение, призывание, моление, прошение, ходатайство, песнопение, славословие, сознание, попечение, сетование, скорбение, печаль (по Богу), сожаление, рыдание, стенание, оплакивание, прискорбные слезы, умиление, молчание, взыскание Бога, плачевный вопль, беспопечение о всем, незлобие, нетщеславие, неславолюбие, простота души, сострадание, нелюбовь к выказыванию себя, благонравие, дела по естеству, дела превыше естества, братолюбие, единомыслие, общение о Боге, приятность, духовное устроение, тихость, прямота, незлобие, сговорчивость, неподдельность, простота, приветливость, благое беседование, благое делание, предпочитание ближнего, привязанность о Боге, добродетельный навык, беспрерывное прилежание, укорение (в добродетели), благоразумие, смирение, беспристрастие, щедрость, терпение, долготерпение, благость, доброта, рассуждение, удободоступность, обходительность, несмущение, ведение (духовное), наставление, твердое укрепление, прозрение, бесстрастие, духовная радость, твердое стояние, слезы разума, душевная слеза, Божественное желание, сострадание, милосердие, человеколюбие, чистота души, чистота ума, прозорливость, чистая молитва, неплененный помысл, твердость, укрепление души и тела, просвещение, восстановление души, ненавидение жизни, должное учение, благое желание смерти, младенчество во Христе, утверждение (ближнего), поучение (его), и увещание соразмерное и понудительное, похвальное изменение, восторг о Боге, совершенство во Христе, неложное просияние, Божественная любовь, восхищение ума, Божие вселение, боголюбие, внутреннее любомудрие, богословие, исповедничество, презрение смерти, святыня, исправление, совершенное здравие души, доброта ее, похвала от Бога, благодать, царство, сыноположение и чрез все двести двадцать восемь вместе усыновление (См.: Пс. 81, 6), то есть бытие человеку богом, благодатию Даровавшего нам победу над страстями, названия которых, как думаю, суть следующие:

Исчисление страстей

Лютость, коварство, лукавство, злой образ мыслей, беспорядочность, невоздержность, обольщение, грубость, невежество, праздность, холодность, окаменение, ласкательство, глупость, беспорядочный крик, выхождение из себя, помешательство, неучтивость, дерзость, боязнь, ожесточение, леность к доброму, законопреступная прибыль, корысто-

любие, скудость (от лености), неведение, безумие, лжеименное знание, забвение, нерассудительность, бесчувствие, неправда, худое произволение, бессовестность души, медленность, болтливость, незаконность, преткновение, грех, беззаконие, законопреступление, страсть, пленение, лукавое согласие (с мыслью), беспорядочное сочетание (с мыслью), бесовский прилог (помысла), замедление, телесный покой сверх должного, злоба, падение, недуг души, изнеможение, немощь ума, небрежность, леность, малодушное порицание, презрение Бога, превращение, преступление, неверие, неудобоверие, зловерие, маловерие, ересь, соединение с ересью, многобожие, идолопоклонство, неведение Бога, нечестие, волшебство, подглядывание, догадки из соображений, чародейство, отрицание, идолонеистовство, невоздержание, мотовство, любознательность (суетная), нерадение, самолюбие, невнимание, непреуспевание, обман, заблуждение, отважность, отравление, осквернение, ядение скверного, роскошь, нецеломудрие, чревоугодие, блуд, сребролюбие, гнев, скука, беспечность, тщеславие, гордость, самомнение, возношение, чванство, обезумление, гнусность, насыщение, сонливость, тяжесть головы (от вина), наслаждение, ненасытимость, гортаноугодие, ненасыщение, тайноядение, объядение, уединенноядение, небрежение, легкость (удобство во всем), самосоветие, бессоветие, самоугодие, человекоугодие, неопытность в добром, невразумление, необучение, легкомыслие, (невежественная) простота, нелюдимость, противоречие, спорливость, злословие, вопль, смущение, борьба, раздражительность, беспорядочная похоть, желчность, раздражение, соблазн, вражда, вмешательство в чужие дела, клевета, горечь, оговаривание, порицание, обвинение, осуждение, жалоба, ненависть, злословие, досаждение, бесчестие, свирепость, неистовство, жестокость, сплетение зла, клятвопреступление, проклинание, немилосердие, братоненавидение, неравенство, отцеубийство, матереубийство, расстройство, расслабление, принимание даров, воровство, грабеж, ревность, состязание, зависть, непристойность, насмешка, поношение, поругание, ругательство, подкуп, угнетение, презрение ближнего, биение жезлом, осмеивание, удавление, задушение, неприязнь, непримирение, вероломство, несознательность, зложелательность, бесчеловечность, бесстыдство, наглость, пленение помыслов, омрачение, слепота, ослепление, пристрастие к временному, страстность, суета, неповиновение, отягощение головы, дремание души, многоспание, мечтание, многопитие, пьянство, непотребство, распутство, беспорядочное увеселение, привязанность к наслаждениям, сластолюбие, сквернословие, женоподобие, необузданное неистовство, разжжение, рукоблудие, женопрельщение на блуд, прелюбодейство, мужеложство, скотосмешение, осквернение, похотливость, нечистота души, кровосмешение, нечистота, сквернение, частное содружество, смех, играние, плясание, хлопанье (руками), неприличные песни, пляски, игра на инструментах,

смелость, многочиние, неподчинение, непостоянство, порочное согласие, злоумышление, битва, убийство, разбойничество, святотатство, бесчестный прибыток, рост (проценты), обман, раскапывание гробов, жестокосердие, злое ославление (ближнего), роптание, хула, недовольство своею участию, неблагодарность, злое советование, пренебрежение, малодушие, смущение, ложь, болтовня, пустословие, неразумная радость, легкомыслие, неразумное содружество, злонравие, шутки, глупые речи, многословие, скряжничество, отягощение других, злость, неблагоприятство, негодование, многостяжание, злопамятность, злоупотребление, навык в зле, любовь к жизни, тщеславие, надменность, властолюбие, лицемерие, подсмеивание, тайные козни, изворотливость, побеждение (худым), сатанинская любовь, любопытство, приражение к (ближнему), бесстрашие Бога, непослушание, неразумие, высокоумие, хвастовство, напыщенность, уничижение ближнего, немилосердие, нечувствительность, безнадежность, оставление, ненависть к Богу, отчаяние, самоубийство, — и всеми отпадение от Бога, и совершенная погибель, — всех вместе двести девяносто восемь. Эти страсти нашел я упоминаемыми в Божественных Писаниях и поместил их вместе, как и книги (прочитанные мною) в начале слова; в порядке же не мог расположить, да не покушался на это, как превышающее мои силы, по слову Лествичника, поищешь в злых разума и не найдешь, ибо беспорядочны все бесовские (действия) и имеют одно только намерение, в котором равняются между собою — неравные и нечестивые — губить души принимающих их злейший совет. Хотя некоторым иным людям и бывают они причиною венцов, когда побеждаемы бывают верою и терпением уповающих на Господа, и деланием доброго и сопротивлением помыслам, борющимся с ними и молящимся на них.

О различии помыслов и прилогов

Между помыслами есть много различия во всем, и одни из них безгрешны, а другие нет! Так называемый прилог [154] помысла, то есть мысль о добром или злом, не заслуживает ни награды, ни порицания. Потом сочетание, то есть беседа с помыслом, к соглашению с ним или отвержению его, заслуживает похвалу, если оно богоугодно, но малую, также и укоризну, если оно лукаво. После так называемая борьба, — или побеждающая, или побеждаемая умом, — приносящая венец или мучение, когда исполнится на деле. Также и сосложение, то есть преклонение души к явившемуся, соединенное с услаждением, от чего происходит пленение, насильно и против воли увлекающее сердце к исполнению на деле. Когда же страстный помысл долго остается в сердце, то образуется

---

154 Προσβολή — приражение.

так называемая страсть, которая, привычкою к себе, произвольно увлекает душу и свойственно передает ее исполнению на деле. Такая страсть несомненно подлежит во всех или соразмерному покаянию, или будущей муке, говорит Лествичник [155], то есть ради непокаяния, а не ради брани, ибо если бы было так, то без совершенного бесстрастия не могли бы многие получить прощения. Как тот же Лествичник говорит: хотя не все могут быть бесстрастны, однако спастись и примириться с Богом всем возможно [156]. Итак, разумный (делатель) отвергает лукавый прилог — матерь зол, чтобы разом отсечь все происходящее от него злое, а благой прилог всегда должно быть готовым обращать в дело, чтобы тело и душа пришли в навык добродетели и освободились от страстей благодатию Христовою. Ибо мы вовсе ничего не имеем, чего бы не получили от Него, и ничего не можем принести Ему, кроме одного только произволения, не имея которого, не находим ни знания, ни силы к деланию доброго. И это есть дело человеколюбия Божия, чтобы мы не подверглись осуждению за праздность, ибо праздность есть начало всякого зла (См.: Сир. 33, 28), и не только это, но и самое делание добра, как сказано в «Старчестве», требует рассуждения. Так дева, постившаяся в шести неделях, по шести дней, и постоянно поучавшаяся в Новом и Ветхом Завете, не одинаково принимала трудное и легкое, хотя и следовало бы ей приобрести от таких трудов плоды бесстрастия, но этого не случилось, ибо и доброе не есть добро, ежели намерение, с которым оно совершается, несогласно с волею Божиею. Поелику и в Божественном Писании часто находим, что Бог в некоторых случаях негодовал на совершавшего дело, которое всем казалось добрым и, напротив, принимал другого, делавшего по видимому злое. Свидетель этому тот пророк, который сказал встретившемуся с ним: «Бей меня», но человек, не послушавший его, то есть, как сказано, сделавший этим доброе, был сам убит зверем (См.: 3 Цар. 20, 35–36). И Петр отрицался умовения, думая, что делает хорошо, но был удержан. И так мы должны всею силою изыскивать и исполнять волю Божию, хотя бы она и не казалась нам доброю. Потому и делание доброго бывает не без труда, чтобы нам не лишиться похвалы за самовластное понуждение себя. И просто: все, что домостроительствует Бог, — чудесно и превыше нашего ума и мысли. Так что ум должен удивляться не только совершающемуся в Церкви православных, но и символам этого. Как чрез святое крещение мы бываем сынами (Божиими) по благодати (См.: Ин. 1, 12; Гал. 3, 26), ничего не сделав прежде се-

155 Лествица. Слово 15, § 73.

156 Лествица. Слово 26, § 82.

го и ничего — после, кроме соблюдения заповедей! [157] Два пальца и одна рука представляют собой распятого Господа нашего Иисуса Христа, познаваемого в двух природах и одном составе. Правая рука указывает на безграничную Его силу и нахождение справа от Отца. Движение руки начинается сверху вниз и означает небесное схождение Христа к нам с небес. Опять же, движение руки с правой стороны на левую отгоняет полчища врагов и указывает на непобедимую силу Господню. Этой силою Он победил дьявола, пребывающего на левой стороне, которая темна и некрепка. [158] И как Страшные эти вещи, Святое Крещение и Святое Причащение, не совершаются без священства, говорит божественный Златоуст. В этом проявляется власть, данная верховному из апостолов Петру. Ибо если не отворятся врата Царствия Небесного священнодействием, то никто не может войти в них, как сказал Господь: *Аще кто не родится водою и Духом* (Ин. 3, 5), и еще: *Аще не снесте Плоти Сына Человеческаго, ни пиете Крове Его, живота не имате в себе* (Ин. 6, 53). И как ветхий храм извне был образом сего мира, и священники совершали в нем жертвы, а внутри было Святое Святых, где приносили фимиам из четырех составов: ливана, говорю, смирны, стакти и касии, которыми указывалось на четыре главные добродетели. Совершавшееся вне (храма) было тогда делом снисхождения Божия, чтобы иудеи — младенцы умом — чрез пение и роскошь не уклонились к идолам. Новая же Церковь есть образ будущего, потому и совершаемое в ней небесно и духовно. И как на небесах находятся девять чинов, так и в Церкви, то есть патриархи, митрополиты, епископы, священники, диаконы, иподиаконы, чтецы, певцы и монахи. И как опять начертанием Честного и Животворящего Креста прогоняются демоны и многоразличные болезни; и совершается это без всяких издержек и без труда. Да и кто может исчислить похвалы Святого Креста? И как, опять, (иконное) писание чрез малые краски столь великие чудеса, за столько лет совершенные Господом и всеми святыми, как бы ныне совершаемые, представляет нам Божиим промыслом, чтобы мы, видя это своими очами, более и более возгорались желанием, как говорит святой верховный из апостолов Петр, в описании мучения святого Панкратия, ученика его.

---

157 Этот кусок не вошел в книгу из греч. текста (видимо из-за цензуры), но он есть в подлиннике, а также в англ. переводе греч. Добротолюбия. Вот этот текст:

Ότί όί μέν δύω δακτυλόί, καί ή μία χέίρ έμφαίνόυσί τόν έσταυρωμένόν Κύρίόν Ιησόύν Χρίστόν έν δυσί φύσέσί καί μία ύπόστασέί γνωριΖόμένόν ή δέξία δέ τήν απέίρόν αύτόύ δύναμίν, καί τήν έκ δέξίων τόύ Πατρός καθέδραν αναμίμνήσκέΐ/ καί ανωθέν αρξαμένής δία τής έκ των όύρανων πρός ήμας αύτόύ συγκαταβασέως καί παλίν από τόύ δέξίόύ μέρόυς έπί τό έύωνύμόν, απόσόβέϊ μέν τόύς έχθρόύς, δήλόϊ δέ ότί τή αήττήτω αύτόύ δύναμέί ό Κύρίός ένίκήσέ τόν δίαβόλόν, αρίστέρόν όντα, καί ανίσχύρόν, καί σκότέίνόν.

158 Отсюда начинается опубликованный текст книги.

Все упомянутое нами с начала слова без правой веры не приносит пользы, да и не бывает, как и вера, — без дел. И о вере и делах написали многие из святых отцов, я же для напоминания скажу вкратце, что дела мы должны иметь написанными, каждый в своем порядке, веру же православную — такую, какую мы приняли от прежде упомянутых святых, чтобы с ними и нам получить вечные блага благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому подобает всякая честь и поклонение со Безначальным Его Отцом и с Пресвятым и Благим и Животворящим Его Духом, ныне и всегда и во веки веков. Аминь.

Окончив, я сказал: «Тебе, Христе, подобает слава!»

Книга вторая, заключающая в себе двадцать четыре кратких слова, полных духовного ведения

Слово 1 [159]. О духовной мудрости

Начало всех письмен, на каждом языке, составляет «а», хотя некоторые сего и не знают. И начало всех добродетелей есть духовная мудрость, хотя она же составляет и конец их, ибо если она не приблизится к уму, то человек не может сделать ничего доброго, никогда не слышав о нем, а если услышит сколько-нибудь — это самое и есть уже мудрость. Но как азбука есть предмет обучения детей, без которого, однако, нельзя приобрести мудрости и обучиться последующим учениям, так и начало ведения, хотя и весьма мало, но без него никак нельзя приобрести добродетели.

Потому и боюсь я писать что-либо о мудрости, будучи вовсе немудр, ибо четыре, как полагаю, различные вещи приводят ум в состояние говорить: или сверхъестественная благодать свыше и блаженство, или чистота, происходящая от подвигов по Богу и могущая привести душу в первоначальную красоту ее, или усвоение земной учености, приобретаемое чрез обучение человеческое и старание о внешней мудрости, или, опять, проклятое и сатанинское обольщение [160], происходящее от

159 В подлиннике заглавия этого Слова составляют следующие стихи: «Предисловие это соответствует букве α (альфа) и содержит в себе духовную мудрость: ибо как та служит началом письменности. во всяком языке, так и эта составляет начало всех добродетелей, хотя, опять, и конец всех. Но как азбука есть детское обучение, без которого нельзя обучаться последующим предметам (земного) учения, так и начало ведения, хотя весьма мало, но без него отнюдь нельзя приобрести добродетели».

160 Πλάνη, в слав. «прелесть».

гордости и лукавства демонского и составляющее извращение естества. А я, не причастный ничему сказанному, как могу писать? — недоумею; разве только вера ваша, понуждающая меня к сему по Богу, привлечет благодать к перу [161], ибо ум мой и рука моя недостойны и нечисты. Знаю твердо из опыта, как часто случалось со мною и всегда случается, что сколько раз я, поверьте мне, отцы, хотел написать что-либо, не мог привести себе этого на ум, пока не брался за перо, но только приходила мне малая мысль, заимствованная из Писания или родившаяся от слуха или от взгляда на чувственные вещи мира, а от сего часто ум брал повод; и как только принимался я за перо и начинал писать, тотчас находил вещь, о которой намеревался писать и к изложению которой кто-либо принуждал меня. И так беспрепятственно и спокойно пишу после того, сколько имеет силы рука, отнюдь не медлящая; но что Бог влагает в помраченное мое сердце, то и пишу без сомнения. Полагаю (что это так бывает) для того, чтобы я не *мнил* иметь то, что получил чрез молитву другого, по слову Лествичника, приводящего изречение апостола, который сказал: *что имаши, егоже неси приял? аще же и приял еси, что хвалишися яко не прием?* (1 Кор. 4, 7), но сам делая. Ибо мысли, самодвижно приходящие на ум безмолвствующим по Богу, должны быть принимаемы без сомнения, говорит святой Исаак, а если кто их рассматривает, это уже свое разумение. И святой Антоний говорит: всякое дело и слово должно иметь свидетельство от Божественных Писаний. Потому и я, как некогда ослица Валаамова, проговорившая (См.: Числ. 22, 28), начинаю писать, не уча, — отнюдь нет, — но к обличению бедной души моей, чтобы, хотя слов устыдившись, как говорит Лествичник, начал делание не приобретший еще дела, но только слово. Кто знает, буду ли я жив и успею ли написать? И опять, успеете ли вы исполнить дела? Но начнем оба и то и другое и (посмотрим), до чего кто из нас достигнет, ибо смерть наша неизвестна, и когда придет конец, не знаем; но все предвидящему Богу известно касающееся до нас. Ему слава во веки веков. Аминь.

Слово 2 [162]. О вере

Преподобный отец наш Исаак, желая показать ту веру, которую апостол называет основанием деланий о Боге (1 Кор. 3, 10) и которую

---

161 Τόν κάλαμον — трости.

162 В подлиннике вместо заглавия стихи: «Предисловие написано сверх надежды; вот, опять, вторая буква, β (вита), говорю, и второе Слово. Вкратце будет здесь сказано, что вера рождает другую и великую веру, как говорят святые отцы, основание добродетелей, как сказал Господень апостол, положивший оное. Одна бывает без дел закона, а другая от дел получает совершенство. Эта бывает находима в безмолвии и чрез многие брани совершается».

мы получили от Божественного крещения, по благодати Христовой, а не от дел, и что она рождает страх, происходящий от веры, чрез который бывает соблюдение заповедей и терпение искушений, как говорит святой Максим, и что после делания рождается в нас великая вера ведения, о которой Господь сказал: *Аще бысте имели веру яко зерно горушно* и прочее (Лк. 17, 6; см.: 1 Кор. 3, 10), говорит (святой Исаак), что иная есть общая вера православных, то есть правые догматы о Боге и Его творениях мысленных и чувственных, как, по благодати Божией, приняла Святая Соборная Церковь, и иная — ведения, то есть познания, которая отнюдь не противится родившей ее, но обыкновенно еще более ее утверждает. Ибо первой научились мы, наследовав ее, чрез слышание, от благочестивых родителей и учителей православной веры, а вторая рождается в нас оттого, что право веруем и боимся Господа, в Которого уверовали. От страха предызбрали мы сохранять заповеди и чрез то восхотели возделывать телесные добродетели, то есть безмолвие, пост, умеренное бдение, псалмопение, молитву, чтение и вопрошение опытных о всяком помысле, слове и начинании, дабы такими действиями тело очистилось от постыдных страстей, то есть: чревоугодия, блуда и излишних имений, *довольни* сущими, по слову апостола (Ср.: 1 Тим. 6, 8), от чего человек получает крепость пребывать о Боге, без суетных попечений. Из Писаний и от опытных людей научается он Божественным догматам и заповедям и чрез то начинает презирать восемь главнейших страстей и, размышляя об угрозах, боится Бога не просто, но как Бога, по слову святого Нила, и от этого страха начинает разумно хранить заповеди, и насколько за каждую заповедь терпит смерть, по произволению, настолько приходит в большее познание и созерцает совершающееся в нем по благодати Христовой (изменение). Чрез это верует, что действительно велика вера православных, и начинает желать угождать Богу, и не сомневается уже, как прежде, в помощи Божией, но все свое попечение *возвергает* на Него, по слову пророка (См.: Пс. 54, 23). Желающий иметь в себе великую веру, как говорит Великий Василий, вовсе не должен иметь заботы о своей жизни и смерти; но если увидит зверя или восстания на себя демонов или злых людей, то нисколько не боится, зная, что они создания единого Творца, такие же рабы, как и он, и не имеют над ним власти, если Бог не попустит. Ибо Его единого должно бояться как имеющего власть, по слову Самого Господа: *Сказую же вам, кого убойтеся*, — и продолжает: — У*бойтеся имущаго власть* и душу и тело ввергнуть в геенну; и, чтобы утвердить слово, говорит: *Ей, глаголю вам, Того убойтеся* (Лк. 12, 5). И поистине так. Если бы был другой, имеющий власть, кроме Бога, то следовало бы нам его бояться, но так как Он един Творец и Владыка и вышних и нижних, то кто может без Него что-либо сделать? Если же кто-либо скажет, что есть создания, имеющие самовластие, скажу и я, что имеют оное умные силы и люди, а

также и демоны. Но чины небесных бесплотных и благие люди вовсе не терпят того, чтобы вредить кому-либо из подобных себе рабов, и хотя бы он и очень был порочен, но более сожалеют о нем и молят о нем Бога, как говорит Великий Афанасий. Злые же люди и их учители лукавству — демоны хотят, но отнюдь не могут повредить кому-либо, если только человек сам не подаст повода к тому, чтобы Бог его оставил за злые дела; и это делает преблагий Бог для научения его и спасения, если и сам человек хочет терпением с благодарением исправить свои худые дела; если же не так, то, — к пользе другого, ибо всеблагий Бог желает всем спастись. Искушения же праведных и святых людей бывают по благоволению Божию, к усовершенствованию душ их и постыждению врагов их — демонов. Познавая это, делатель Божественных заповедей Христовых верует уже не просто, что Христос есть Бог и имеет силу; это и демоны видели на деле и трепетали, но — что все для Него возможно, и всякая воля Его — благая, и без Него не может произойти никакое благо. И потому таковой не желает ничего делать против Божественной воли, хотя бы то была и жизнь. Однако нельзя найти последнего, но воля Божия есть жизнь вечная и вполне благая, хотя и кажется некоторым, что прискорбно возделывание такой жизни. Потому я, бедный, хуже и неверного, что не хочу трудиться, дабы найти великую веру и чрез нее прийти в страх Божий и начало премудрости Духа; но иногда произвольно закрываю очи душевные и преступаю закон, а иногда помрачаюсь забвением и прихожу в совершенное неведение и отсюда, не разумея полезного душе моей и получив худую привычку, бываю в навыке злого. Так что если и захочу возвратиться туда, откуда я ниспал, не могу, потому что воля моя делается преградою, отделяющею меня от Бога, как говорят отцы, и я не хочу потрудиться, чтобы разрушить эту преграду. Если же бы я имел веру, происходящую от дел покаяния, то мог бы сказать: *Богом моим прейду стену* (Пс. 17, 30), и не устрашился бы, по сомнению, говоря сам в себе: а что меня встретит, когда я устремлюсь, чтобы перейти высоту стены? Нет ли там пропасти? Как бы мне, если не успею перейти вверх, не упасть и не возвратиться опять вниз, после трудов, и многое другое, подобное. Но имеющий веру, что Бог близко и недалеко, никогда так не размышляет, но тотчас прибегает к Богу, имеющему всю силу и власть, и всю благость и человеколюбие, *не яко воздух* биющий (Ср.: 1 Кор. 9, 26), но как плавающий ищет получить вышнее благо. И, всякую свою волю оставив позади, стремится к Божественной воле, пока не услышит и он языков новых или и сам заговорит так же, познавая таинства. И от силы деяния совершает, или, вернее, получает, восхождение в силу ведения, благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому подобает всякая слава, честь и держава вовеки. Аминь.

Слово 3 [163]. О страхе (Господнем), вводном и совершенном

Чревоугодие есть первая из восьми главных страстей. Божественный же страх и первая заповедь все их низлагает; не имеющий же его не может иметь и другого блага. Ибо не боящийся как может сохранять заповедь? Разве только любви достигнул таковой. Однако и этот начал со страха, хотя, может быть, и не знает, как отошел от него вводный страх. Если же кто-либо говорит, что он другим путем пришел к любви, то он был пленен или духовною радостию, или нечувствительностию, как перевезенные через реку во сне, по слову святого Ефрема [164]; ибо таковой, ужасаясь многих благодеяний Божиих, которых он удостоился по благодати, любит Благодетеля. Если же кто-либо, живя бесчувственно в сластолюбии и славе, как тот (евангельский) богач, думает, что угнетаемые страхом и проводящие жизнь среди искушений терпят это за грехи, и возносится над ними, по гордости, считая себя достойным такого спокойствия, которое он получил, будучи недостоин его, то он, делая себя недостойным будущей жизни, помрачается безрассудною любовию ко временной. Может быть, и думает, что он достиг любви и потому более тех получает благодеяний, не разумея Божия снисхождения к нему; но тем более безответен будет такой на суде и по справедливости услышит: *Восприял еси благая твоя в животе твоем* (Лк. 16, 25). Это очевидно, потому что многие и из неверующих, таким образом, не по достоинству, получают благодеяния; но никто из здравомыслящих не считает их блаженными и не говорит, что они достойны быть любимы Богом и любят Бога и, может быть, потому благоденствуют в жизни. И это так.

Страх же Господень бывает двоякий, как и вера — вводный и совершенный, происходящий от вводного. Ибо боящийся мучения боится, как раб, и уклоняется от злого, (по сказанному): *страхом Господним уклоняется всяк от зла*, и: *страху Господню научу вас* (Притч. 15, 27; Пс. 33, 12). Итак, это и подобное сказано о вводном страхе, по слову святого Дорофея, чтобы по страху угроз пришли мы, грешные, в покаяние, ища, как бы получить нам прощение грехов наших. И опять, пребывая в нас постоянно, страх научает нас пути к жизни, по сказанному: *уклонися от зла и сотвори благо* (Пс. 33, 15). И насколько человек подвизается во благом, настолько возрастает в нем страх, так что указывает ему и малейшие его согрешения, которые он (прежде), будучи во тьме неведения, считал за ничто. Когда усовершенствуется страх, приходит и

---

163 В подлиннике Слово это озаглавлено так: «Третья буква есть γ (гамма), и вот третье Слово о страхе. Два есть страха Господня: вводный, удаляющий от зла, и совершенный, усердно возделываемый».

164 См.: Преп. Ефрем Сирин. Поучительные слова к египетским монахам, 21. — Творения. Ч. 2. М. 1849. С. 231–233.

человек в совершенство, через плач, и не хочет уже более согрешать, но, боясь возвращения страстей, пребывает в чистом страхе невредимым. *Страх Господень*, сказано, *чист, пребываяй в век века* (Пс. 18, 10). Потому что первый страх не есть чист, но происходит более от грехов; теперь же, без грехов, боится очистившийся, не как согрешающий, но как человек, подверженный изменению и склонный к злу. И насколько возвысится он приобретением добродетелей, настолько боится, как смиренномудрый. И справедливо. Ибо всякий, имеющий богатство, много страшится потери, мучений и бесчестия, и — после возвышения — падения. А бедный большею частию пребывает без страха и боится только, чтобы не подвергнуться побоям. Это сказано о весьма совершенных и чистых душою и телом; если же кто еще согрешает, хотя бы и малейшими и ничтожными согрешениями, то пусть не обольщается. Обольстились таковые, говорит Лествичник, ибо такой страх не есть чистый и не есть смирение, а рабское благоразумие и страх угроз. Такому нужно исправить свой помысл, чтобы познать, в каком он страхе находится, и многим плачем, в терпении скорбей, очистить свои согрешения; таким образом успеет он благодатию Христовою прийти в совершенный страх. Признаком первого страха служит то, что человек ненавидит грех и гневается на него, как уязвленный зверем, а совершенного — любовь к добродетели и опасение перемены, ибо нет человека, не подверженного изменению. Вот почему при всяком деле в этой жизни мы должны всегда бояться падения, видя, что великий пророк и царь оплакивал два греха и Соломон уклонился в такое зло; и как говорит апостол: *мняйся стояти да блюдется, да не падет* (1 Кор. 10, 12). Если же кто говорит, что любовь *вон изгоняет страх*, по изречению Богослова (1 Ин. 4, 18), то он говорит справедливо — но страх первый и вводный. О совершенном же страхе говорит Давид: *блажен муж, бояйся Господа, в заповедех Его восхощет зело* (Пс. 111, 1), то есть *зело* возлюбит добродетель. Такой находится в чине сына, ибо не из боязни мучений это делает, но по любви, вон изгоняющей страх. Потому и *восхощет зело*, не как раб, по необходимости исполняя заповеди, из боязни мучений, от которых да избавимся и мы благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа. Ему подобает всякая слава, честь и поклонение вовеки. Аминь.

Слово 4 [165]. О благочестии

Ясно, что благочестие есть название многовидного и многообразного, как и внешнее любомудрие. Ибо как мы называем любомудрием со-

165 В подлиннике оно озаглавлено такими стихами: «Вот четвертое настоящее Слово о благочестии и буква *δ* (дельта), ибо порядок (азбуки) так положен; имеет оно (в себе) воздержание, потому что вместе с целомудрием составляет начало осьми противоборств осьми страстям. Таковы дела благочестия».

вокупное изучение десяти наук, а не одной или двум наукам усваиваем это название, по совокупности десяти наук, так и благочестие [166] не есть название одной какой-либо добродетели, но наименование всех заповедей, от (слова) «благочествовать» [167], то есть хорошо служить. Если же кто-либо скажет, что слово «благочестие» относится к вере, будучи производимо от «благо» и «чтить» [168], то пусть он скажет нам, как человек сперва боится Господа, а потом уже верует, а не, скорее, сперва верует Господу, и потом уже боится Его. Ибо от веры страх и от страха благочестие, по слову пророка, который сперва сказал о премудрости, и потом, нисходя, говорит: *дух ведения и благочестия... дух страха Божия* (Ис. 11, 2–3). И Господь, начавший от страха, имеющего оный приводит к плачу. Но теперь не время говорить по порядку о всяком благочестии, то есть всяком делании духовном. И потому, оставив телесные деяния, совершаемые прежде великой веры и чистого страха, как всем известные, вкратце, при содействии благодати, скажем о произрастениях мысленного рая, то есть душевных добродетелях. К ним относится всеобъемлющее воздержание, то есть удаление, говорю, от всех страстей; ибо есть другое частное воздержание в телесных деланиях. Но это последнее учит употреблению пищи и пития, а то удерживает всякий помысл и всякое движение членов, неугодное Богу, что и называется воздержанием страстей. Оно не терпит отнюдь помысла, или слова, или движения руки, или ноги, или другого какого-либо члена тела, кроме необходимого употребления их, то есть для того, чтобы жить телу и спастись душе. Отсюда умножаются искушения демонов, которые видят ангела во плоти, по усердию и деланию доброго. И это есть (сказанное) — *делати и хранити* (Быт. 2, 15), ибо есть дело совершенное и требует непрестанного хранения, чтобы не вкралась и не вошла какая-либо из вне стоящих страстей.

Не одинаковы между собою два воздержания и два целомудрия, но одно удерживает блуд и постыдные страсти, а другое и тончайший, безгрешный помысл собирает к себе и собою возводит к Богу. Поэтому и словом в точности нельзя его выразить, или познать только слышанием, но путем опыта приходит человек в делание и познание каждого из сих, весьма ужасающих ум. Да и каким образом одно только простое название (добродетелей) может возвысить персть и вещественное сделать невещественным? Наименования иных вещей постигает и внешняя ученость, основываясь на производстве слов, а опытное познание добродетелей и приобретение их требуют помощи Божией и снискиваются многим трудом и временем; особенно в душевных добродетелях, потому что

166 Εὐσέβεια.

167 Εὐσεβεῖν.

168 Σέβεσϑαι.

они наиболее сокровенны и суть собственно добродетели. Телесные добродетели, или, точнее, орудия добродетелей, легче, хотя и требуют трудов телесных, а душевные, хотя требуют только мысленного внимания, но не легко приобретаются. Потому и закон, во-первых, говорит: *внемли себе* (Втор. 15, 9). О сем изречении Великий Василий написал досточудное слово. А мы, вовсе невнимательные к себе, что скажем? Мы уподобляемся фарисеям; посты, бдения и тому подобное, может быть, и имеют некоторые из нас и часто с некоторым ведением, но рассуждения не имеем, потому что не хотим быть внимательными к себе и познать, что есть искомое нами. Не хочет кто-либо (из нас) пребывать во внимании помыслам, дабы приобрести опытность от многих браней и искушений и сделаться, может быть, для других искусным мореплавателем, если не кормчим. Но как видно, будучи слепыми, по примеру фарисеев, говорим, что мы видим. *Сего ради*, сказано, *лишшее* приимут *осуждение* (Мф. 23, 14). Если бы мы были слепы, то не имели бы осуждения (См.: Ин. 9, 41), но довольно было бы для нас благоразумия и исповедания нашей немощи и неразумия. Но увы мне! Ради этого и подпадем большему осуждению, как эллины, по слову Соломона, что столько вымыслив, они потеряли искомое. Итак, умолчим ли как не имеющие дела? Но это будет еще хуже. Ибо сказано: *паче же и обличайте. Бываемая бо отай … срамно есть и глаголати* (Еф. 5, 11–12). Поэтому умолчу о последнем, о досточудных же добродетелях начну говорить, ибо омраченное мое сердце услаждается воспоминанием о них и их сладостию; потому и забываю меру мою и небрегу об осуждении, которое предстоит мне за то, что говорю, но не делаю. Итак, воздержание и целомудрие одинаковую имеют силу и бывают двух родов, как сказано, но будем теперь говорить о совершеннейшем.

Кто, по благодати Божией, имеет великую веру ведения и чистый Божественный страх и желает чрез них приобрести воздержание и целомудрие, тот должен совершенно удерживать себя внутренне и внешне и быть как бы мертвым по телу и по душе, в отношении этого мира и людей; говоря всегда своему помыслу: кто я такой? И что такое состав мой, если не мерзость? Первоначально — земля [169], впоследствии — тление, а в средине — всякий позор. И опять [170]: что такое жизнь моя и сколько она продлится? Один час и — смерть! Для чего мне заботиться о том или о другом? Сейчас могу умереть. Жизнь и смерть во власти Христа, а я о чем забочусь и спорю по-пустому. Необходимо немного хлеба, а избыток для чего? Если имею необходимое, да прекратится всякое попечение; если же нет, то об одном этом, по несовершенству, может быть, моего ведения, позабочусь, хотя и есть Бог промышляющий.

---

169 Άνω μέν.

170 Και επέκεινα.

И так человек должен всячески заботиться о хранении чувств и помыслов, чтобы никак не утверждать и не делать ничего, что он считает неугодным Богу. И да приготовляет себя к терпению постигающего его от демонов или от людей, — сладостного и горестного, чтобы не бояться ни того, ни другого, и не прийти в неразумную радость и самомнение, или в печаль и отчаяние, и не иметь отнюдь дерзновения в помыслах, пока не придет Господь, Которому слава вовеки. Аминь.

Слово 5 [171]. О терпении

Господь сказал: *Претерпевый до конца, той спасен будет* (Мф. 10, 22). Терпение служит укреплением для всех добродетелей. И ни одна из добродетелей без него не может устоять, ибо всякий обратившийся *вспять* не *управлен есть в Царствии Божии* (Лк. 9, 62). Если кто-либо думает, что он причастен и всем добродетелям, но не *претерпит до конца*, то не избежит сетей диавольских и не будет *управлен* к достижению Царства Небесного. Ибо и те, которые уже здесь получили обручение (жизни вечной), имеют нужду в терпении, чтобы воспринять в будущем совершенную награду за подвиг. Во всяком искусстве и при всяком знании необходимо терпение. И справедливо; потому что без него не совершаются и самые внешние дела; но если бы какое-нибудь из них и совершилось, то нужно бывает терпение для того, чтобы совершившееся сохранилось. И просто сказать: всякое дело прежде, нежели совершится, с терпением совершается, и совершенное терпением сохраняется, и без него не может устоять, да и не получает конца. Ибо если это дело хорошее — терпение податель и хранитель его; если же худое — терпение подает (в нем) покой и великодушие и не попускает искушаемому томиться малодушием, обручением геенны. Ему свойственно умерщвлять отчаяние, умерщвляющее душу. Оно научает душу утешать себя и не унывать от множества браней и скорбей. Уклонившийся от него Иуда, как неопытный в брани, нашел себе двоякую смерть. Усвоивший его себе апостол Петр, как опытный в брани, и в самом падении победил низложившего его диавола. Усвоив терпение, монах тот, некогда павший в блуд, победил победившего его, потому что не послушал помысла отчаяния, который понуждал его уйти из келлии и пустыни, но с терпением говорил своим помыслам: не согрешил я, и опять говорю вам: не согрешил. О божественное благоразумие и терпение доблестного мужа! Терпение усовершенствовало блаженного Иова и первые его добрые дела. Ибо если бы немного уклонился от него праведный, то потерял бы и все прежнее; но Знавший его терпение попустил бедствие, к усовер-

171 Заглавие подлинника составляют стихи: «Пятое Слово о терпении и буква *ε* (эпсилон). Оно есть первое и великое в добродетелях и во всяком искусстве».

шенствованию его и пользе многих. Познавший пользу терпения прежде всего старается приобрести его, по слову Великого Василия, который говорит: не на все страсти вооружайся вдруг; может быть, не получишь успеха и обратишься *вспять и* не *управлен* будешь *в Царствии Божии* (Ср.: Лк. 9, 62); но борись с каждою из страстей порознь, начиная с терпения того, что тебя постигает. И поистине так. Ибо если кто-либо не имеет терпения, то никогда не может устоять на войне видимой, и не только себе, но и другим наносит своим уклонением бегство и погибель. По слову, которое Бог сказал Моисею: Страшливый на брань да не исходит и прочее (Ср.: Втор. 20, 8). Но при видимой войне иной может оставаться внутри дома и, может быть, не выходит на войну; хотя чрез это и лишится даров и венцов, и останется, может быть, в бедности и бесчестии. В мысленной же брани невозможно найти места, где бы ее не было; хотя бы и все творение прошел кто-либо, но куда ни пойдет, везде встретит брань. В пустыне — звери и демоны и прочие злополучия и страшилища. В безмолвии — демоны и искушения. Среди людей — демоны и люди искушающие. И нигде нет места без испытаний [172], потому без терпения и невозможно найти покой. Терпение же происходит от страха и веры и начинается с благоразумия. Благоразумный испытывает дела согласно уму и, находя их тесными, как сказала Сусанна, избирает лучшее, как и она. Ибо эта блаженная воззвала к Богу: *тесно ми отвсюду;* если я исполню желание беззаконных старейшин, душа моя погибнет за прелюбодеяние, если же ослушаюсь их, оклевещут меня в прелюбодеянии и как судьи народа осудят меня на смерть; но лучше мне прибегнуть к Всесильному, хотя и смерть предстоит (Дан. 13, 22–23). О, каково было благоразумие этой блаженной! Рассудив так, она не ошиблась в своей надежде. Но как только собрался народ, и беззаконные судьи воссели, чтобы оклеветать ее и осудить неповинную на смерть, как прелюбодейцу, тотчас двенадцатилетний Даниил явился от Бога пророком и избавил ее от смерти, обратив смерть на старейшин, хотевших осудить ее беззаконно. Примером Сусанны Бог показал, что Он близок к тем, которые желают ради Его терпеть искушение и не хотят оставить добродетель по нерадению из-за скорби, но предпочитают закон Божий, и в терпении того, что их постигает, увеселяются надеждою спасения. И справедливо. Если предстоят два бедствия: одно временное, а другое вечное, то не лучше ли избрать первое. Потому и говорит святой Исаак: лучше терпеть бедствия из любви к Богу и прибегать к Нему, в надежде вечной жизни, нежели, по страху искушений, отпасть кому-либо от Бога, впасть в руки диавола и с ним идти в муку (См.: Иак. 1, 2; 2 Кор. 8, 2). Потому хорошо было бы, если бы кто, подобно святым, радовался в искушениях, как боголюбивый; если же мы не таковы, то изберем, по

---

172 Ανεπειρέαστος.

крайней мере, легкое, ради предлежащей необходимости. Ибо нам необходимо или здесь бедствовать телесно и царствовать мысленно со Христом, в нынешнем веке, ради бесстрастия, и потом в будущем; или отпасть по страху искушений, как было сказано, и пойти в вечную муку, от которой да избавит нас Бог, чрез терпение бедствий здесь. Терпение есть как бы камень, неподвижно стоящий против ветров и волн житейских, и достигший его не изнемогает при наводнении и не возвращается назад; но, и находя покой и радость, не увлекается самомнением, а всегда пребывает одинаковым, и в благоденствии и в злополучии; потому он и пребывает невредимым от сетей врага. Когда встретит бурю, терпит с радостию, ожидая конца; когда и тихая погода бывает, ожидает искушения до последнего издыхания, по слову Великого Антония. Такой познает, что в этой жизни отнюдь ничего нет неизменного, но все проходит, потому он и нимало не заботится о чем-либо земном, но предоставляет все Богу, ибо Он печется о нас. Ему подобает всякая слава, честь и держава вовеки. Аминь.

Слово 6 [173]. О надежде (будущего)

Надежда, чуждая попечений, есть жизнь и богатство, невидимое по чувству, но подтверждаемое благоразумием и существом дел. Ибо и земледельцы трудятся, сея и садя; и мореплаватели терпят также многие бедствия, и дети, обучаясь чтению и прочим наукам; но все они имеют в виду надежду, потому и трудятся с радостию, и по видимому теряют готовые вещи, по умственному же — терпят для того, чтобы приобрести большее. Часто имеют и недостаток в том, что намерены посеять. Но, может быть, кто-нибудь скажет: из опыта они научаются, что получают приобретение, а в мысленном (не так); никто не воскрес из мертвых, чтобы научить нас. Это происходит от неопытности в духовных дарованиях и познаниях; и не чудо, ибо неопытные и в прежде упомянутом боятся, пока не испытают. И дети, не понимая пользы от обучения грамоте и прочим наукам, бегут от них, но родители, чувствуя эту пользу, как чадолюбивые, насильно принуждают их, а со временем, когда дети получат опытность, то начинают не только любить науки и принуждающих к ним, но и сами с радостию терпят все за познания, которых достигли. Потому и мы должны прежде с верою и терпением идти и не ослабевать в скорбях; тогда, со временем, познаем пользу совершаемого нами. И так с радостию и веселием будем делать должное без труда. *Верою бо ходим*, — говорит апостол, — *а не виденiем* (2 Кор. 5, 7). Но как никому из занимающихся в веке сем торговлею невозможно тотчас по-

173 Заглавие подлинника: «Вот опять написалось евангельское Слово о надежде будущего. Зита (ξ) шестая из букв. Ищет (ζητεῖ) и ум того, чтобы сделаться беспопечительным».

лучить прибыль, так невозможно никому приобрести знание и покой, прежде нежели он делом и словом потрудится в добродетелях. И как те (торгующие) всегда боятся потери и надеются на прибыль, так и здесь должно быть до последнего издыхания. И как первые не тогда только делают свое дело, когда получают прибыль, но и после потери и бедствий опять его делают, так и вторые должны поступать, зная, что праздный не ест от своих трудов, почему и бывает беден, а часто и должен, может быть, много талантов. Потому и говорит пророк: *на уповании вселил мя еси* (Пс. 4, 9), и апостол сказал: *упованием получили совершенство* (Ср.: Евр. 6, 12, 18). Это сказано нами вкратце, на основании природы вещей и Божественного Писания; если же кто хочет дознать опытом, тот пусть, по силе своей, проходит семь телесных деланий [174], не развлекаясь, совершенно как в училище, и старается о нравственном, то есть душевном делании; достигнув чрез это надежды и пребывая в ней, он получит точное познание сказанного и того, что в начале покаяния, когда он начал семь деланий от первого, то есть безмолвия, было уже воздаяние надежды и готовое приобретение, прежде нежели он потрудился в прочих шести, то есть посте, бдении и прочем; но как только он начал подвизаться в первом очищении души — безмолвии, тотчас приготовилось приобретение, будучи же неопытным учеником, он не познавал тогда благодати Владыки, как и дитя — пользы от своих родителей, хотя они и прежде рождения, по произволению, были уже его благодетелями, желая, чтобы оно не только родилось и было живо, но и наследовало после них то, что они приготовили ему и еще приобретут с трудом. Но дитя, не понимая этого, вовсе не заботится ни о чем, считает себе тягостию подчинение родителям, и если бы не было необходимости в пище и не понуждала природа, то никак бы не вело себя благоразумно. Тот же, кто желает наследовать Царство Небесное и не терпит постигающих его (скорбей), оказывается еще более неразумным. Ибо он создан по благодати, получил все существующее и надеется на будущее, вечное соцарствование Христу, удостоившему его, ничего не значащего, стольких и таких даров, чувственных и мысленных, так что и пречестную кровь Свою Христос благоволил пролить за него, и ничего от него не требует, как только чтобы он имел произволение принять Его блага, и более ничего. Это составляет Его единственное требование. Успевший познать это приходит в ужас. Чего требует от тебя Бог, говорит? О безумие! Как мы, видя, не видим страшных Его таинств? И то самое, что Бог являет Себя ищущим от нас (этого желания), есть для нас величайший дар. Как мы не разумеем, что лучший из всех есть старающийся о добродетели и выше всех он стоит и восходит горе, хотя бы был и бедный и безродный. Разве не видим мы в нынешнем веке пророков, и апо-

---

174 См.: Книга 1-я, глава 2-я наст. изд.

столов, и мучеников и сомневаемся о будущем? Рассмотрим жизнеописания их, что они сделали, и откуда, как они, говорят, получили они благодать и крепость, и не только (при жизни), но и по смерти делают чудеса. Видим, что цари и богатые поклоняются их святым иконам. Видим, что добродетельные и в нынешнем веке живут с полною благодарностию в духовной радости и добродетели, а богатые негодуют [175] и подвергаются искушениям более, нежели подвижники и нестяжательные. Поэтому и надеемся, что добродетель поистине есть лучшее из всего. Если же не так, то рассмотрим, почему неверные, может быть, и Бога не знающие, восхваляют добродетель, хотя и иноверным представляется им добродетельный человек; но добродетель пристыждает и противника. Если мы веруем, что добродетель есть благо, то всячески и сотворивший добродетель и даровавший ее людям Бог так же благ; а если благ, то всячески и праведен, ибо праведность есть добродетель, потому и благая. Если же Бог благ и праведен, то все, что Он сотворил и еще творит, творит Он по благости, хотя лукавым это и не ясно, ибо ничто так не помрачает обыкновенно мысль [176], как лукавство. Простоте и смирению, а не трудам является Бог [177]. Является же Он не так, как думают некоторые по своей неопытности, но ведением (созерцанием) существующего, то есть творений Его и откровением таинств в Божественных Писаниях. Таково возмездие безмолвия и прочих деланий в нынешнем веке, а в будущем — яже *око не виде, и ухо не слыша, и на сердце человеку не взыдоша, яже уготова Бог любящим Его* (1 Кор. 2, 9) и отвергающим свои пожелания с терпением и надеждою будущих благ, о которых и мы молимся, — получить их благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа. Ему подобает всякая слава, честь и держава вовеки. Аминь.

Слово 7 [178]. О беспристрастии

Бесстрастие происходит от надежды, ибо надеющийся получить в ином месте вечное богатство легко презирает то, что у него под руками, хотя бы временная жизнь и представляла всякий покой, а если жизнь эта еще прискорбна и многоболезненна, то кто заставит разумного человека предпочитать ее любви к Богу, Который и эту жизнь и ту дает любящим Его; разве только человек тот слеп и вовсе не может видеть, по неверию, худому произволению и привычке к злу. Если же бы он веровал, то про-

175 Αγανακτουντας.

176 Дополнено по слав. переводу, а в греч. слова «мысль» нет.

177 См.: Лествица. Слово 26, § 52.

178 Надписание подлинника: «Седьмая в буквах η (ита), а настоящее Слово о беспристрастии. Оно рождается от надежды и есть бегство от всего мира».

светился бы; и, получив чрез твердую веру малый свет познания, подвизался бы освободиться от злейшей своей привычки. И если бы положил так в душе, то благодать содействовала бы ему и подвизалась бы вместе с ним. Но потому и говорит Господь: *Мало есть спасающихся* (Лк. 13, 23), что сладким кажется нам видимое, хотя оно и горько. И собака, когда лижет свою рану [179], от сладости не ощущает болезни, что она пьет собственную кровь. И чревоугодник, когда ест вредное для него, по душе и по телу, не чувствует вреда, который себе делает. И все раболепствующие страстям также страдают, по нечувствию, а если иногда и восстают, то привычкою (к страстям) опять увлекаются; потому и говорит Господь: *Царствие Небесное нудится* (Мф. 11, 12), не по порядку естества, а по нашему навыку в страстях. Если же бы оно было таково по естеству, то никто не вошел бы в него; но имеющим произволение *иго* Господне *благо и бремя легко* (Мф. 11, 30), а не имеющим произволения «Тесна врата и прискорбен путь и нуждно Царствие» (Ср.: Лк. 13, 24). Для первых оно *внутрь есть* (Лк. 17, 21) и близ них, потому что они желают его, и скоро достигают бесстрастия. Ибо воля помогает нам или препятствует спастись, и — ничто другое. Пожелал ты чего-либо доброго — исполняй его; если не можешь — желай, и вот ты уже имеешь его, хотя и не имеешь. Так понемногу образуется привычка и сама по себе делает или доброе, или худое. Если бы не было так, то ни один разбойник не спасся бы; а не один только, но и многие из разбойников просияли. Посмотри, как велико расстояние между разбойником и святым, однако привычка не преодолела, но произволение победило. А кто, по благодати Христовой, благоговеен или и монах, тому что препятствует сделаться таким, как они? Те далеко, а этот близко, и большую часть пути уже прошел, по благодати, или естественно, или наследовав от родителей благочестие и благоговение. Не странно ли, когда разбойники и раскапывающие гробы будут святыми, а иноки осужденными! Но увы мне, бедному! *Студ лица моего покры мя* (Пс. 43, 16). Цари предаются нищете, подобно Иоасафу и другим, а нищий не может держаться прежнего своего обычая и без труда войти в Царство Небесное беспристрастием к вещам, которых он не получил и по наследству от родителей. Но когда он произнес: «отрекаюсь» и того, чего не имел (ибо мир и то, что в мире, другой содержит в своей власти, а этот только желал власти), когда и сего он отрекся, тогда делается многостяжательным и говорит: не могу быть нестяжательным и терпеть то, что меня постигает. Но что терпеть, скажи мне? Темницы ли и оковы, которые имел ты прежде? Если же ты был начальником, то ведь и начальники и богатые терпят это. Так что же? Недостаток в необходимом, наготу и прочее тяжкое, что ты имел (и прежде). Но чтобы, подробно говоря, не продолжить слова и не посрамить полных стыда (скажу только): довольно с нас и того, что имеем пристрастие к чему-либо из видимых вещей, от желания которых мы от-

---

179 Τήν ρίνα — нос.

реклись, и это к посрамлению и обличению в будущем, подобно Гиезию и Иуде. Один из них пожелал того, чего не имел, и за то, вместе с падением, получил и проказу от Бога, а другой, отрекшись того, что имел, опять пожелал этого, чрез что и получил в наследство погибель вместе с удавлением.

Какое же преимущество монаха, если не хранение девства и нестяжание? Другие заповеди, как согласные с естеством, и все люди должны исполнять. Ибо любить Бога и ближнего, терпеть постигающее нас, употреблять вещи по естеству и удаляться от злых дел каждый из нас должен, хотя бы и не желал; и без хранения этого нельзя найти покоя и в нынешнем веке. Потому что и законы наказывают согрешающих, и начальники понуждают к исполнению добродетели, по слову апостола: *Не бо* вотще [180], — говорит он, — *меч носит.* И опять: *Хощеши ли не боятися власти? Благое твори, и будеши имети похвалу от него* (Ср.: Рим. 13, 4, 3). И это все, как естественное, все не только делают, и все желают этого, но и охраняют правосудием. А жребий монаха есть то, что превыше естества. Он воин Христов, потому должен вкусить страданий Его, чтобы получить и славу Его. И это также естественный закон, подтверждаемый чувственными делами. Не прославляются ли воины царские за то, что страдают вместе с царем? Не по мере ли того, как страдает каждый, получает он здесь и похвалу? А насколько оказывается непотребным, настолько и подвергается бесчестию. Не насколько ли кто-либо носит одежду, подобную царской, настолько бывает ближайшим к нему, а насколько — несходную, оказывается чуждым царю? Так должно смотреть и на окружающих нашего Царя. Насколько кто сострадает и подражает Христу в нищете Его, вкушая страданий и поношений Его, которые Он претерпел ради нас, прежде распятия и погребения, настолько делается близким Ему и соучастником славы Его, по слову апостола, который говорит: *Аще с Ним страждем, то с Ним и прославимся* (Рим. 8, 17). Увы! Как мы не разумеем, сколько терпят воины и разбойники и как трудятся ради одного только хлеба; сколько странствуют путешественники и мореплаватели, и сколько труда переносят все люди без надежды на Царство Небесное, а часто и не достигая цели, для которой трудятся. Мы же ради Царства Небесного и вечных благ не хотим и немного потерпеть. Может быть, это и не было бы нам так трудно, если бы произволение наше склонялось к тому и не считало бы приобретение добродетелей тягостным и несносным, но скорее радостию и спокойствием, ради надежды, беспопечительности и чести, невольно последующей за добродетелию. (Ибо и противник стыдится ее и удивляется ей.) Конец ее — веселие и радость, и не только это, но беспристрастие и в самом себе имеет соединенную с ним радость, как и жизнь вещественная, в постыдных страстях, содержит в себе печаль, от каковой (плотской жизни) да избавимся мы и да достигнем невещественной и вечной

---

180 Слав. «вотще» — напрасно, всуе.

жизни беспристрастием, рождающим умерщвление тела во Христе Иисусе Господе нашем. Ему подобает всякая слава, честь и поклонение вовеки. Аминь.

Слово 8 [181]. Об умерщвлении страстей

Беспристрастный всегда внимает Богу ведением. Ибо беспристрастие к чувственному возбуждает ведение мысленного. Под ведением же (разумею) здесь не (созерцание) существующего [182], но страшного, бывающего при смерти и после смерти, о чем беспристрастный научаем бывает благодатию, к умерщвлению страстей плачем, чтобы со временем пришел он в кротость помыслов. Ибо от веры страх, и от страха благочестие, то есть воздержание, терпение, плач, кротость, алчба и жажда правды, то есть всех добродетелей, милостыня, по блаженствам Господним, беспристрастие, и от него умерщвление тела, от многих стенаний и горьких слез покаяния и скорби, чрез которые душа отвергает радость мира и самую пищу от сокрушения; потому что начинает видеть свои согрешения, как песок морской, и это есть начало просвещения души и признак ее здоровья. Бывающие же прежде этого, быть может, слезы и будто бы божественные мысли, умиление и тому подобное суть насмешка и тайная хитрость демонов, особенно для живущих посреди людей или в попечении (о суетном), хотя бы оно было и весьма малое. Ибо невозможно, чтобы преданный чему-либо чувственному победил страсти. Если же кто-либо укажет на древних (святых) мужей, что они имели и то и другое, то пусть он знает, что они имели, но отнюдь ничего не употребляли по страсти. Это видно из того, что они брали себе жен и познавали их после многих лет, как сказано в Ветхом Завете о родословии людей (Быт. 5); так что *имущие* (жен) *были яко не имущие* (1 Кор. 7, 29). Видно и из (примера) Иова и других праведников; и не только это, но Давид был царем и пророком, и Соломон до некоторого [183] времени также, а он сказал: *попечение лукаво даде Бог сыном человеческим, еже упражднятися* в суетных (Еккл. 1, 13), да не уклонятся в горшее. Этому учит нас и естество вещей, ибо если и при множестве забот некоторые находят удобное время для делания незаконного, то во сколько раз было бы этого более, если бы жизнь наша была свободна от забот. Потому и надобно, чтобы такой человек был озабочен, ибо пусть он лучше имеет *попечение лукавое* и будет празден от Божественных дел и разумений, нежели делает другое *лукавое*, гораздо худшее сего. А кто, по благодати Божией, достигнул (хотя) отчасти познания и может разу-

---

181 Надписание подлинника: «Осьмое Слово, осьмая и буква ϑ (фита). Беспристрастие рождает умерщвление страстей. Кто не удерживает его (в себе) с трудом, тот не освободится и от страстей».

182 См.: Книга 1-я, о шестом познании. С. 101.

183 Μέχρι τινός.

меть страшное, бывающее перед смертию и после смерти, что нанесло нам преслушание, тот не должен оставлять этих мыслей и приносящих их дел, полного безмолвия и беспопечительной жизни, и заботиться о суетном. *Суета* бо *суетствий* и *всяческая суета* (Еккл. 1, 2). Взяв от этого повод, Дамаскин сказал: «Поистине суета все, а жизнь только тень и сон, ибо *всуе мятется* всяк человек, как говорит Писание (Пс. 38, 7)». И действительно: что суетнее того, чему конец тление и прах? Потому беспристрастие и есть умерщвление, однако не ума, но тела, то есть первых движений его к невоздержности и покою. Ибо желание покоя, хотя бы и весьма малое, есть воля плоти. А душа скорее печалится об этом, если только видит в себе какое-либо духовное делание или ведение; если же и она плоть, то *не имать пребывати* в ней *Дух* Божий (Быт. 6, 3). Потому и не старается она о каком-либо благом деле, но силится исполнять пожелания тела и живущих в ней страстей и, помрачаясь все более и более, всегда добровольно коснеет в совершенном неведении. Просветившийся же, чтобы видеть свои согрешения, не перестает рыдать о себе и о всех людях, видя такое терпение Божие и такие согрешения, которые мы, жалкие, с начала и прежде [184] делали и всегда делаем; а чрез это делается он благоразумным и отнюдь не смеет осуждать кого-либо, стыдясь многих благодеяний Божиих и своих согрешений. Отсюда с радостию оставляет такое свое пожелание, неугодное Богу, и заботится о своих чувствах, чтобы они не делали отнюдь ничего сверх необходимой потребности, по слову пророка: *Господи, не вознесеся сердце мое, ниже вознесостеся очи мои* (Пс. 130, 1). Но должно быть внимательным, чтобы, достигнув такой высоты, человеку как-нибудь, от нерадения или возношения, не потерпеть того же, что потерпел оный (Давид); ибо, может быть, не успеет он покаяться, как покаялся тот (Давид). Потому что грех близок и весьма праведным, а покаяние не всем удобно, по близости смерти и прежде нее — отчаяния. Итак, хорошо не падать, или падать и восставать; если же случится пасть, хорошо не отчаиваться и не отчуждать себя от человеколюбия Владыки. Ибо Хотящий (всем спастись) может оказать милость нашей немощи, только не будем удаляться от Него, не будем отягощаться понуждением к исполнению Его заповедей и, не в силах будучи достигнуть (высоты) их, не предадимся изнеможению, но познаем, что пред Господом *един день яко тысяща лет, и тысяща лет яко день един* (2 Пет. 3, 8). Не будем слишком ретивы, не будем и ослабевать, но всегда полагать начало. Пал ли ты — восстань. И опять пал — восстань; только не оставляй Врача, чтобы чрез отчаяние не подпасть осуждению худшему — самоубийцы. Но пребывай при Нем, и Он окажет тебе милость или обращением, или искушениями, или другими действиями Промысла, без твоего ведома. Ибо диавол имеет обычай возлагать на душу то, к чему находит ее готовою: или радость и самомнение, или печаль и отчаяние, или чрезмерные труды или совершен-

184 Ἄνωθεν.

ную леность, или безвременно и сверх надобности дела и мысли, или помрачение и безрассудную ненависть ко всему существующему. И просто: какое находит в каждой душе вещество, то и возлагает на нее, чтобы оно не сделалось ей полезным. Хотя это может быть и благое и угодное Богу (дело), но — если оно будет направляемо людьми, могущими судить о вещах и постигать намерение Божие, сокрытое среди окружающих его шести страстей: того, что выше и ниже его, по правую и левую его сторону, вне и внутри его. Ибо дело ли то будет по Богу или знание, но (всегда) благое намерение его бывает окружено шестью противными страстями. Потому, при всяком деле, человек должен спрашивать (совета), по слову святого Антония; но спрашивать не у всякого, а у имеющих дарование рассуждения, чтобы не впасть обоим по неопытности в яму, по евангельской притче (См.: Лк. 6, 39). Потому что без рассуждения ничто не бывает добрым, хотя не знающим кажется и очень добрым, или потому что не своевременно, или сверх надобности, или сверх меры вещи, или крепости сил человека, или знания его и по многому другому. Имеющий же дарование рассуждения получил его чрез смиренномудрие и потому все познает по благодати и со временем приходит в рассмотрение [185]. И так от плача и терпения рождаются надежда и беспристрастие, от которых — умерщвление себя миру. И если человек будет пребывать в терпении, не отчаиваясь, оттого что повсюду видит утеснение и смерть, но познавая, что это ему испытание и (источник) просвещения, и не будет дерзновенным, как бы достигший уже в меру (духовного возраста), то, чрез многие слезы, скорби, приходит он в состояние ясно видеть святые страдания Господни и много бывает ими утешаем и считает себя поистине ниже всех, видя, что столько благ изливается на него от благодати Божией. Богу слава и держава во веки веков. Аминь.

Слово 9 [186]. О честных страданиях [187] Христовых

Чтобы кто-либо по причине подвигов своих и многих стенаний и слез не подумал, что он совершает великое дело, дается ему познание страданий Христовых и всех святых. Рассматривая их, он изумляется от удивления и вместе сокрушает себя самого в подвигах. Ибо познает свою немощь от видения стольких искушений, которым нет числа, и того, как святые столько претерпели с радостию и сколько ради нас пострадал Господь. Вместе с этим получает он просвещение к познанию

185 См.: Лествица. Слово 4, § 105.

186 Надписание подлинника: «Вот *і* (йота) и девятое Слово о честных страданиях Христовых. От памятования о смерти и о своих согрешениях многие слезы рождаются в делателе; и от них получает он силу содержать в уме страдания Христовы и святых Его».

187 В слав. «о слезах и честных страданиях Христовых».

соделанного и сказанного Господом. И, рассматривая все сказанное в Евангелии, начинает иногда горько рыдать от скорби, иногда же от благодарения радуется духовно, не потому, что думает иметь добрые дела, это было бы самомнение, но потому, что, будучи весьма грешным, удостоился такого ведения; и более смиряется делом и словом, семью упомянутыми деланиями [188] и нравственным, то есть душевным деланием и хранением пяти чувств и заповедей Господних. И не считает это добрыми делами, достойными награды, но, напротив, долгом, и никак не надеется избавиться от долга, по величию дарованных ему познаний. И бывает как бы плененным разумением слов, которые читает и поет, и от сладости их часто, невольно, забывает грехи свои и начинает с радостию проливать слезы, сладкие как мед. И опять, боясь обольщения, чтобы это не было не своевременно, удерживает себя и, вспоминая прежнюю жизнь свою, снова плачет горько, и так идет (вперед) посреди тех и других слез. (Но все это бывает), если он внимает себе, и во всем советуется с кем-либо опытным, и повергается пред Богом с чистою молитвою, приличною проходящему деятельную жизнь, отвлекая ум свой от всего, что он слышал и видел, и собирая его в памятование о Боге, и ища только того, чтобы воля Божия совершалась во всех его начинаниях и разумениях. Если же не так, то он обольстится, думая [189], что увидит явление кого-либо из святых ангелов или Христа, не понимая того, что желающий видеть Христа не вне должен искать Его, но внутри себя, подражанием жизни Его в мире, и тем, чтобы сделаться телом и душою безгрешным, подобно Христу, и всегда иметь ум, мыслящим по Христе [190]. А представлять себе во время молитвы какой-либо образ, вид или помысл не только не хорошо, но, напротив, весьма вредно. Ум должен быть в месте Божием, как то объясняет святой Нил, приводя изречение псалма: *и бысть*, — говорит, — *в мире место Его* (Пс. 75, 3). Мир же состоит в том, чтобы отнюдь не иметь помысла хорошего или худого. Потому, говорит святой Нил, что если ум ощущает себя, то он уже не в Боге едином, но и в себе. И поистине так. Ибо Божество неописуемо, беспредельно, не имеет образа и вида, и тот, кто говорит, что ум его с единым Богом, также должен иметь ум безвидным, не имеющим очертания, необразовидным и неразвлекаемым. А что вне этого, то — обольщение демонское. Потому и должно быть внимательным, и без вопрошения опытных не утверждать никакого помысла ни доброго, ни худого, ибо мы не знаем ни того, ни другого. Демоны преобразуются во что хотят и такими нам являются; как и человеческий ум и сам преобразуется во что хочет и очерчивается по виду воспринимаемого им предмета; но демоны делают это для того, чтобы обольстить нас, а ум наш блуждает

188 См.: Книга 1-я, глава 2-я наст. изд.

189 Μέλλει θεάσασθαι.

190 Διά Χριστόν νοοῦντα, в слав.: «ум о Христе разумеющ» (ср.: 1 Кор. 2, 16).

неразумно, стремясь достигнуть совершенства. Однако насколько кто может — должен заключать ум в каком-либо поучении по Богу. Ибо как телесных деланий семь, так и ведений ума, то есть познаний, восемь. Три из них предшествуют ведению о пречистых страданиях Господа, в которых и должно всегда поучаться внутри себя, чтобы плакать о душе своей и о подобных себе, то есть размышлять о бедствиях, бывающих с нами от начала преступления, и как естество наше пало в такие страсти; размышлять и о своих согрешениях, и об искушениях, бывающих к исправлению. Потом — о смерти и ужасах, ожидающих грешников после смерти, чтобы душа сокрушилась и предалась плачу, к утешению и смирению своему; чтобы не отчаивалась от многих и страшных этих мыслей, и опять, чтобы не думал человек, что он успел достигнуть духовного дела, но чтобы пребывал в страхе и надежде, что и называется кротостию помыслов, то есть принимать все одинаково. Кротость приводит ум к познанию и рассуждению, по слову пророка: *наставит* бо, — говорит он, — *кроткия на суд* (Пс. 24, 9), точнее же, на рассуждение, чем пророк означает ведение с благочестием. Но как благочестие есть одно наименование, а заключает в себе многие делания, так и ведение по названию одно, но имеет в себе многие (степени) познаний и ведения. Ибо и началом телесного делания служит ведение, и без ведения никто не приступает к деланию доброго, и до самого конца, то есть усыновления и восхищения ума на небо, во Христе, пребывают ведение и видение. Но одно прежде труда, чтобы чрез него совершалось дело, как здания — орудиями, а другое после веры, чтобы дело охранялось страхом, как стеною. И опять нужны ведение и делание душевных добродетелей для того, чтобы приготовлялись и возрастали райские произрастения. После этого опять нужно ведение ума и духовное делание, то есть внимание ума и устроение душевного нрава, чтобы делатель искусно трудился и хранил заповеди, от чего бывает попечение о произрастениях и содействие Божие: как солнце, дождь, ветер и возрастание (плодов), без которых весь труд земледельца напрасен, хотя, может быть, и разумно совершается, ибо без приклонения свыше не может совершиться что-либо доброе; но и приклонения свыше, и (помощи) благодати не бывают к не имеющим произволения, говорит божественный Златоуст. Но все в этой жизни двойственно: делание и ведение; произволение и благодать; страх и надежда; подвиги и воздаяния. Но второго не бывает, пока не совершится первое, а если оно, может быть, и кажется, то это — обольщение. Точно так же, как если бы неопытный земледелец, видя цвет и считая его за плод, поспешил бы собрать его, не зная, что он губит действительный плод собиранием мнимого, так и здесь. Мнение не попускает быть мнимому, говорит святой Нил. Потому и должен всякий пребывать при Боге и все делать с рассуждением, а оно происходит оттого, чтобы вопрошать (опытных) со смирением и укорять себя и то, что делаешь и разумеешь сам. Ибо *сатана преобразуется в ангела светла* (2 Кор. 11,

14). Потому и не чудо, если помыслы, им влагаемые для неопытных, кажутся разумениями правды.

Смирение, говорит Лествичник, есть дверь бесстрастия, основание же его есть кротость, по слову Великого Василия. Ибо кротость делает то, что человек всегда пребывает одинаковым, и при злополучных и при благополучных делах и мыслях, и не заботится ни о чести, ни о бесчестии; но и приятное и прискорбное принимает с радостию и не смущается, как та дева, о которой сказал святой Антоний: «Когда я сидел у одного аввы, пришла некоторая дева и сказала старцу: „Авва, я провожу шесть дней шести недель в посте и ежедневно изучаю Ветхий и Новый Завет“. Старец отвечал ей: „Сделалась ли для тебя скудость все равно что изобилие?“ Она сказала: „Нет“. — „Бесчестие — как похвала?“ — Сказала: „Нет, авва“. — „Враги — как друзья?“ — Отвечала: „Нет“. Тогда говорит ей мудрый тот старец: „Иди, трудись, ты ничего не имеешь“». И действительно. Если она так постилась, что вкушала раз в седмицу, и то чего-нибудь из простейшей пищи, не следовало ли ей иметь скудость как изобилие? И опять, Ветхий и Новый Завет изучала она ежедневно, а не научилась смирять себя? И не имевшая вовсе ничего в жизни, не должна ли она была всех считать друзьями? И при стольких трудах она не могла научиться иметь врагов как друзей? Итак, хорошо сказал ей старец: «Ты ничего не имеешь». А я еще прибавляю, что такой человек подвергнется большему осуждению, как Златоуст говорит о пяти юродивых девах, что в труднейшем они могли подвизаться, то есть в хранении девства, что превыше естества, а в легчайшем не могли, то есть в милостыне, которую даже и эллины и неверные делают и доныне, как естественную. Но не познав, что есть искомое, (дева та) трудилась понапрасну. *Сия подобаше*, — говорит Господь, — *творити, и онех не оставляти* (Мф. 23, 23). Хорошо подвижничество, но с правым намерением. И мы должны считать его не делом, а приготовлением к делу; и не плодом, но почвою, могущею со временем, трудом и помощию Божиею произвести растения, от которых бывает плод. Плод сей есть очищение ума и соединение с Богом, Которому слава вовеки. Аминь.

Слово 10 [191]. О смирении [192]

Истинно смиренномудрствующий никогда не перестает укорять самого себя, хотя бы и весь мир на него нападал и его бесчестил; чтобы не только невольно спастись, как имеющие терпение, но и добровольно спешить к страданиям Христовым, ибо таковой научился из них вели-

191 Надписание подлинника: «Вот десятая буква *к* (каппа) и опять Слово о Христовом смирении, которое происходит оттого, что душа ни о чем не заботится, но себя возделывает всячески, всегда при всяком деле».

192 В слав. «о Христовом смирении».

чайшей из всех добродетелей, в которой обитает Дух Святый. Она есть дверь царства, то есть бесстрастия. Вошедший ею идет к Богу, и без нее напрасен труд и многоскорбен путь. Она дарует всякое спокойствие тому, кто имеет ее в сердце, ибо в ней обитает Христос. Ради нее пребывает благодать, и ею сохраняются дарования. Она рождается от весьма многих добродетелей, то есть от послушания, терпения, нестяжания, нищеты, страха Божия, ведения и других, главнейшая же из них — рассуждение, просвещающее действия ума. Однако да не подумает кто-либо, что просто и как случится можно сделаться смиренномудрым. Это дело превыше естества, и сколь велико это дарование, почти столь же многого требует труда, и благоразумия, и терпения против восстающих на него искушений и демонов, ибо оно минует все их сети. Смирение рождается от ведения, а ведение рождается от искушений. Познавшему себя даруется познание всего; и повинующемуся Богу повинуется все, когда смирение воцарится в членах его. И поистине так. Ибо чрез многие искушения и терпение их человек делается опытным и познает из этого свою немощь и силу Божию. И чрез познание своей немощи и неведения, зная, что он прежде не знал многого, чему теперь научился, верит, что действительно, как он не знал того и не ведал, что не знает, так есть и многое другое, что уведает, может быть, впоследствии, по слову Великого Василия, который говорит: если кто-либо не испытает вещи, то не знает, чего он лишается. Вкусивший ведения отчасти познает, что он не знает, и бывает ему ведение ходатаем смирения. И опять: познавший себя, что он есть создание, склонное к изменению, ни в чем отнюдь не превозносится, ибо если он и имеет, быть может, что-нибудь, то это принадлежит Создавшему его. Никто не хвалит какой-либо сосуд, что он сам себя хорошо устроил, но хвалят художника, который его делал, а когда сосуд разобьется, тогда упрекают в этом виновного, а не художника. Если же сосуд словесен, то по необходимости и самовластен. Итак, Податель всего доброго есть Творец как Виновник творения, а причиною к падению и изменению служит произволение самовластного. Как тот, кто пребывает неизменным, по благодати, получает и похвалу, так и укоризну — принимающий злобу змия. Ибо не тому прилична похвала, кто получает дары, но Тому хвала и благодарение, Кто их подает. По благодати, может быть, и получающий дары удостоивается похвалы за намерение получить то, чего не имел, более же за благоразумие в отношении к Благодетелю; если же не так, то не только лишается он похвалы, но и будет осужден за свое неразумие. Никто не смеет так бесстыдно говорить, что он не получил дара, но с лукавством похищая похвалу и хвастая безмолвно, судит тех, которые не таковы будто бы, как он, как будто [193] богатство, которое он думает иметь, сам он приобрел себе, а не

193 В слав. «судит аки бы не от того Творца бываемая, яко бы сам богатство,

по благодати получил. Если же, может быть, таковой и благодарит Подателя, но, подобно тому фарисею, мечтает и говорит в себе, *благодарю Тя*, что я таков и таков. Хорошо сказал Евангелист, точнее же Сердцеведец Бог: *в себе*, а не Богу говорил он. Хотя и думал он, что Богу говорил устами, но Знавший надменную его душу не сказал: *Богу*, но: *став*, — говорит, — *фарисей сице в себе* глаголаше (Ср.: Лк. 18, 11).

А то, что Писание многократно повторяет те же самые или подобные изречения, не есть, говорит Златоуст, тождесловие или многословие, но это для того, чтобы слово впечатлелось в сердце слышащих. А Псалмопевец, по сильной любви, не хотел оставить слова, как те, которые, не вкусив сладости его, от нерадения попирают и самое изречение, чтобы избавиться от его тяжести. Такой когда получит полезный плод из Божественных Писаний? Напротив, не осуждение ли только и помрачение ума, когда сам отворит дверь нападающим на него демонам, по слову Господа: *Аще в сурове древе сия творят, в сусе что будет?* (Лк. 23, 31). И: *Аще праведный едва спасается, нечестивый же и грешный где явится?* (Притч. 11, 31). И если на тех, у которых весь ум сосредоточен в памяти о Боге, — невеществен и безвиден, — нападают демоны, и если бы Бог не охранял их за их смиренномудрие, то молитва их не могла бы восходить, но возвращалась бы без успеха; что же будем делать мы, жалкие, которые даже и воздуху не говорим устами, чтобы Бог когда-либо умилосердился и снизошел бы неведению нашему и нашей немощи, ради нашего благоразумия [194]? Касательно же того, что и на совершенных нападают демоны, послушаем, что говорит святой Макарий: никто не бывает совершенным здесь, в нынешнем веке, ибо (иначе) не было бы обручением то, что дается здесь. И в подтверждение сего приводит одного брата, который, молясь с другими, вдруг восхищен был на небо умом и видел горний Иерусалим и скинии святых, но, низойдя оттуда, отпал от добродетели и дошел до совершенной погибели, потому что возомнил о себе, что он преуспел, а не счел, что еще больший имеет долг, поелику сподобился такой высоты, будучи недостоин того и прах по естеству. И опять тот же святой Макарий говорит: многих знаю, и по опыту, и я бывал в таком состоянии (совершенства), однако знаю верно, что никто не бывает здесь совершенным; но если бы и вполне невещественным сделался и с Богом почти был соединен, грех все-таки ходит вслед его и никогда, прежде смерти, совершенно не истребляется. И святой Нил говорит о некотором старце [195], что, когда он молился, то, попущением Божиим, к пользе его самого и многих других, демоны

еже мнит имети, стяжа».

194 То есть сознания нами своей немощи.

195 См.: преп. Нил Синайский. Слово о молитве, 111. — Творения. Ч. 1. М., 1858. С. 194.

схватывали его за руки и ноги и бросали вверх, а чтобы тело его не повредилось, падая на землю, подхватывали его на рогожу, и долго делая так, не могли свести ума его с неба. Когда такой человек вкусил бы пищи? Или когда нужно будет ему псалмопение и чтение? Но мы имеем в них нужду, по немощи ума нашего, хотя и таким образом не хотим быть внимательными. Увы! Достигший такой святости был борим, а мы не заботимся о брани. Святые смирением охраняются от сетей диавольских, а мы возносимся, по неразумию. И поистине, великое это неразумие — возноситься кому-либо тем, чего он не имеет. *Что же имаши*, сказано, *егоже неси приял* туне от Бога, или по молитвам некоторых других, *аще же и приял еси, что хвалишися яко не прием* (1 Кор. 4, 7), но как будто сам делая? Авва Кассиан сказал: смирение рождается от ведения, само же оно рождает рассуждение, от которого рождается рассмотрение. Сие последнее пророк называет *советом* (См.: Ис. 11, 2). Оно видит вещи по естеству их и, достигнув оного, ум, чрез ведение созданий Божиих, умерщвляется миру. Богу слава вовеки. Аминь.

Слово 11 [196]. О рассуждении

Весьма хорошо о всем вопрошать, но опытных, а неопытных опасно, потому что они не имеют рассуждения. Рассуждение знает время, потребность, устроение человека, свойство его, силу, ведение вопрошающего, произволение его, намерение Божие, смысл каждого изречения Божественного Писания и многое другое. Не имеющий рассуждения, может быть, и много трудится, но не достигает цели. Если же найдется человек, имеющий рассуждение, то он бывает руководителем слепых и светом для находящихся во тьме, и к нему должны мы во всем обращаться и принимать от него все, хотя, может быть, по неопытности нашей, и не то находим, чего желаем. Однако имеющий рассуждение из того наиболее бывает познаваем, что он может и не желающих и не охотных расположить к тому, что он говорит. Ибо чрез него действует Дух, испытующий все и совершающий Божественные дела, так что может и не хотящий ум заставить верить, подобно Ионе [197], Захарии и Давиду, бывшему из разбойников, которому ангел воспретил говорить, за исключением только молитвенного песнопения. Если же, может быть, ныне, в роде сем, нет имеющих рассуждения, по оскудению рождающего оное смирения, то мы должны о каждом начинании с трудом [198]

---

196 Надписание подлинника: «Одиннадцатое Слово и буква λ (ламбда). Смирение же рождает рассуждение чувственных творений по естеству».

197 См.: Житие преподобного Пахомия Великого. — Жития святых. Май, 15 / Сост. свт. Димитрий Ростовский. М.: Синод. тип., 1864. С. 37.

198 В слав. «с терпением».

молиться, по слову апостола (См.: Кол. 4, 2). Если мы и не имеем *преподобных рук*, то есть чистоты души и тела, то, по крайней мере, постараемся не иметь злопамятства и помыслов, ибо это значат слова апостола: *воздеюще преподобныя руки без гнева и размышления* (1 Тим. 2, 8). И когда что знаем за дело, угодное Богу, то будем делать бесстрастно, и если бы оно и не вполне было благое, то, по недоумению нашему и за намерение о Боге, сделанное вменится нам в благое от благодати; если, однако, это не есть страсть, а сообразное с волею Божиею, как было сказано; и то по нужде, ради одной только благости Божией. А где своя воля, а не Божия, там превозношение, и Бог к тому не благоволит и не открывает там Своей воли, чтобы человек, зная ее и не исполняя, не подпал большему осуждению. Все, что Бог дает нам и удерживает от нас, все делает Он для пользы нашей, хотя мы, как дети, и не понимаем этого. Так и на человека, не очистившего себя от страстей телесными и нравственными деланиями, не ниспосылает Он Святого Своего Духа, чтобы таковой, по привычке, не уклонился опять к страстям и не сделался повинным за нашествие Святого Духа. Но когда кто-либо долгое время проведет в подвигах и очистит сперва тело от большого и малого греха по действию, а потом и душу от всякого желания и всякого вида раздражительности и, привычкою к добру, устроит нрав свой, так чтобы отнюдь ничего не делать пятью своими чувствами, без хотения ума, и по внутреннему человеку ничему такому не делать снисхождения, и человек будет покорен самому себе, тогда и Бог ради бесстрастия покорит ему все, благодатию Святого Духа. Прежде должен он покориться закону Божию и таким образом, как разумный, покорит он себе то, что в его власти, так что ум будет царствовать, подобно тому, как он в начале был создан, царством мудрым, целомудрым, мужественным и праведным. И иногда укрощает он раздражительность мягкостию вожделения, а иногда удерживает вожделение жесткостию раздражительности, и познает ум, что он самодержец и действует всеми членами тела, по заповеди Божией (См.: Втор. 6, 5), и не бывает уже окрадываем забвением и неведением, как прежде. Тогда от *упразднения* по Богу делается ум рассмотрительным и начинает предусматривать сети, уготовляемые диаволом, сокрытые и тайно хитрые; но будущего не провидит, как пророки, ибо это превыше естества и дается (от Бога) для общей пользы. Рассмотрение же естественно, и когда ум очистится, является и оно из-под власти страстей, как из-под мрака, в котором прежде скрывалось, ради же смиренномудрия приходит благодать и открывает душевное око, которое было ослеплено диаволом, и человек тотчас начинает видеть вещи по естеству и не обольщается более внешним видом вещей, как прежде, ибо беспристрастно смотрит таковой на золото, серебро и драгоценные камни и не обольщается, не судит о них пристрастно, но подобно святым отцам знает, что из земли все это, как и другие вещи мира. Видит чело-

века и познает, что он из земли и в землю возвратится; и не просто только помышляет это, потому что и все люди по опыту знают то же, но, будучи обладаемы страстьми, бывают пристрастны к вещам. Если же кто-либо, по превозношению, думает, что он без первых трудов и добродетелей достиг того, чтобы видеть вещи по естеству, это не удивительно, потому что превозношение заставляет и слепых считать себя видящими и неразумных по пустому величаться. Если бы так легко было видеть вещи по естеству, от одних только размышлений, то излишний был бы плач и происходящее от него очищение, и не только это, но — и многообразные подвиги, и смирение, и благодать свыше, и бесстрастие. Но не так это, не так! Часто бывает сие удобнее для людей более простых (сердцем), у которых ум чист от дел этого мира и от лукавств его; если случится такому быть в повиновении у опытного и духовного отца; или, подобно древним, по домостроительству благодати, прежде нежели уразумеет кто-либо *десная или шуяя* (Притч. 4, 27), как сказал Соломон. А нам, которые с юного возраста работаем своим страстям и едва не всякому злу и лукавству усердно научились, без помощи Божией, труда и времени невозможно избавиться от столького зла и так видеть вещи; но и то, в таком только случае, если возлюбим приобретение добродетелей, как любили прежде зло, и будем усердно стараться о них. Хотя и при этом часто старания наши не приносят пользы или потому, что не переносим искушений до конца, или потому, что не знаем пути или намерения, или по лености, или по неверию и по многим другим причинам, которым нет числа. Если же это так, и мы еще очень далеки от цели, то как осмелимся сказать, что мы достигли древней (первоначальной) красоты, если мы только не обольщены самоугодием и скрытою погибелью? Ибо как самоукорение есть невидимое преуспеяние, потому что человек хорошо совершает путь свой и не замечает этого, так и самомнение и самоугодие есть скрытая погибель, потому что мы возвращаемся при них назад и не замечаем того. И поистине так. В тщеславную душу, и очищенную благодатию, страсти возвращаются. И Господь говорит: *Егда же изыдет нечистый дух* и прочее (Мф. 12, 43). Почему? Потому что место, из которого он вышел, не имеет ни делания духовного, ни смирения; оттого и приходит он с прибавлением иных многих зол и живет там. Разумеющий да разумеет.

Слово (Божие) не хочет все передать нам ясно, и опять, не хочет оставлять все неясным, но (говорит) так, как нам полезно. Великое и это благодеяние Божие, говорит Златоуст, что некоторые места Божественного Писания весьма ясны, а некоторые неясны; чтобы одними мы утверждались в вере и любви и от многого непонимания не впали в неверие и уныние, а другими возбуждаемы были к изысканию и труду, избавились от гордости и приобрели смирение, чрез то, что не можем по-

стигнуть. И таким образом от того и от другого получали плод смирения и любви к Богу, если ощущаем изливающиеся на нас дары Его.

Итак, пятое ведение, о котором мы теперь говорим и о котором утверждаем, состоит в том, чтобы человек мог вследствие (дарования) рассуждения поистине видеть чувственные творения и помыслы, а не по какому-либо обольщению не понимать их (как должно), и делать что-либо несогласно с Божественным намерением, пристрастно или снисходить помыслу; но если бы и смерть предстояла, от намерения Божия не отступать ни словом, ни делом. Это сказано о конце ведения, потому что в начале его (подвизающийся) как ученик, по нужде, еще не достигает [199] цели, а может быть, и в деле (погрешает), побеждаясь привычкою. И иногда попущением Божиим несколько заблуждает, но тотчас возвращается со многим смирением; иногда же от самомнения принимает вид возношения [200]. Когда так с ним бывает, то он должен знать, что благодать, вразумляя его, учит смирять себя и познавать, откуда получает он крепость и ведение, *яко да не будем надеющеся на ся*, сказано, *но на воздвигшаго* и прочее (2 Кор. 1, 9), что и здесь бывает. Ибо если подвизающийся пребывает в терпении, не надмеваясь и не отвращаясь от добродетели, то воздвигается и он от умерщвления тела и вещей к познанию существующего, ибо, по слову апостола, телесными деланиями *сраспинается* он (Христу) телесно, и душевными — душевно (См.: Гал. 5, 24); потом спогребается Ему умерщвлением чувств и ведением (всего) по естеству и воскресает мысленно, ради бесстрастия, во Христе Иисусе Господе нашем. Ему слава и держава во веки веков. Аминь.

Слово 12 [201]. О ведении чувственных творений

Уму, не приобретшему еще умерщвления от страстей, неполезно переходить к созерцанию чувственных творений; если же он стремится к этому и не упражняется в поучении Божественным Писаниям, в ведении и безмолвии, то человек более помрачается забвением и мало-помалу приходит в неведение; хотя, может быть, и достигнул уже мысленного ведения, особенно же если не от благодати получил он ведение, сам того не замечая, но от чтения и опытных при том наставников о таких таинствах. Ибо как земля, если земледелец не обрабатывает ее, зарастает тернием, и особенно если она хорошего качества; так и ум, если не уп-

---

199 Ἐπιτυγχάνει, а на поле в греч. книге сделана выноска и написано ἵς αποτυγχάνει.

200 Σχηματιζεται πρός έπαρσιν.

201 Надписание подлинника: «Буква μ (ми) и двенадцатое Слово; оно объясняет опытное созерцание чувственных творений. И никто да не ищет его несвоевременно».

ражняется в молитве и чтении и не имеет этого своим (непрестанным) делом, одебелевает и не замечает того. И как земля, хотя идет на нее дождь и светит солнце, не приносит пользы земледельцу, если он не засеивает ее и не охраняет, так и ум без нравственного делания не может иметь ведения, хотя, может быть, и от благодати получил его. Но как только он, по лености, немного уклонится к страстям, тотчас обольщается. Если же он сколько-нибудь обратит взор свой и к самомнению, то благодать его оставляет. Потому и отцы, ежели по старости и немощи часто и уменьшали телесные делания, но душевные — никогда, ибо вместо телесных подвигов имели они телесную немощь, которая может держать в порядке окаянную плоть, а хранить душу безгрешною, чтобы и ум просветился, без нравственного делания невозможно. И земледелец часто переменяет свои орудия, может быть, и отлагает их, но землю никогда не оставляет необработанною, незасеянною и ненасажденною; также и плод никогда не оставляет без охранения, если хочет им воспользоваться. Если же кто *тать есть и разбойник* и не сею дверью захочет войти, *но прелазя инуде*, как говорит Господь (Ин. 10, 1), того не послушают овцы, то есть божественные мысли, по слову божественного Максима. *Ибо тать не приходит, разве да украдет* слышанием *и убиет* иносказанием и, не в силах будучи постигнуть высший смысл Писания, *погубит* себя самого и мысли лжеименным своим знанием, чрез самомнение. А пастырь *злостраждет* со своими мыслями, по слову апостола, *яко добрый воин Христов* (2 Тим. 2, 3), чрез хранение Божественных заповедей, и *входит тесными вратами*, то есть смиренномудрием и дверью бесстрастия. Прежде нежели удостоится благодати свыше, он упражняет себя и чрез слышание научается всему. И сколько раз ни приходит волк в виде овцы, прогоняет его самоукорением, говоря: не знаю, кто ты; Бог знает. Если же, может быть, бесстыдно приходит мысль и хочет быть принятою, говоря: если ты не составляешь себе понятия и не рассуждаешь о вещах, то ты неверный и невежда. Он отвечает ей: но и юродивый, если хочешь, по слову божественного Златоуста, зная, что юродивый в мире сем премудр бывает, как сказал апостол (См.: 1 Кор. 3, 18), и как говорит Господь, что *сынове века сего мудрейши паче сынов света в роде своем суть* (Лк. 16, 8). И поистине так. Ибо они желают побеждать других и богатеть, быть мудрыми и прославляемыми, властительствовать и другого подобного, и хотя, может быть, и не достигают этого, и труд их бывает бесполезен, однако и сверх силы стараются о том. А те (*сыны света*) желают иметь противоположное исчисленному, за что и здесь часто получают обручение тамошнего блаженства, и стараются хотя столь же усердно, как и те, чтобы ум получил свободу, по благодати, ради которой он мог бы иметь недремлющую память и мысли, подтверждаемые Божественными Писаниями и опытными в духовном ведении, или знать во многом знании, что не знает, по

недостатку ведения, познавая, что мысли, приходившие прежде сего, были искушения, к испытанию его самовластия, чтобы он, смиренномудрствуя, отвращался от своего собственного помысла и намерения и, скорее, боялся их; вопрошал (опытных), со многими слезами прибегал к смирению и самоукорению и считал ведение и дарования как бы великою потерею. Гордый же спешит утверждать свои мысли, не слыша Лествичника, который говорит: не ищи прежде времени (того, что приходит в свое время) и прочее. И святого Исаака, учащего: не входи бесстыдно, но благодари с молчанием. Также и Златоуста, сказавшего «не знаю» и научившегося этому от апостола. И Дамаскина, говорящего об Адаме, что не время было заниматься созерцанием чувственного [202]. Ибо чувства детей не могут переносить твердой пищи, но имеют нужду в молоке, как говорит апостол (См.: Евр. 5, 13). Потому и не будем искать ведения не во время ведения, но прежде приобретем в себе матерей добродетелей, и ведение придет само собою, по благодати Христа. Ему слава во веки веков. Аминь.

Слово 13 [203]. О ведении мысленного

Ведение мысленного приходит после навыка в созерцании чувственного. Но не ангела будет видеть получивший сие ведение. Ибо как человек, который не видит и своей души, может видеть невещественное, единому Творцу ведомое существо? Для общей пользы, по действию промысла Божия, ангелы являлись многократно отцам нашим. Но между нами этого не бывает, потому что мы желаем этого из самомнения и не заботимся о пользе общей, но и не терпим ничего ради Бога. Потому желающий видеть такое (явление), скорее, желает видеть демона, ибо, говорит апостол, *сатана преобразуется во ангела светла* (2 Кор. 11, 14). Если же и бывает (такое явление), то, напротив, тому, кто о сем вовсе не думает и, хотя, может быть, это и бывает, не верит; тогда оно случается, если бывает принимаемо к пользе общей. И познается истинное явление из того, когда мы не хотим даже и во сне принять что-либо подобное; и, если бы случилось, не придаем ему никакого значения, а остаемся такими, как будто ничего не видели. Ибо действительный ангел имеет от Бога власть, если ум и не хочет, умиротворить его и побудить принять себя, а демон не может этого сделать; но когда видит, что ум готов его принять, тогда является, попущением Божиим; если же нет, то удаляется, гонимый ангелом, охраняющим человека от святого крещения, потому что ум не предает своего самовластия. И это так. Теперь же будет сказано об одном (только) ведении горних чинов, которых девять, по

---

202 Τῶν αἰσθητῶν. В слав. «чувственных». На полях в греч. тексте добавлено: «Ἴσως τῶν νοητῶν» — может быть, мысленных.

203 Надписание подлинника: «Буква *ν* (ни) и тринадцатое Слово о ведении здесь еще мысленного, то есть умных Сил бесплотных. От чувственного познает сие созерцающий».

слову великого Дионисия, и как находим это во всех Писаниях. Эти девять чинов имеют наименования, сообразные их природе и деятельности, и называются бесплотными, потому что невещественны; умными, ибо они суть умы, и воинствами, поелику суть *служебнии дуси* (Евр. 1, 14) Царя всяческих. И опять, иные имена имеют они общие и особенные, то есть называются силами и ангелами: первое есть собственно название одного чина, но, по деятельности своей, все девять чинов называются силами, ибо все могут приводить в исполнение Божественную волю. Ангелы есть также собственное имя одного из чинов, первого от нас и девятого от страшного престола, по деятельности же все называются ангелами (вестниками) как возвещающие людям Божественные повеления. Ибо к Иову *ин вестник прииде* (Иов. 1, 18), — говорит Соломон; но то не был святой вестник, потому что, говорит Златоуст, остался один и пришел возвестить. Но и Господа Божественное Писание в различных местах называет Ангелом. Ангелов, сказано, принял Авраам (Быт. 18); но то был Господь бесплотный, как говорит Дамаскин к Богородице: Авраам в сени увидел совершившееся в Тебе, Богородица, таинство, ибо Сына Твоего бесплотного принял… и прочее. И опять: в пещи (Вавилонской) с отроками был Сам Он (Ср.: Дан. 3, 92), по действию же называется ангелом, как и пророк Исаия сказал: великого *совета Ангел* (Ис. 9, 6), и Сам Господь говорит: *Яже слышах от Отца Моего, сказах* [204] *вам* (Ин. 15, 15). Тому слава вовеки. Аминь.

Слово 14 [205]. Об истинном бесстрастии

Необычайное и преславное дело есть бесстрастие, ибо оно может, после того как человек привыкнет побеждать страсти, сделать его подражателем Богу, по мере сил человеческих. Бесстрастный, страдая или терпя нападение от демонов и злых людей, переносит это, как бы не он, а другой кто-либо страдал, подобно святым апостолам и мученикам; и когда его прославляют, не возносится; когда порицают, не скорбит, имея в мысли, что радостное есть благодать Божия и снисхождение, превыше его достоинства, а трудное — испытания; и одно дается здесь, по благодати, к утешению, а другое — для смиренномудрия и благой надежды в будущем; и как не чувствующий, при многом чувстве, пребывает он среди прискорбного вследствие рассуждения. Бесстрастие не есть одна какая-либо добродетель, но наименование всех добродетелей. Ибо как один член не есть человек, но многие члены тела в совокупности составляют человека, и то не одни, но вместе с душою, так и бесстрастие есть совокупность многих добродетелей, в которой вместо души обитает Святой Дух, потому что бездушны суть все так называемые духовные

204 Ἀναγγελῶ.

205 Надписание подлинника: «Настоящее Слово, соответствующее букве ξ (кси), об истинном бесстрастии вообще. Вот уже четырнадцать глав, по благодати Христовой, изложены вкратце».

дела, если они не имеют Духа Святого, от Которого так называемый духовный получил наименование. Если душа не отвергнет страстей, то не снизойдет на нее Святой Дух. Но без этого опять и сия всеобъемлющая [206] добродетель не может быть названа бесстрастием; и если, может быть, и случится кому-либо быть таковым, то это более по бесчувствию. Потому и эллины, не знающие сего, говорят: не будь бесстрастен, как бездушный, и страстен, как бессловесный. Слова их «бесстрастен, как бездушный» были сказаны сообразно с их разумением, ибо они не знали о Святом Духе, а сказанное о страстном человеке, что он подобен бессловесному, и мы также говорим, но не потому, чтобы мы от них сему научились, а просто говорим, ибо это не есть ведение, не есть и опытность, но, испытав мучительство страстей, мы научились — от чего мы пострадали. И опять: от святых отцов, которые удостоились бесстрастия, научившись приобретению добродетелей, мы пишем (о сем). Они говорят, что как очень страстный бывает плененным и бесчувственным от любви к страстям, и иногда вследствие какого-либо вожделения бросается безрассудно, как бессловесное (животное), а иногда от раздражительности, мстящей за вожделение, как зверь скрежещет зубами на подобных себе. Так и бесстрастный человек от совершенной любви к Богу делается нечувствительным. И иногда имеет непрестанное поучение в Боге; иногда (упражняется) в ведении какого-либо из Его чудодействий и в каком-либо изречении Божественных Писаний, по слову святого Нила. И если он и посреди многих находится, если и на торгу, ум его пребывает, как наедине. Такое устроение происходит от хранения Божественных заповедей Христа, Которому слава и держава вовеки. Аминь.

Слово 15 [207]. О любви

Желающий сказать что-либо о любви дерзает говорить о Боге, по слову Иоанна Богослова, который говорит: *Бог любы есть, и пребываяй в любви в Бозе пребывает* (1 Ин. 4, 8, 16). О чудо! Эта главнейшая из всех добродетелей естественна. Почему и закон, во-первых, сказал о ней: *возлюбиши Господа Бога твоего… от всея души твоея* и прочее (См.: Втор. 6, 5). Услышав: *от всея души*, я пришел в изумление, и не нужны были мне остальные слова. Ибо (изречение): *от всея души*, обнимает и разумную, и раздражительную, и вожделевательную (части), ибо душа состоит из этих трех (сил). И ум (разумная часть) ее всегда размышляет о Божественном; вожделевательная сила одного только Бо-

206 Περιεκτική, в слав. «обдержительная».

207 Надписание сего Слова в подлиннике: «Хранение Божественных заповедей есть доказательство любви к Богу и ближнему. Посему и настоящее Слово говорит о любви. Оно соответствует букве *о* (омикрон) и по счету пятнадцатое, а начало и конец закона есть любовь».

жественного желает непрестанно и отнюдь ничего иного, ибо закон сказал: *от всея души*, и раздражительность естественно действует против препятствующих такому желанию, и не иначе. И так хорошо сказано, что *Бог любы есть* (1 Ин. 4, 8); и если Он увидит, что эти три силы души к Нему единому стремятся, как Он заповедал, всячески и Он Сам как благий не только возлюбит, но и *вселится и походит* в таковой душе, как сказал Он (Ср.: 2 Кор. 6, 16), наитием Духа [208]. А тело поневоле и нехотя, как бессловесное, покорится разуму; и плоть не будет более *похотствовать на дух*, как говорит апостол (Ср.: Гал. 5, 17). Но как солнце и луна, водимые повелением Божиим, освещают мир, хотя они и бездушны, так и тело, по воле души, будет совершать дела света. И как солнце, переходя ежедневно от востока к западу, совершает один день, и без него бывает ночь, так и каждая добродетель, которую исполняет человек, просвещает его душу, и без нее бывают страсть и тьма, пока он снова не приобретет добродетели, и так приходит свет. И как солнце, начиная от края востока до другого края его, понемногу изменяя лучи свои, совершает год, так и человек, начиная добродетели и понемногу преуспевая в них, делается бесстрастным. И как луна делается полною и уменьшается каждый месяц, так и человек в каждой добродетели ежедневно успевает или ослабевает, пока не придет в навык подлежащей добродетели. И иногда скорбит о Боге, иногда же веселится, благодаря Бога и считая себя недостойным приобретения добродетелей. И опять, иногда просветляется, иногда же помрачается, пока не окончится путь; и одно бывает за возношение, другое же для предохранения от отчаяния, по действию промысла Божия. Как в нынешнем веке солнце имеет изменения и луна увеличивается и уменьшается, в будущем же всегда свет для праведных и тьма — увы! — для подобных мне грешников; так и ныне, прежде совершенной любви и Божественного ведения, в душе бывают перемежающиеся между собою различные изменения, и в уме помрачения вместе с добродетелями и познаниями, пока человек не удостоится делания будущего (века) ради совершенной любви, для приобретения которой и весь труд предпринимается. Ибо ради любви покоряется заповеданиям тот, кто находится в повиновении, и ради нее богатый и свободный делается нестяжательным и рабом, дабы попустить желающим иметь то, что принадлежит ему и его самого. Подобно сему и постящийся постится для того, чтобы иные могли питаться тем из его имения, что он употребил бы на себя самого. И просто: всякое делание исполняется из любви к Богу или ближнему. Упомянутое нами и тому подобное бывает ради любви к ближнему, а бдение, псалмопение и таковые (делания) из любви к Богу, Которому слава, честь и держава во веки веков. Аминь.

---

208 В слав. «Святаго Духа».

Слово 16 [209]. О ведении Бога

Все сотворенное Богом имеет начало, если же Он восхощет, то и конец, ибо все это произошло из небытия. Бог же не имеет ни начала, ни конца, так же, как и Его совершенства, ибо Он никогда не был без них, но всегда был и есть преблагий и праведный, всепремудрый, всемогущий, непобедимый, бесстрастный, неописанный, беспредельный, неисследимый, непостижимый, бесконечный, присносущий, несозданный, неизменный, непреложный, истинный, несложный, невидимый, неосязаемый, необъятный, совершенный, превысший всего существующего, неизъяснимый, неудоборазумеваемый, многомилостивый, всещедрый, многоблагоутробный, Вседержитель, всевидящий. И, как говорит великий Дионисий, Он, имея добродетели, не понуждает Себя к исполнению каждой, как добродетельные люди, но производит благое, желая его, и употребляет добродетели, как орудия, самопроизвольно. Ангелы же и добродетельные люди получили от Него, по благодати, вместе с бытием и добродетели, которыми, подражая Ему, сделались праведными, благими и премудрыми. И они как творения имеют нужду в помощи и снисхождении Вседержителя, без которых не могут иметь ни добродетели, ни премудрости; потому что творения склонны к изменению, и, как совокупленные из различного, называются сложными, а Бог бесплотен, прост, безначален, Единый Бог во Отце и Сыне и Святом Духе поклоняемый и прославляемый всем творением. И человек, удостоившийся быть по подобию Его, имеет одну волю, а не многосложную, а ум простой; всегда упражняется в безвидном, насколько это от него зависит; по действию же Промысла, невольно нисходит из безвидного к созерцанию какого-либо (изречения) Писания или творений. Чтобы не быть осужденным, заботится и о теле, не потому что любит тело и желает его питать, но чтобы не сделать его вовсе непотребным и не подвергнуться за то осуждению, как было сказано. Как ум не отвергает свойственных ему страстей, но употребляет их по естеству, так и душа не отвергает тела, но употребляет его на всякое доброе дело. И как ум, удерживая безрассудные стремления страстей, направляет каждую из них по Божественной воле, так и, удерживая члены тела, человек исполняет одну волю, а не многие, ибо ни четырем стихиям, составляющим тело, ни многим членам его не попускает делать, что они хотят, ни трем душевным силам безрассудно и необузданно мыслить или возбуждать тело к деланию, но, поступая по внушению духовной премудрости, волю трех сил (души) делает одною, нераздельною. Видов сей премудрости четыре: мудрость, целомудрие, мужество и правда. Весьма высоко написал о них Богослов,

---

209 Надписание подлинника: «Буква π (пи) и шестнадцатое Слово, о ведении Бога вкратце (говорящее). Ибо многие сказали о богословии, во многих канонах и словах».

во Христе Иисусе, Господе нашем, Которому слава и держава во веки веков. Аминь.

Слово 17 [210]. О мудрости

Всем желающим узнать о четырех главных добродетелях легче научиться сему от Богослова, однако и здесь о каждой из них будет сказано понемногу, ибо всякая добродетель имеет нужду в сих четырех, и всякое начинание нуждается в первой из них, то есть в мудрости, и без нее не может осуществиться. Ибо как может какое-либо дело исполниться без мудрости? Она рождается от разумной части души и находится между лукавством, то есть чрезмерным мудрствованием [211], и неразумием. Одно из них влечет мудрость к тому, чтобы поступать лукаво и вредить душе, ее имеющей, и другим, кому возможно. Другое же делает ум нечувствительным и суетным и не допускает его заботиться ни о Божественных вещах, ни о чем-либо полезном для души его самого или ближнего. И одно уподобляется высочайшей горе, а другое пропасти; мудр же тот, кто идет по равнине, между ними находящейся. А кто совращается (с среднего пути), тот или падает вниз, в пропасть, или же старается взойти много вверх и, не находя пути, невольно падает вниз, и, против желания, снова низвергается в пропасть, и не может устоять, потому что не хочет чрез покаяние возвратиться к мудрости с высоты горы. Падший же в пропасть умоляет со смирением Могущего вывести его на царский путь добродетели. А мудрый не восходит с возношением и не хочет повредить кому-либо; но и не нисходит неразумно и не получает от кого-либо вреда, а собирает для себя наилучшее и хранит оное о Христе Иисусе, Господе нашем, Которому слава и держава вовеки. Аминь.

Слово 18 [212]. О целомудрии

Целомудрие есть здравый (целый) образ мыслей, то есть не имеющий (какого-либо) недостатка и не допускающий того, кто его имеет, уклоняться в невоздержность или в окаменение; но хранящий собираемое мудростию доброе и отвергающий все худое; собирающий помысл к себе самому и собою возводящий его к Богу. Как добрый пастырь, собирает оно (целомудрие) своих овец, то есть Божественные мысли, вокруг и внутрь себя, а невоздержность, как бешеного пса, убивает удалением

---

210 Надписание подлинника: «Вот теперь семнадцатое Слово об одной из главных (добродетелей), поелику мы достигли до буквы ϱ (ро). Мудрость есть первая из четырех».

211 Του ὑπερφρονειν.

212 Надписание подлинника: «Сигма (σ) — восемнадцатая из букв; Слово же настоящее о целомудрии».

от вредного; окаменение же отгоняет, как хищного волка, и не допускает его в уединении поядать овец, но постоянно видит его и ясно указывает его разумной части души, чтобы оно не укрылось в темноте и не пребывало вместе с его мыслями. Целомудрие рождается от вожделевательной части души. Без него не может сохраниться ничто доброе, хотя бы, может быть, и произошло. Ибо если не присутствует целомудрие, то причастность души стремится или вверх, или вниз, то есть или к окаменению, или к невоздержности. Невоздержность же разумею не ту только, которая относится к чревоугодию и блуду, но — воздержание всякой страсти и всякого помысла, не по Богу, произвольно помышляемого. Целомудрие укрощает все это; оно удерживает неразумные стремления души и тела и направляет их к Богу, Которому слава вовеки. Аминь.

Слово 19 [213]. О мужестве

Свойство мужества состоит не в том, чтобы побеждать и одолевать ближнего, — это есть дерзость, стоящая свыше мужества, — и не в том, чтобы, по страху искушений, уклоняться от деланий о Боге и добродетелей, — это, напротив, боязнь, находящаяся ниже его, — но в том, чтобы пребывать во всяком деле благом и побеждать страсти душевные и телесные, потому что *несть наша брань к крови и плоти*, то есть к людям, как в древности было с иудеями, когда побеждавший иноплеменников совершал дело Божие, *но к началом, и ко властем* (Еф. 6, 12), то есть к невидимым демонам. И побеждающий мысленно побеждает или бывает побеждаем страстями. Та война была прообразованием нашей брани. Две вышеупомянутые страсти, хотя и кажутся противными одна другой, но смущают нас по немощи (нашей); и дерзость влечет кверху и устрашает, поражая изумлением, как бессильный медведь, а боязнь убегает, как прогоняемый пес, ибо никто из имеющих в себе одну из этих двух страстей не уповает на Господа, потому и не может устоять на брани, хотя бы был смелым, хотя бы боялся; праведник *же яко лев уповает* (Притч. 28, 1) на Христа Иисуса, Господа нашего, Которому слава и держава вовеки. Аминь.

Слово 20 [214]. О правде

Бога прославляют и ради Его праведности, говорит Великий Дионисий. И поистине так. Ибо при отсутствии правды все неправедно и без

---

213 Надписание подлинника: «Буква τ (тав) и Слово девятнадцатое о мужестве. Оно рождается от раздражительной (части души) и находится посреди дерзости и боязливости».

214 Надписание подлинника: «Слово двадцатое, в котором буква υ (ипсилон), о правде всех добродетелей. Она подает каждой равное и рождается опять от ума».

нее не может устоять. Она называется рассуждением и во всяком начинании назначает должное, чтобы не было в чем-либо недостатка, по оскудению, и преувеличения, по излишеству. Ибо хотя (эти вещи) и кажутся противоположными одна другой, потому что одна стоит выше, а другая ниже правды, но обе отчасти склоняются к несправедливости. Как и линия, если имеет выпуклость или вогнутость, уклоняется от прямого направления, и весы также на какую сторону наклонятся, та и превышает другую. Тот же, кто может сохранять праведность, не падает вниз чрез неразумие, невоздержность, боязнь и излишество и не ползает на чреве, как змий, ядя землю и служа постыдным страстям, но и не возносится вверх преувеличением, дерзостию, окаменением и недостаточностию, *мудрствуя* чрезмерно и поступая лукаво, превыше своего достоинства, но *мудрствует с целомудрием* (Ср.: Рим. 12, 3) и терпит со смирением, зная, что он по благодати получил то, что имеет, по слову апостола, и не отрицает сего. Ибо несправедливо поступает в отношении себя и ближнего, наиболее же Бога, если приписывает себе благие дела. Но если думает, что имеет от себя что-либо благое, то *еже мнит имети, возмется от него*, как говорит Господь (Лк. 8, 18). Ему слава и держава вовеки. Аминь.

Слово 21 [215]. О совершенном мире помыслов

Господь, сказав апостолам: *Мир Мой даю вам*, — присовокупил: — *Не якоже мир дает* (Ин. 14, 27), то есть не просто, как люди, живущие в той стране, когда приветствуют друг друга, говорят: мир вам. Как и соманитянка сказала: *мир тебе*, также и Елисей к Гиезию: *и речеши мир ти*, то есть ей самой, *мир ли мужу твоему? мир ли отрочищу?* (Ср.: 4 Цар. 4, 23, 26), но мир, *превосходящий всякий ум*, который Бог дает любящим Его от всей души, ради бывших прежде того браней и бедствий. Посему Господь опять сказал: *Во Мне мир имате*, — и присовокупил: — *В мире скорбни будете, но дерзайте, яко Аз победих мир* (Ин. 16, 33); то есть если бы человек терпел многие скорби и переносил многие бедствия от демонов и от людей, но, имея мир Господень, он все их считает за ничто. И еще сказал Господь: *Мир имейте в себе* (Ср.: Мк. 9, 50). Все это предсказал Он апостолам, потому что они должны были идти на брани и терпеть скорби ради Его. В общем же смысле — на каждого из нас, верующих, нападают страсти и соблазняют его; если же он имеет мир с Богом и с ближними, то все побеждает.

Это есть мир, которого Иоанн Богослов повелевает не любить (См.: 1 Ин. 2, 15), — не создания, но мирские похоти. Душа имеет мир с Бо-

---

215 Надписание подлинника: «Буква φ (фи) и двадцать первое Слово о совершенном мире помыслов; как ученики получили от Господа, ибо такой (мир) дан от Бога».

гом, когда имеет мир в себе самой и бывает вся такою, как угодно Богу, а таковою бывает она, когда имеет мир со всеми людьми, хотя бы и тяжкое переносила от них; но, по незлобию, вовсе не смущается, а все терпит, всем желает добра, всех любит ради Бога и ради естества. О неверных, как погибающих, плачет, как делал Господь и апостолы, о верных же молится и соболезнует им (См.: Лк. 23, 34; Деян. 7, 60), и так получает мир помыслов и мысленно пребывает при Боге ведением и чистою молитвою. Ему слава во веки веков. Аминь.

Слово 22 [216]. О духовной радости

Радуйтеся о Господе, — говорит апостол (Флп. 3, 1); и хорошо сказал он: *о Господе*, ибо если не *о Господе* будет радость, то не только не радуется человек, но и (никогда) не будет иметь радости. Ибо Иов, рассматривая жизнь человека, нашел, что она полна всякой скорби (См.: Иов. 14, 1); также Великий Василий и Григорий Нисский говорят, что птицам и другим животным, по нечувственности их (свойственно) радоваться, а разумному человеку — нет свободы от плача; потому говорит, что мы не удостоились даже познать и те блага, от которых мы отпали. И самая природа учит нас более плакать, ибо жизнь эта многоболезненна и многотрудна и, как изгнание, полна грехов. Но если кто постоянно помнит Бога, тот веселится, по слову Псалмопевца: *помянух Бога и возвеселихся* (Пс. 76, 4). Ум, увеселяемый памятию о Боге, забывает скорби мира, и от этого памятования уповает на Бога и бывает беспопечителен. Беспопечительность доставляет радость и располагает к благодарению; а чрез благодарение, соединенное с благоразумием, возрастают дары и дарования. По мере того, как умножаются благодеяния, возрастают благодарение и чистая молитва со слезами радости, и вскоре человек избавляется от слез печали и страстных; выходит из (под власти) страстей и так приходит в духовную радость, от всякого случая. Чрез приятное смиряется и благодарит, а чрез искушения укрепляется в нем надежда на будущее; и о том и о другом радуется, и любит Бога и всех естественно, как благодетелей, и не встречает во всем творении чего-либо, могущего повредить ему. Но просвещаемый ведением Бога радуется *о Господе* о всех творениях, удивляясь Его промышлению о Своих созданиях. Ибо достигший духовного ведения удивляется не тому только, что явно (всем) и достойно похвалы, но и неявному для неопытных принужден бывает изумляться, по силе чувства. И не дню только удивляется, ради света, но и ночи, ибо ночь всем полезна. Проводящим деятельную жизнь ночь доставляет безмолвие и свободу; плачущих она ведет к памятова-

216 Надписание подлинника: «Слово двадцать второе и буква χ (хи) — как радость рождается от мира. О ней будет сказано немного; потому что есть духовная радость, есть и иная».

нию о смерти и аде, а проходящих нравственное делание располагает к совершеннейшему поучению, рассматриванию добрых дел и устройству (своего) нрава, как говорит Псалмопевец: *яже глаголете в сердцах ваших, на ложах ваших умилитеся* (Пс. 4, 5), то есть в безмолвии ночи *умилитеся*, вспоминая преткновения, бывшие в смущении дня и *учаще… себе в пениях и песнех духовных* (Ср.: Кол. 3, 16), то есть обучайте себя пребывать в молитвах и псалмопениях, чрез размышление и внимание при чтении. Ибо так совершается нравственное делание: (подвизающийся) размышляет о том, что сделано им в течение дня, чтобы, при безмолвии ночи, мог он прийти в чувство и плакать о том, в чем согрешил. И когда благодать приведет его в преуспеяние, и он найдет поистине, а не мечтательно, что-либо из нравственного, относительно души или тела, совершающегося делами или словами, по заповеди Христовой, тогда благодарит со страхом и смирением и подвизается в молитве и многих слезах пред Богом, чтобы сохранить тот добрый нрав [217], обучая себя помнить о нем, чтобы снова не потерять его забвением. Потому что добрый нрав образуется в нас многим временем и трудом, и то, что приобретено многим трудом и временем, можно потерять в одну минуту. Это (сказано) касательно проходящих деятельную жизнь, для перешедших же к ведению ночь заключает в себе многие созерцания, как говорит Великий Василий, ибо она ежедневно напоминает создание мира и располагает к ведению. (Во время ночи) тьма покрывает все творение, как было некогда (прежде создания). Как небо было некогда одно, без звезд, подобно тому, как и теперь, когда их скрывают облака. И войдя в келлию, и видя только тьму, (подвижник) вспоминает тьму оную поверх бездны (См.: Быт. 1, 2); и снова, увидев внезапно чистое небо и став вне келлии, он приходит вдруг в изумление, созерцая горний мир [218], и восхваляет Бога, как сказано у Иова об ангелах, когда они увидели звезды (См.: Иов. 38, 7). Созерцает и землю невидимую и неустроенную, как некогда, и людей, погруженных в сон, как бы несуществующих, и бывает по чувству один, как некогда Адам, и разумно вместе с ангелами воспевает Творца и Создателя твари.

При случающихся ударах грома и молнии вспоминает он день суда; от голоса птиц как бы чувствует звук тогдашней трубы, и от восхода денницы и явления лучей размышляет о явлении Честного и Животворящего Креста; чрез возбуждение от сна людей познает воскресение и от явления солнца — пришествие Господне. И как некоторые встречают (солнце) песнопением, подобно святым, которые тогда будут восхищены на облаках, а некоторые спят в нерадении, как имеющие быть осужденными тогда. И иные в славословии, ведении и молитве и прочих добро-

---

217 Τόν χρηστόν ήθος εκεινο.

218 Τόν άνω κόσμον.

детелях проводят весь день, веселясь, и пребывают в свете ведения, как тогда — праведные; некоторые же пребывают в страстях и неразумии, как тогда — грешники. И просто сказать: имеющий ведение во всякой вещи находит содействие к спасению души и прославлению Бога, для чего и создано все от *Бога разумов* и Господа, как говорит мать пророка Самуила, потому *да не хвалится премудрый премудростию своею* и прочее, *но о сем да хвалится хваляйся, еже разумети и знати Господа* (См.: 1 Цар. 2, 3, 10), то есть тем, чтобы познавать, *во многом разуме*, Господа из творений Его, и подражать Ему, по силе, хранением Божественных заповедей Его, чрез которые познает Его, и, подобно Ему, возможет *творить суд и правду посреде земли,* ибо она говорила это, пророчествуя о распятии и воскресении Господнем. И да сострадает Ему (таковой) приобретением добродетелей, и прославится с Ним бесстрастием и ведением, и хваление будет иметь в себе, что он сподобился быть рабом такого Владыки и подражателем смирения Его, будучи недостоин; и тогда похвала будет от Господа, по слову апостола (См.: Рим. 2, 29; 1 Кор. 4, 5). Когда это «тогда»? Когда *речет сущим одесную: приидите благословеннии, наследуйте* Царство (Ср.: Мф. 25, 34), которого да сподобимся все мы Его благодатию и человеколюбием. Ему слава и держава вовеки. Аминь.

Слово 23 [219]. О Божественных Писаниях, что в них нет разногласия

Пойте разумно, — говорит пророк (Пс. 46, 8), и: *Испытайте Писания*, — говорит Господь (Ин. 5, 39). Кто слушается этого, тот просвещается, а кто ослушивается, тот помрачается. Ибо если кто невнимателен к тому, что он произносит, — не столько получает он плода от Божественных Писаний, хотя, может быть, и часто поет и читает. *Упразднитеся*, сказано, *и разумейте* (Пс. 45, 11), ибо *упразднение* собирает ум, и если кто-либо захочет быть несколько внимательным, то *познает от части*, по слову апостола (1 Кор. 13, 12), и особенно тот, кто имеет *от части* нравственное делание, ибо оно дает уму большую опытность от борьбы со страстьми. Однако не настолько познает он, сколько таинств заключает в себе каждое изречение Писания, но насколько чистота ума его может принять от благодати. Это ясно из того, что мы часто познаем ведением какое-либо изречение Писания и достигаем одно или два из намерений, с которыми написано было это изречение, а чрез несколько времени, когда ум, может быть, делается более чистым, он сподобляется иного разумения, высшего, нежели то, первое. Так что от не-

219 Надписание подлинника: «О Писаниях двадцать третье Слово, что никакого никак не имеют они разногласия, (для) желающих испытывать их, но должно понимать все написанное, как следует».

доумения и удивления благодати Божией и неизреченной Его премудрости (ум) приходит в страх и трепет пред *Богом разумов*, как сказала пророчица Анна, что *Бог разумов Господь* (1 Цар. 2, 3). Не о том говорю, когда кто-либо услышит — чрез какое-либо Писание или человека, — это не есть чистота ума или откровение, — но если бы познал кто-либо и не верил себе, пока не найдет, что Божественное Писание или кто-либо из святых подтверждает то в*е* дение, которое он получил самодвижно об изречении Писания или чувственном, или мысленном деле. И если, может быть, вместо одного намерения он встретил бы многие или услышал бы о них из Божественного Писания или от святых отцов, то пусть не не верит этому и не считает этого за разногласие. Ибо случается, что вещь бывает одна, а цели ее многие. Так об одеждах, если бы кто-либо сказал, что они греют, другой, что украшают, и третий, что покрывают, — все трое говорят истину, что одежда нужна для теплоты, покрова и украшения, и эти трое постигли Божественные намерения касательно одежды и имеют свидетелем Божественное Писание и природу вещей. Если же кто-либо, будучи *тать и разбойник*, относительно разумений [220], сказал бы, что одежда нужна для грабежа и воровства, тот всячески лжет. Ибо ни Писание, ни природа вещей не подтверждают, чтобы одежда была для этого, поелику и законы за такие дела казнят. Так же бывает и при всякой вещи, чувственной или мысленной, или слове Божественного Писания. Ибо и святые познают не всякое намерение Божие относительно каждой вещи или написанного слова; но и не все вдруг пишут, что они познали [221]. Частию потому, что Бог непостижим и премудрость Его не имеет предела [222], чтобы ангел или человек мог вместить все; как Златоуст говорит о некотором ведении, что мы сказали о сем, сколько должно было сказать ныне, Бог же вместе с упомянутым ведает и иное непостижимое; частию же и потому, что неполезно будет, если и сами святые будут говорить все, что знают, ради немощи человеческой, и чтобы не продлилось слово и не сделалось ненавистным или неудобопонимаемым, по смущению, но чтобы говоримое было в меру, по изречению Богослова. Потому и бывает, что сегодня тот же (святой) о том же деле говорит одно, а завтра другое; и это не есть разногласие, если только слушатель имеет ведение или опытность. И опять: один говорит одно, а другой о том же самом изречении Божественного Писания — другое, ибо часто и то и другое внушила Божественная благодать, сообразно с временем и состоянием людей. То только есть искомое, чтобы соответственно Божественному намерению делалось то, что делается, или говорилось то, что говорится, и чтобы оно

---

220 Επί νοήμασιν.

221 Ср.: Книга 2-я. Слово 12-е наст. изд.

222 Ούκ έχει πλήρωμα.

подтверждалось Божественным Писанием, дабы не услышало оно от апостола: *анафема да будет* (Гал. 1, 8), если иное благовестит вам, вне Божественного намерения или естества вещей, хотя бы то был и ангел, как говорят Великий Дионисий, Антоний и Максим Исповедник. Поэтому говорит Златоуст: не дети эллинов передали нам это, но Святое Писание. Так, не есть разногласие то, что Писание говорит о некотором (муже), что он не видел Вавилона во время пленения (См.: Иез. 12, 13), и опять, в другом месте, что он был переселен в Вавилон, вместе с другими. Читающий внимательно найдет в ином месте Писания, что того мужа ослепили и таким взяли в плен, и так он взошел в Вавилон (См.: Иер. 39, 7, 9), как сказал о нем один, но не видел его, как сказал другой. И опять некоторые, по незнанию своему, говорят, что Послание к Евреям писано не Павлом апостолом, также и одно из слов святого Дионисия не им написано; но если кто внимательно рассмотрит, то из самых слов удостоверится в истине. Ибо святые, если говорят о естественной вещи, то — по рассмотрению, то есть по ведению естественному, от ведения существующего, то есть творений, происходящего вследствие чистоты ума, говорят, с полнейшею точностию о намерении Божием и испытывают Писания (См.: Ин. 5, 39), как Златоуст сказал о тех, которые в земных рудокопнях отыскивают золото, что они и тончайшие жилки разыскивают, чтобы ни одна йота или черта не пропала, как говорит Господь (См.: Мф. 5, 18). Йота есть десятая буква, а так называемая черта есть знак, без которого нельзя правильно писать [223]. И это сказано о вещах по естеству. Когда же превыше естества представляется чувственная или умственная вещь или написанное изречение, то святые познают его по прозрению, или по откровению, если дается им ведение о сем от Святого Духа. Если же и не дается, но для пользы остается им это неоткрытым, то они не стыдятся сказать истину и сознаться в человеческой немощи, говоря: не знаю, Бог ведает; по слову апостола (См.: 2 Кор. 12, 3). И как говорит Соломон: трех не разумею *и четвертаго не вем* (Ср.: Притч. 30, 18). И опять Златоуст: я не знаю, хотя бы и неверным назвали меня еретики, пусть называют и глупым. И просто: те, которые имели двоякую премудрость, предпочитали премудрость свыше, но мудро пользовались и внешним обучением, в меру, согласно с апостольским правилом, чтобы не хвалиться безмерно, как те египтяне, которые издевались над простотою речи апостола Варнавы, не зная, что проповедь его заключала в себе глаголы жизни вечной, как говорит Климентово писание. Многие из нас страдают тем же и, когда слышат, что кто-нибудь говорит на ином языке, смеются, хотя, может быть, говорящий и премудр в своем языке и говорит о страшных таинствах; это, конечно, происходит от незнания. Отцы же с намерением писали просто, соображаясь со временем

---

223 Κεραια.

и с людьми, к которым писали. Как говорит святой Григорий Нисский, восхваляя святого Ефрема за то, что он, будучи премудр, писал просто, и будучи весьма искусен в знании догматов, удивляюсь, говорит, как искусно склеил листы нечестивых книг того малоумного еретика, и как тот, по гордости, не в силах был перенести стыда и лишил себя жизни. Святое смирение превыше естества, и неверный не может его иметь и считает противоестественным, как говорит о таких Великий Дионисий в писании своем к святому Тимофею, что древним воскресение мертвых казалось противоестественным, мне же, и тебе, и истине не кажется оно противоестественным, но превысшим естества. И это по отношению к нам только, по отношению же к Богу не превышеестественным, а естественным, ибо повеление Божие есть действие Его естества. Отцы же наиболее лобызают смирение делом и словом, как написавший «Старчество», хотя был и епископ и потерпел изгнание за Христа, но о рубище одной девы сказал: я взял его, чтобы получить благословение. И святые отцы Дорофей и Кассиан были премудры, но писали просто. Это сказано нами для того, чтобы не подумал кто-либо, что некоторые по гордости писали высоко или, опять, другие по неучености — просто; но сила [224] у тех и у других одна и та же и одним и тем же Святым Духом дана, намерение же было — к пользе всех. Ибо ежели бы все писали просто, то никто из высоких (ученых) не получал бы пользы и считал бы написанное за ничто по простоте слова; но также и из простых никто не получил бы пользы, если бы все писали высоко, потому что не понимал бы силы сказанного. Кто действительно вкусил ведения Писаний, тот знает, что сила и простейшего изречения Писания и наиболее премудрого одна и та же и направлена к тому, чтобы спасти человека, а непричастный этого ведения часто соблазняется, не зная того, что обучение земной мудрости много помогает, если оно делается колесницею для премудрости свыше. Ибо одна дает светлые мысли, а другая силу слову, если имеет при себе твердое благоразумие и целомудрие [225], чрез которое опасается неразумия и того, чтобы *не мудрствовати паче, еже подобает*, но *мудрствует в целомудрии*, по слову апостола (Рим. 12, 3). Как слово «аминь», вместо которого в Евангелии от Луки сказано «воистину» (Лк. 9, 27; 12, 44; 21, 3), есть твердое слово, подтверждающее прежде него сказанное, так и мудрость есть твердое понимание, могущее сохранить истину. «Аминь» делает явным пребывание новой благодати, потому и нигде не встречаем его в Ветхом Завете, ибо тот был прообразованием, в новой же благодати повсюду говорится «аминь», ибо она пребудет во век и в век века.

---

224 Ὁ νους — ум, смысл.

225 В греческой книге на поле сделано замечание: «Ἐν ἁλλοις ταπεινοφροσύνην», то есть «В других: ”смиренномудрие”».

Слово 24 [226]. О том, как человек приходит в чувство и познает полезное

О, сколько слез желал бы я иметь, когда отчасти вижу себя самого! Ибо если не согрешаю, то, по гордости, возношусь; если же согрешу и успею заметить это, то, по недоумению [227], упадаю духом и прихожу в отчаяние. Если прибегну к надежде, опять приходит гордость. Если плачу, это производит во мне самомнение, и если не плачу, опять приходят страсти. Жизнь моя — смерть, а смерть — хуже, по страху мучения. Молитва моя бывает для меня искушением и невнимательность — погибелью. *Приложивый разум приложит болезнь*, — говорит Соломон (Еккл. 1, 18). Недоумею и изумляюсь, и не знаю, что делать. Если же знаю, может быть, и не делаю, к осуждению служит мне знание. Увы мне! Что мне избрать? Все, по неразумию, кажется мне противным, и не могу выбрать что-либо из этого. Не нахожу добродетели и мудрости, сокрытых в искушениях, потому что не имею терпения. Но, удаляясь от безмолвия ради помыслов, вне его нахожу страсти, в искушениях чрез чувства. Если захочу поститься и бодрствовать, нахожу препятствие в самомнении и изнеможении (телесном). Если ем и пью безмерно, невольно прихожу к тому, чтобы согрешать. От всех удаляюсь и бегаю, по страху греха, но уныние снова расслабляет меня, хотя и вижу, что многие за такие брани и искушения получают венцы, потому что имеют твердую веру, чрез которую получили Божественный страх, и страхом достигли делания прочих добродетелей. Если бы и я имел веру, как они, достиг бы и я страха, чрез который получил бы, по слову пророка, благочестие и ведение, от которых рождаются: крепость, совесть, разум и премудрость Духа (См.: Ис. 11, 2) пребывающим в Боге, с беспопечительностию и упражнением в Божественных Писаниях, с терпением, чрез которое все высокое и низкое бывает для них одинаковым.

Когда какая-либо страсть принимает вид добродетели, время и опытность обыкновенно это обнаруживают, и когда опять добродетель уклоняется к страсти, время и опытность обыкновенно различают это, чрез терпение, ибо если последнее не родится в душе от веры, то (она) вовсе не может иметь добродетели. *В терпении вашем стяжите души ваша*, — говорит Господь (Лк. 21, 19). *Создавый наедине сердца* человеческая, как сказал Псалмопевец (Ср.: Пс. 32, 15). И из этого ясно, что наедине создается сердце, то есть ум, — терпением того, что нас постигает. Ибо тот, кто верует, что имеет другого невидимо пекущегося [228]

---

226 Надписание подлинника: «Омега (ω) теперь и двадцать четвертое настоящее Слово подает сердцу чувство, чтобы человек знал полезное».

227 Ἐξ ἀπορίας, в слав. «от неискусства».

228 Κυβερνωντα.

о его жизни, когда послушается своего помысла, говорящего: этого хочу, а этого не хочу; это хорошо, а это худо. Если же имеет кого-либо чувственным руководителем, то должен вопрошать его о всяком деле и, слухом принимая ответ, исполнять сказанное ему на деле. Если же никого не имеет, то имеет, по слову Евхаита, Христа. И должен, вопрошая Его молитвою от сердца, по вере надеяться ответа делом и словом, чтобы сатана, не могущий исполнить чего-нибудь делом, не ответил словом, преобразуясь как бы в руководителя, и не привлек к погибели не имеющих терпения. Ибо они, по неразумию, спешат принимать то, что никогда не дается им, ибо *един день пред Господем, яко тысяща лет, и тысяща лет яко день един* (2 Пет. 3, 8). Получивший же чрез терпение опытность в кознях вражеских, по слову апостола (См.: Рим. 5, 4), трудится, борется и *течет* в терпении, *да постигнет* и возможет сказать: *не бо умышлений его не вемы* (Ср.: 2 Кор. 2, 11), то есть сокровенных его козней, многим неведомых. Ибо, — говорит, — *сатана преобразуется во ангела светла* (2 Кор. 11, 14), и не чудо. Поелику и являющиеся от него помыслы в сердце кажутся неопытным помыслами правды. Потому и хорошо — «не знаю», чтобы не отвергать того, что говорит ангел, и не поверить тому, что делается от врага, по его лукавству, но терпением избегать обеих стремнин и ожидать, что ответ будет получен на деле, через многие годы, невольно, без нашего ведения. Как некто сказал о ведении существующего, то есть созданий Божиих: когда достигнешь некоторого пристанища, то есть деятельного ведения, и когда видишь, что оно пребывает (с тобою) многие годы, тогда познай, что ты действительно услышан и невидимо получил ответ. Например: молится человек о побеждении борющих его страстей и не слышит слова, не видит какого-либо образа обольщения, но если бы и случилось это когда-либо, во сне или наяву, вовсе этому не верит, и по истечении нескольких лет видит, что та брань побеждается благодатию, и ему приходят мысли, влекущие ум в смирение и в познание своей немощи; однако и так не верит, но ожидает много лет, боясь, чтобы и это не было тайною хитростию. Как Златоуст говорит об апостолах, что для того сказал им Господь о скорбях и прибавил: *претерпевый же до конца, той спасен будет* (Мф. 10, 22), чтобы они никогда не были беспечны, но подвизались по страху. Ибо никто не получит пользы от других добродетелей, хотя бы он и на небе жил, если имеет гордость, чрез которую диавол, Адам и другие весьма многие пали. Потому никто не должен отвергать страх, пока не достигнет он пристанища совершенной любви и не будет вне мира и тела. Таковой добровольно не оставляет страха, но от великой веры, которая делает ум беспопечительным о жизни или смерти тела, приходит в чистый страх любви, о котором Великий Афанасий говорит к людям совершенным: бойся Бога не как мучителя, но бойся Его по любви. Не ради согрешений только должен человек бояться Бога, но потому что Бог

любит его, а он не любит Бога и, будучи недостоин, получает благодеяния; чтобы, устрашаясь таких благ, он привлек душу свою к любви и сделался достойным оказываемых и имеющих быть оказанными ему благодеяний благоразумием своим в отношении к Благодетелю, и от чистого страха любви пришел бы в смирение, превысшее естества. Поелику сколько бы ни делал он доброго, сколько ни перенес бы тяжкого, отнюдь не думает, что от своей крепости или от своего разума имеет он силу терпеть или быть невредимым по душе или по телу, но от смиренномудрия получил он рассуждение, чрез которое знает, что он создание Божие и что сам собою он не может ни доброго делать, ни сохранять то добро, которое совершает благодать, ни победить искушения, ни пребывать в терпении, по своему мужеству или благоразумию. От рассуждения приходит он в частное ведение вещей и начинает умом созерцать все существующее, но, не зная, как объяснить себе оное, ищет учителя и, не находя его, ибо Он невидим, не принимает опять какого-либо образа или неутвержденной мысли, ибо научился сему от рассуждения и пребывает в недоумении. Вследствие этого все происходящее от него самого и все им самим постигаемое он считает за ничто, видя пред собою такое множество людей, павших после многих трудов и знаний, начиная от Адама и других. И так, слыша и не разумея чего-либо сказанного в Божественных Писаниях, начинает проливать слезы от этого ведения, то есть от познавания того, что он действительно не знает, как должно. И поистине чудо, как *мняйся ведети что, не у что разуме* (1 Кор. 8, 2), и еже мнит имети *возметься от него*, говорит Господь (Ср.: Мф. 13, 12), то есть за то, что *мнил имети*, а не имел. А этот мнит о себе, что он немудр и неразумен, немощен и невежда, и поэтому плачет и рыдает, *мня*, что он усвоил себе то, чего не имеет, по благоразумию.

Смирение рождается от многих добродетелей, само же рождает — совершеннейшие: так же и ведение, благодарение, и молитва, и любовь, ибо эти добродетели всегда возрастают. Например, смиряется человек, как грешник, и плачет, и от этого воздерживается и переносит произвольно и невольно бывающие скорби — от демонов, ради подвига, и от людей — к испытанию веры, чтобы обнаружилось: имеет ли он надежду на Бога, или надеется на человека, или на свою крепость и мудрость. Будучи испытан в терпении и в том, чтобы все предоставлять Богу, получает он великую веру, о которой говорит Господь: *Сын Человеческий пришед … обрящет ли веру?* (Лк. 18, 8). И чрез эту веру получает победу над противниками, а получив ее, познает свою немощь и неразумие, от Божией силы и премудрости, на нем проявляющейся. И начинает благодарить в смирении души и трепещет, боясь, чтобы как-нибудь, подобно прежнему, не впасть в преслушание Бога. И от чистого страха, бывающего без греха, и от благодарения, терпения же и смирения, которого удостоился от ведения, начинает надеяться получить, по благодати,

милость. От опыта же совершающихся на нем благодеяний ожидает и боится, чтобы не оказаться как-нибудь недостойным таковых даров Божиих, и отсюда возрастает в смирении и молитве от сердца, а по мере того, как возрастает в нем это, с благодарением, получает он большее ведение. И так от ведения приходит в страх и от страха в благодарение и в высшее ведение. И отсюда — естественно любит Благодетеля и с радостию желает угождать Ему, вследствие ведения, как должник. И тотчас умножается в нем ведение, и он созерцает вместе с особенными благодеяниями (Божиими) и общие, не возмогая благодарить за которые, плачет, и снова, удивляясь благодати Божией, утешается. И иногда бывают у него прискорбные слезы, иногда же опять, от любви, проливает слезы, сладчайшие меда, при духовной радости, которая происходит от неизреченного смирения. Когда поистине желает он всякой воли Божией, и ненавидит всякую честь и покой, и почитает себя ниже всех, так что отнюдь не думает, чтобы кто-либо из людей был таким должником по всему пред Богом и людьми, как он. И потому почитает искушения и скорби за великое благодеяние, а радость и покой большою потерею. И первые любит от всей души, откуда бы они ни приходили, а последних боится, хотя бы и от Бога бывали, к испытанию. Когда он пребывает в этих слезах, ум начинает получать чистоту и приходит в первоначальное свое устроение, то есть в естественное ведение, которое было им потеряно чрез любовь к страстям. Ведение это некоторые называют мудростию, потому что ум видит (при нем) вещи согласно с их естеством. И опять, некоторые называют рассмотрением, потому что достигший его познает некоторую часть сокровенных таинств, то есть намерение Божие, заключающееся в Божественных Писаниях и в каждом создании. Рассмотрение рождается от рассуждения и может постигать сущность чувственных и мысленных (созданий), и поэтому называется ведением существующего, то есть творений; но оно естественно и происходит от чистоты ума. Если же кто-либо удостоится, для общей пользы, получить прозорливость, то это превыше естества. Ибо один только Бог провидит все во всех, и (ведает) для чего Он создал каждую вещь или слово Божественного Писания, и по благодати дарует достойным знание. Так что ведение чувственных и мысленных творений Его, называемое мудростию, есть рассмотрение и естественное ведение, которое прежде было в естестве, но страсти помрачили ум; и если Бог, чрез деятельную добродетель, не отнимет страстей, то (ум) не может видеть. Но прозорливость не такова; она есть благодать и превыше естества. Однако и рассмотрение не бывает без Бога, хотя оно и естественно. Поелику и эллины много придумали, но не нашли намерения Божия, (сокровенного) в творениях, как говорит Великий Василий, не нашли и Самого Бога, потому что не имели смирения и веры Авраамовой. Ибо тогда человек называется ве-

рующим, когда он от видимого верует невидимому, а если верует только тому, что он видит, то не верит учащему его или проповедующему.

По сему-то, для испытания веры, искушения бывают явны, а заступления сокрыты, чтобы верующий, чрез терпение, по миновании искушения, нашел ведение и чрез него познал то, чего не знал (прежде), и что ему благодетельствует (Бог), и плодопринес смирение и любовь к Богу как Благодетелю и к ближнему, для угождения Богу, и чтобы считал это естественным и своим долгом, вследствие которого желал бы и заповеди соблюдать. Страсти ненавидит он как врагов, а тело презирает, считая его препятствием к бесстрастию и познанию Бога, то есть сокровенной Его премудрости. И поистине она сокровенна. Ибо при мирской мудрости — кто побеждает (других), питает себя, имеет покой в этом мире и славу, тот и бывает ее другом, а при Божией премудрости — друг ее подвизается в противоположном сему, то есть много трудится, и воздерживается, и переносит всякую скорбь и всякое бесчестие ради Царства Небесного. Ибо один желает, чтобы видимые блага, земные науки и цари были ему близки, и ради этого часто страдает, а другой состраждет Христовым страданиям. Первый надеется на здешнее, если только успеет получить его, потому что оно временно и неудободостижимо, а другое — сокрыто здесь от *очию безумных*, — говорит Божественное Писание (Прем. 3, 2), и сделается явным в будущем веке, когда тайное обнаружится; однако не только (там), но, к утешению плачущих, и здесь, по слову Златоуста, дается познание сокровенного, то есть ведение Божественных Писаний и творений. Ибо от веры рождается страх, от которого — плач, от плача — смирение и от смирения — рассуждение, от сего последнего — рассмотрение и, по благодати, — прозорливость.

Имеющий ведение отнюдь не должен утверждать своего собственного разумения, но желать всегда иметь подтверждение в Божественном Писании или в природе вещи. Если же нет этого, то ведение не есть истинное, но лукавство и обольщение, как говорит Великий Василий о звездах, что Божественное Писание немногие (из них) называет, а эллины, заблуждаясь, дают им многие имена, ибо намерение Божественного Писания состоит в том, чтобы (предложить) могущее спасти душу и открыть некоторым тайны Божественных Писаний и значение существующего, то есть цель, для которой каждая вещь получила бытие, чтобы просвещать ум и возбуждать его к люблению Бога и познаванию величия Его, неизреченной Его премудрости и промысла — от попечения Его о Своих творениях. Дабы от этого ведения человек боялся преступать заповеди Божии и познавал свою немощь и неразумие, и чрез то смиренномудрствовал, любил Бога и не презирал Его заповедей, как делают не имеющие деятельного познания. И опять, Бог скрывает от человека некоторые из таинств, дабы он желал (познать их) и не был горд, подобно Адаму, и чтобы враг, найдя его вне должного, не увлек его в

свое зло. Так бывает с добродетельными; а неразумных устрашает искушениями, чтобы они удалялись от делания греха, и телесными благодеяниями укрепляет, чтобы не отчаивались. И так всегда делает это Бог, по беспредельной Своей благости, чтобы спасти всех и избавить от сетей диавола, или даруя нам, или не посылая нам благодеяния и познания, и подавая дарования и разумения для того, чтобы каждого сделать благоразумным. Также и Божественное Писание сделал Он прикровенным и понятным для некоторых к пользе, смотря по произволению читающего. Намерение же внешних мудрецов было не таково; но каждый из них старался о том, чтобы победить другого и показаться мудрейшим; потому и не нашли они Господа, также не найдут Его и те, которые поступают по их примеру, хотя, может быть, и много трудятся. Ибо не трудам, говорит Лествичник, а смирению и простоте является Бог, чрез веру, то есть ведением Писаний и творений, — веру, о которой Господь говорит: *Како вы можете веровати, славу друг от друга приемлюще* и прочее (Ин. 5, 44). Это та великая вера, которая может всякое попечение возложить на Бога, которую апостол называет основанием (См.: 1 Кор. 3, 11), а Лествичник — матерью безмолвия и святой Исаак — верою ведения и дверью таинств. Имеющий сию веру беспопечителен во всем, как и все святые, у которых и самые имена были соответствующими их расположению, как у праведных в древности; так, Петр означает твердость, Павел — покой, Иаков — борец, как поборовший велиара, и Стефан назван так от венца неувядаемого, Афанасий — от бессмертия и Василий — от царства, Григорий — от бодрствования в премудрости, то есть в богословии; Златоуст же — от многоценной вещи и многовожделенной благодати, Исаак — от оставления. И просто сказать, как в Ветхом Завете, так и в Новом имена соответствующие. Ибо Адам назван по четырем странам света: «А» [229] — восток, «Δ» [230] — запад, «А» [231] — север и «М» [232] — юг. И опять, человек на тогдашнем языке, то есть сирийском, называется огнем, сходно с природою. Ибо от одного человека произошел весь мир, как от одной свечи можно зажечь сколько угодно других, и та первая от этого не оскудеет. По смешению же языков иной (язык) производит слово «человек» от забвения, которое свойственно человеку, другой — от других его свойств, а эллинский — производит слово «человек» от взирания вверх [233]. Но естество его есть собственно слово, потому и называется он словесным, ибо один только человек обладает этим свойством; по иным же своим названиям

229 Ἀνατολη.

230 Δύσίς.

231 Ἄρκτος.

232 Μεσημβρία.

233 Ἄνω αθρεῖν.

он имеет себе соименников между другими творениями. Потому и должны мы оставить все и как словесные предпочесть слово, и слова [234] (разумения) разумно приносить [235] Божию Слову, чтобы от Него, вместо слов, удостоиться получить слова (разумения) Духа Святого, в нынешнем веке, по сказанному: *даяй молитву молящемуся* (1 Цар. 2, 9), то есть: хорошо молящемуся телесною молитвою дает Бог умную молитву, и тщательно пребывающему в ней — безвидную и необразовидную, от чистого страха Божия. И опять, хорошо совершающему сию — ведение творений и от него — восхищение ума к богословию и благому действию будущего дарует Бог тому, кто от всего *упраздняется* (Ср.: Пс. 45, 11) и поучается в сем делом и словом, а не слухом только.

Так и ведение тогда только хорошо имеется, когда получившего оное невольно ведет к смирению, от стыда, что он имеет его не по достоинству и, по слову Лествичника, рукою смирения отвращает оное от себя, как вредное, хотя оно, может быть, и от Бога даровано; если же (иметь ведение) — как некто, некогда пораженный от эфиопов трезубцем (при исходе души), тогда — о, бедствие! Как он столько был прославляем, столько был любим людьми, что все рыдали о его смерти и считали лишение его за великую потерю, но за гордость, которую имел он в себе сокрытою, слышал видевший это глас с высоты: «Не дайте ему покоя, потому что и он не дал Мне покоя ни на один час». Увы! Все называли его святым и молитвами его многие надеялись избавиться от всяких искушений, и такой конец получил он за возношение! А что причиною сего было действительно возношение, это явно всем (из следующего). Если бы то был иной грех, то он не мог бы утаить его от всех и делать ежечасно. Если бы это была ересь, то хотя еретик и ежечасно прогневляет Бога своею хулою в уме, однако ересь не может совершенно утаиться, но, по действию промысла Божия, открывается к исправлению того, кто ее имеет, если он пожелает исправиться; если же нет, то — к утверждению других людей. И так одно высокомудрие может, по самоугодию, утаиться от всех почти и от самого того, кто его имеет, если не попустится ему впасть в искушение, которым душа обличается и познает свою немощь и неразумие. Потому Дух Святой и не обретал ни на один час покоя в той жалкой душе, что она всегда имела этот помысл и радовалась о нем, как о некотором добром деле, от того и помрачилась она, как демоны. Не видя себя согрешающим, может быть, человек тот питал в себе одну страсть, вместо других, и этой одной довольно было демонам, как могущей восполнить место прочих пороков, как говорит Лествичник. Не сам я составил такое рассуждение и объяснение этого

---

234 Λόγους.

235 Προσφέρειν, в слав. «согласовати».

случая, но слышал от святого старца и написал. Также и о святом Павле Простом говорил он, что демон потому не тотчас, как услышал (слова Павла), вышел из человека, что, когда Великий Антоний сказал: «Авва Павел, выгони демона из этой девицы», Павел не сделал тотчас же поклона, но некоторым образом сделал возражение, сказав: «А ты что?» И когда услышал: «Мне несвободно», тогда послушался. Потому, говорил блаженный старец, демон и не вышел тотчас, но после многого труда. И справедливо. Ибо не то только удостоверяет сие, что старец сей был богоносный муж, но оно подтверждается умовением ног (См.: Ин. 13, 8), и противоречием Моисея (См.: Исх. 3, 11), и примером того пророка, который искал быть избитым, а так как эта повесть имеет глубокое значение [236] и доселе еще не приведена нами, то расскажем ее здесь.

В Святом Писании [237] упоминается об одном царе, который мучительски управлял своим царством, так что Человеколюбец Бог, не терпя его мучительства, повелел пророку идти и обличить этого царя. Пророк, зная его жестокость, не захотел идти просто, чтобы царь не увидел его как-нибудь издалека, и зная причину, по которой он идет, не приказал отогнать его, и пророк не успел бы обличить его; или, опять, если бы он начал говорить: «Бог мой послал меня к тебе ради твоей жестокости», царь не стал бы слушать таких слов, потому пророк и употребил хитрость — пожелал быть раненым кем-нибудь, чтобы прийти к царю окровавленным, как бы с жалобою, чтобы таким образом искусно склонить к себе царя и заставить его выслушать обличение. Выйдя (с этою мыслию), он нашел человека, стоящего при пути с секирою, и сказал ему: «Так говорит Господь: возьми твою секиру и ударь меня по голове». Он же, будучи богобоязлив, сказал: «Никак, господин мой, и я Божий, и не наложу руки своей на помазанника Господня». И сказал ему пророк: «Так говорит Господь: *понеже не послушал еси гласа Господня, се, ты отыдеши от мене, и поразит тя лев* » (3 Цар. 20, 36). Это не был гнев, никак; но это совершилось для пользы многих, и потому что добрый тот человек был достоин не просто умереть, как другие люди, но, по слову Господа, быть растерзанным зверем и чрез горькую смерть получить венец. Как в «Старчестве» сказано о четырех отцах, согласившихся между собою. Преставившиеся о Христе молились, чтобы служивший им брат был растерзан львом, за блуд, им сделанный, но Господь не услышал их, а благоволил услышать безмолвника, который молился, чтобы лев отступил от брата. Потом пророк нашел другого человека и сказал ему: «Так говорит Господь: возьми твою секиру и ударь меня по голове». Этот, услышав: «Так говорит Господь», не рассуждая, ударил пророка по голове своею секирою (См.: 3 Цар. 20, 37), и пророк,

---

236 Θεορίαν.

237 Εις τά Παραλειπόμενα.

как некогда Моисей, сказал ему: «Благословение Господне на тебе, за то, что ты послушал гласа Господня». Так что один, потому что был весьма добродетелен, устыдился пророка и не послушал его, как апостол Петр при умовении (См.: Ин. 13, 8); другой же, не рассуждая, исполнил послушание, как народ послушал Моисея, когда повелено было убивать друг друга (См.: Исх. 32, 27). В том, что явно кто слушается повеления Божия, тот поступает лучше, ибо превысшее естества повеление Владыки естества считает мудрейшим и справедливейшим, нежели естественное ведение, а непослушный делает менее, ибо считает то, что ему кажется хорошим, более праведным, нежели Божие. В сокровенном же бывает не так, но смотря по намерению послушания или непослушания, так что имеющий намерение угодить Богу делает лучше. И в явном Бог является гневающимся на ослушника и благословляющим того, кто послушался; а в сокровенном не так, но, как сказано, по естественному взгляду оба были справедливы [238] и хороши, ибо намерение обоих было по Богу. И это так. Пророк же, пришедший к царю и став перед ним, сказал: «Защити меня, царь; когда я шел, встретил меня один человек и поранил мне голову». Царь, видя кровь и рану, рассердился, по своему обычаю, однако не на того, кто жаловался, но, думая, что ему нужно судить кого-либо другого, а не себя самого, произнес строгое осуждение на совершившего это беззаконие. Пророк же, достигнув того, чего надеялся, говорит: «Хорошо сказал ты, царь; потому так говорит Господь: отнимая, отниму царство от руки твоей и семени твоего, ибо ты сотворил сие». Так пророк исполнил пророчество, по желанию своему, и искусно заставил царя внимательно выслушать себя и отошел, прославляя Бога. Таковы были души пророков, любивших Бога и стремившихся страдать за исполнение повелений Его, вследствие боговедения. И справедливо. Ибо совершенно знающий какой-либо путь или какое-либо художество проходит его со всяким усердием и удобством, и другим непогрешительно указывает направление пути или тайны и разумения художества, хотя сам, может быть, и молод по возрасту, и часто совершенно прост, а те стары и мудры в других науках. Ибо пророки, апостолы и мученики научились боговедению и премудрости не от слуха, как мы, но дали кровь и получили дух. По сказанному в «Старчестве»: «Дай кровь и приими дух». Потому и отцы вместо чувственного мучения терпели мучения, слушаясь совести, и вместо телесной смерти имели смерть по произволению, чтобы ум успел победить плотские пожелания и царствовал во Христе Иисусе, Господе нашем, Которому слава и держава, честь и поклонение ныне же и всегда, вовеки. Аминь.

Конец трудов Петра Дамаскина.

Богу же благодарение.

---

238 Επίσης — равны.